

Г. МАРКОВ

Украина. Двойка по истории

Герман Марков

Украина. Двойка по истории

«Издательские решения»

Марков Г. Н.

Украина. Двойка по истории / Г. Н. Марков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853261-0

Книга посвящена острой теме бандеровского беспредела после Евромайдана и вооружённого переворота в Киеве с приходом к власти марионеточного правительства и включает разоблачение насаждаемой на Украине чудовищно изуродованной истории путём противопоставления реальной истории Руси, правде о происхождении украинцев и украинского национализма, о Гражданской войне на Украине 1917 г., о проблеме голодомора 1932—1933 гг., о преступлениях бандеровцев и трагедии современной гражданской войны на Донбассе.

ISBN 978-5-44-853261-0

© Марков Г. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение. Состояние исторической науки в Украине	13
Анализ украинской истории по школьным учебникам	23
Раздел 1. История Украины. 5 класс	24
Происхождение украинского языка, украинского национализма, Украины и украинцев	26
Гражданская война на Украине в 1917—1920 гг.	83
О голодоморе	103
ООН во Второй мировой войне	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Украина. Двойка по истории

Герман Николаевич Марков

© Герман Николаевич Марков, 2017

ISBN 978-5-4485-3261-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

(Заблудившиеся в прошлом)

Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. А тот, кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым.
Джордж Оруэлл

Кто контролирует прошлое, не растеряется в настоящем, не заблудится в будущем.
Юлиан Семёнов

Молодые граждане Украины со школьной скамьи (и даже с детского сада) напичканы русофобской сфальсифицированной историей и имеют лживые представления о том, что украинской нации 140 тысяч лет; что украинское государство существовало в виде Киевской «Украины-Руси» в IX в.; что «москаля» к нему не имеют никакого отношения, поскольку они являются помесью «украинских колонистов» с угро-финскими племенами, т.е. «туранцами»; что сама «Московия» была образована только в XVI в. и по сути являлась колонией Украины-Руси. Эти и другие подобные небылицы, описанные Михаилом Грушевским в многотомном труде «История Украины-Руси» по заказу и за деньги австро-венгерских властей, взяты за основу украинской истории и развиты современными его последователями из укро-учёных и, особенно, национально-свидомыми политиками с промытыми националистической пропагандой мозгами, исповедующими нацистско-бандеровскую идеологию. Основы исторического сознания молодых граждан Украины вырабатываются изучением в школе истории в чудовищно изуродованном виде, с такими фантастическими мифами, которые психологами вполне могут квалифицироваться как шизофренический бред. Страна, которой неполных 100 лет, в принципе не может иметь самостоятельную историю. Но такое околосторическое безобразия заполняет школьные учебники «Истории Украины». Анализу их содержания и развенчанию содержащихся в них националистических постулатов посвящена эта книга.

Государство Украина было создано большевиками в 1920-х годах, а затем, завершая усилия польских и австро-венгерских «укро-селекционеров», путём политики массовой «украинизации» русского населения был искусственно получен украинский народ, являющийся продуктом политического проекта, а не результатом естественного этногенеза. Украинское государство сейчас существует исключительно благодаря русским царям и российским императорам, которые столетиями собирали русские земли, и большевикам, слепившим Украинскую ССР как лоскутное одеяло из разнородных кусков.

Книга содержит детальный анализ намеренных извращений истории в школьных учебниках «Истории Украины» с 5 по 11 класс и протипоставляет русофобским выдумкам реальные сведения по истории древней Руси, о происхождении украинцев и украинского национализма, Гражданской войне на Украине, по проблеме «голодомора», о преступлениях украинских националистов, о вооружённом перевороте в Киеве с приходом к власти марионеточного правительства и трагических событиях современной гражданской войны на Донбассе, как результатах Евромайдана и передачи страны под внешнее управление.

Начиная это исследование где-то в феврале-марте 2014 г., я сначала наивно предполагал этой работой кому-то что-то доказать, помочь разобраться в ворохе обвинений и дерьма, которыми после антиконституционного вооружённого переворота в Киеве пытались измазать Россию и русских эти подонки – захватившие преступным путем власть бандеровские ублюдки и те, кому националистической пропагандой до того задурили мозги, что они не отдадут себе отчёт, какую чушь несут и кого они поддерживают. Из передач киевских СМИ, выступлений

депутатов Верховной рады, одиозных лидеров националистических партий, продажных журналистов и командиров батальонов Правого сектора то и дело звучали обвинения в угнетении украинского народа на протяжении веков в составе Российской империи, в подавлении стремления украинцев к самостоятельности и свободе со стороны русского народа при Советской власти, обвинения в геноциде украинского народа во время голода 1932—1933 гг., обвинения в оккупации Украины во время Великой Отечественной войны в ходе освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Обвинения, обвинения... И злоба, злоба... И ненависть.

Всем известна бытовая незлобивая вражда «хохлов» и «москалей» с дружескими шутками в хорошей компании. Но и тут мне видится существенная разница. В русских анекдотах о «хохлах» звучит в основном ирония по поводу сала, горилки или галушек. А в украинских устах большинство шуток сводятся к тому, что *«спиймалы у садочку москаля и катувалы його цилых тры годины»*. Разницу чувствуете?

Наблюдая по телевизору репортажи с киевской площади Независимости за происходящими там событиями в конце 2013 и самом начале 2014 г., можно было подумать, что мирные демонстрации против олигархического правительства президента Януковича закончатся каким-либо мирным компромиссом, в крайнем случае досрочными перевыборами президента и сменой большинства в Верховной Раде представителей одних олигархов представителями других.

Нет необходимости подробно разбирать причины противостояния народа и коррупционного клана Януковича. Они детально проанализированы многими политологами и обозревателями, например, С. Аксёненко [7]. Если очень кратко, то во всём виновата недалёковидная, непрофессиональная власть Партии регионов и её непоследовательная и беспринципная политика. Эти причины следующие:

1. Колоссальная коррумпированность президента и поддерживающей его Партии регионов на фоне всё ухудшающегося социально-экономического положения населения и страны в целом.

2. Отказ Януковича от подписания Договора об ассоциации с Евросоюзом, хотя сама пропрезидентская Партия регионов приложила немало усилий, чтобы с начала 2012 г. провести массивную пропагандистскую кампанию и представить себя в роли локомотива движения за евроинтеграцию. Это при том, что партия пришла к власти как пророссийская, а к тому же население Украины (кроме, может быть, галичан) до этой пропагандистской кампании как-то и не рвалось в Европу. А теперь, когда народу не меньше года во всех СМИ подробно и захватывающе расписывали в ярких красках ожидающие его такие заманчивые прелести, и этот народ уже в массовом порядке в предвкушении «райских возможностей» засобирается без виз путешествовать по Европе и вкушать от «европейских ценностей» (и что греха таить, «срубить бабло»), ему демонстрируют резкий вираж и откладывают подписание желанного соглашения. Да тут у любого народа снесёт крышу от благородного негодования! Даёшь Европу и баста!

3. А третьей причиной было банальное острое желание конкурирующих олигархических кланов, отодвинутых Партией регионов от жирных кусков ещё окончательно не разворованного народного достояния и оставшихся в стороне от этого дерибана, поучаствовать в «продолжении банкета».

Но события пошли по другому, гораздо худшему сценарию. Сначала собиравшиеся перед правительственными зданиями толпы вели себя цивилизованно и в это время трудно было предположить, что события на Майдане приведут к массовому кровопролитию. Все европейские СМИ убеждали действующего президента Украины Виктора Януковича сохранять сдержанность и не применять к демонстрантам силовые методы. Однако последующее развитие событий показало, что именно силовые действия правоохранительных органов содержались

в сценарии закулисных дирижеров. И после того, как Янукович не решился применить силу, её применение пришлось провоцировать авторам сценария и спонсорам-кукловодам путём снайперской стрельбы. А дальше всё пошло по отработанной схеме с выходом на авансцену заранее натренированных в заграничных лагерях боевиков-националистов (не даром было потрачено \$5 млрд, по официальному признанию Госдепа США, на «развитие демократизации украинского общества»).

В ходе дальнейших событий на первый план на Майдане вышла оголтелая русофобия.

Можно было ожидать враждебность к русским со стороны выходцев из Западной Украины, в просторечьи называемых «западенцами» или «бандеровцами». Она вполне предсказуема и объяснима их ненавистью к Советской власти в связи с перегибами во время большевицкой советизации и коллективизации 1939 г., подавлением вооружённого бандеровского подполья в послевоенные годы и депортацией антисоветски настроенных групп населения. И перенос этой вражды на одних русских, из-за их многочисленности олицетворяющих в глазах галичан весь партийно-советский репрессивный аппарат всего Советского Союза, тоже можно объяснить с грехом пополам. Хотя, например, от голода в 1932—1933 гг. умирали не только на Украине, но и в центральных областях, в Казахстане и в Поволжье, и не только украинцы и русские. В это время голод был и в Америке, и в польской Галиции. В голоде конкретно на Украине можно обвинить и этнических украинцев – местных советских руководителей от республиканского уровня до сельских советов. Но об этом намеренно умалчивают. Главная цель – русофобия.

Объяснима русофобия и со стороны Киевской городской чиновничьей элиты, куда из западных областей (особенно после «помаранчевой революции» 2004 г.) перекочевала и заняла руководящие посты в министерствах и ведомствах многочисленная предприимчивая националистическая прослойка, насаждающая свои идеи как выразителей революционно-патриотического движения. Не удивительно, что большинство отъявленных националистов это выходцы из бывшей Галиции, которые мнят себя «настоящими украинцами», более украинцами, чем жители остальной Украины, которых они называют пренебрежительно «сходняками» (от украинского «сход» – восток), а Галичину бандеровцы высокопарно называют «материнской частью Украины», чётко зная откуда пошло «украинство».

На Западной Украине традиционно существовал национализм, возникший как естественный протест против векового владычества Польши и Австро-Венгрии над русинским (русским) населением. Другое дело, что правящим кругам Австро-Венгрии, владевшим Галицией с конца XVIII в. после разделов Польши, удалось изменить направленность националистических идей, обратив их себе на пользу путём целенаправленно разжигаемых русофобских настроений среди «новообращённых украинцев», представителей искусственной нации, в начале XX в. выращиваемой в пределах Галиции, как в своеобразном инкубаторе. Именно там стараниями австрийских властей в преддверии первой мировой войны для противодействия пророссийским настроениям в среде преобладающего русского (русинского) населения были заложены ростки «украинства», старательно поддерживаемые и спонсируемые Веней с целью закрепить обладание этими древними исконно русскими землями. Именно туда, в административную столицу Галиции Львов перебралась во второй половине XIX в. (особенно после запретительных Валуевского циркуляра и Эмского указа) радикальная группа российских украинофилов, привлечённая поощрительной для них политикой австрийского правительства, имевшего свои цели их использования. Именно там получил тёплый прием и благоволение властей предложивший им свои услуги молодой амбициозный историк Михаил Грушевский, заложивший своей многотомной «Историей Украины-Руси» «научную базу» для последующих «украинствующих» деятелей и заслуживший за это имя «отца нации» (этим прозвищем националисты косвенно признают, где и когда именно создавалась украинская нация). Именно там зародился, спровоцированный австрийскими властями и расцветший дур-

ным цветом русофобский украинский национализм (слепой или осознанный – не имело значения) антирусской направленности, выразившийся в начале XX в. в изуверствах и убийствах людей с активным участием деятелей «украинской партии», т. е. в реальном геноциде русинов Галицкой Руси в 1914—1915 гг., в котором погибло несколько десятков тысяч русинов, «борцов за воссоединение Прикарпатья с Великой Русью». Именно так написано на Монументе жертвам Талергофа (одного из основных австрийских концлагерей) на Лычаковском кладбище Львова.

Но отравленные ядом русофобии ростки украинского национализма появились гораздо раньше, когда первые украинофилы стали вещать об особости украинства и противопоставлять народ Малороссии русскому народу.

На Западной Украине, вновь попавшей под власть Польши после гражданской войны, национально-освободительное движение населения против засилья польских панов, в начале 1930-х годов постепенно превратилось в боевую Организацию Украинских Националистов под патронажем германской разведки абвер, руководитель которой адмирал Канарис предполагал их использовать в будущей войне с советской Россией.

Сегодня их потомки – это по сути фанатики, которые свято верят в то, что вдолбили им в головы в детстве в семьях бывших полицаев, бандеровцев или эсэсовцев дивизии «Галиция». Этим подонкам, зверски пытавшим в 2014—2016 гг. раненных ополченцев Донбасса, расстреливавшим мирных жителей в прифронтовой полосе АТО и занимавшимся мародёрством в домах мирных шахтёрских поселков, нечего пытаться что-то доказывать.

В 2014 г. на Украине «вирус самовлюблённого регионализма», по выражению историка М. Смолина (род. 1971), начал активно переходить в весьма агрессивную стадию зоологической ненависти к России и русским и *«заикалил все разумные пределы»*. [11] Такое поведение боевиков Правого сектора после захвата ими лидерства на майдане было предсказуемо и ожидаемо. Во всяком случае для меня, знавшего о бандеровцах из своего жизненного опыта. Лозунги и призывы против «москалей и жидовни» были не новы. Но то, что их стали поддерживать и остальные участники майдана, в основном состоящие из студенческой молодёжи и школьников – это было сначала непонятно. Первым звоночком прозвучало стихотворение «Никогда мы не будем братьями» (Приложение 1) молодой киевлянки, одурманенной, как можно было подумать, националистической пропагандой Евромайдана. Но когда сотни подростков стали прыгать в такт кричалкам «Хто не скачет – той москаль!» и «Москаляку —на гиляку!», то стало очевидно, что это не майданная пропаганда, а твёрдо усвоенное убеждение, своей массовостью указывавшее на его источник – школу. Для проверки своего предположения пришлось взяться за украинские учебники истории. И их содержание стало для меня шоком. Оказалось, что за время независимости националисты вырастили целое поколение людей, у которых враждебное отношение к русским заложено с малолетства, как говорят, «в крови», с детского сада и со школьной скамьи.

Украинский политолог Андрей Ваджра об этом искусственно политизированном конфликте поколений на Украине высказался так: *«На наших глазах формировалась „Украина“, со всей её тупостью и мерзостью. Но для нас, в отличие от сегодняшних двадцатилетних, это не нечто незыблемое, а то, что необходимо изменить. Мы не можем принять систему, в которой подавляющая часть людей вырождается интеллектуально, духовно и физически! Мы видели, как это зло рождалось. Мы не принимаем его как нечто естественное и само собой разумеющееся... Мы должны восстать против этого зла и его уничтожить! Поэтому, только наше поколение может исправить ошибки тех, кто пришел к власти в начале 90-х. Если мы этого не сделаем, то страна обречена на гибель»*.

С 1946 г. я был школьником на Западной Украине (в небольшом посёлке при ж.д. станции Киверцы в 12 км от Луцка, затем в Станиславе, совр. Ивано-Франковск, а с 1947 г. во Львове, где закончил среднюю школу №17 в 1952 г.) И вот, спустя больше 60 лет, снова засел за учебники, теперь современные учебники по истории Украины, чтобы понять, чему учат сегодня украинских школьников. И был шокирован их содержанием. Стало понятно, что за 23 года независимости украинские власти сделали всё, чтобы воспитать в подрастающем поколении ту злобную вражду к России и ненависть ко всему русскому, которые демонстрирует украинская молодёжь, пропитанная националистической пропагандой галицийского толка. Только там могли сохраниться традиции массового участия населения в бандеровском движении, память о дедах-полицаях, боевиках-бандеровцах, солдатах дивизии СС «Галиция» и печально известного охранного батальона «Нахтигаль», участвовавших в карательных операциях немецких оккупантов против советских партизан и поддерживавших их мирных жителей, в котором служил командиром «герой Украины» гауптман немецкой армии Роман Шухевич.

К сожалению приходится констатировать тот факт, что широкое распространение пропаганды националистических идей и привнесение их в систему школьного (и дошкольного даже!) образования, было упущено из виду соответствующими спецслужбами и правительством Российской Федерации. Это их грубая ошибка, которую придётся исправлять с большими моральными, финансовыми потерями и человеческими жертвами, что и происходило на Донбассе в 2014—2016 гг. во время современной гражданской войны (названной националистами «антитеррористической операцией» против сепаратистов – АТО).

Подтверждает это бывший офицер КГБ Украины Георгий Захарович Санников, непосредственный участник ликвидации в 1950-е годы бандеровского подполья на Западной Украине, который в интервью газете «Московский комсомолец» в июле 2014 г. заявил: *«К сожалению, мы не отслеживали ситуацию с национализмом на Украине последние годы. Мы проспали... В 1990 году во Львове был создан Украинский национальный союз – УНС. Тогда многие жители Украины называли членов этой организации украинскими нацистами. Мы промолчали».* И продолжил: *«Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона (УНА—УНСО) – открыто нацистская и русофобская. Боевики этой организации откровенно хвастаются своим участием в вооружённых конфликтах против российских войск».* Затем, вспоминая факельные шествия боевиков Правого сектора по Крещатику, он добавил: *«Ведь факелы несли внуки и дети тех, кто был в подполье, кто погиб от рук советской власти, соответствующим образом воспитанные и ненавидящие все, что связано с Россией. Долгие годы они маскировались, стали коммунистами, комсомольцами... Еще Шухевичем была дана команда легализоваться, проникать в органы власти. И они проникли».*

Российские официальные власти практически никак не реагировали на провокационные действия западных эмигрантских националистических кругов по возрождению агрессивного национализма в независимой Украине. А об участии в организации «оранжевой» революции 2004 г. американских спецслужб не знает только ленивый. Эта их тайная операция готовилась не один день. И не один день готовили западные спецслужбы Виктора Ющенко на роль президента. Ещё в 1993 г. соседкой тогда главы Нацбанка Украины в салоне самолёта «случайно» оказалась симпатичная американка украинского происхождения Кэтрин-Клэр Чумаченко (служащая офиса Белого Дома по связям с общественностью, ассистент заместителя госсекретаря, служащая Минфина и Конгресса США). После того, как очарованный новой знакомой В. Ющенко, оставил жену с двумя детьми и вступил в 1998 г. в брак с напористой американкой Кэтрин, новая супруга занялась благотворительной деятельностью в различных фондах, основанных с якобы благими целями «развития демократии на Украине», а на самом деле представлявших неправительственные организации, действовавшие в интересах иностранного правительства. Одним из них является международный благотворительный фонд «Украина

3000», который осуществлял масштабную программу «Формирование и реализация современной национальной модели образования и воспитания», оказавшую несомненное влияние на националистический характер школьных программ по истории Украины. А вы думали, это просто так в учебниках напичкано всякой русофобской чепухи?

Виктор Балоба, в 2006—2009 годах возглавлявший секретариат президента Украины Ющенко, так отзывался о Кэтрин Чумаченко: *«Эта женщина уникальна в своем роде. У нее не отнять ее сильных качеств: воли, умения вникнуть, всеядности. В силу этих качеств она принимала живейшее участие почти в каждом решении Ющенко»*. Понятно в чьих интересах. Даже кабинет министров при Ющенко формировался с одобрения Госдепа США.

Юрий Луценко, министр внутренних дел в правительстве Юлии Тимошенко (арестованный 26 декабря 2010 года Генеральной прокуратурой Украины по обвинению в растрате государственных средств в особо крупных размерах и осуждённый на 4 года с конфискацией всего принадлежащего ему имущества), уже находясь за решёткой, сказал в день рождения Ющенко (23 февраля 2011): *«Ющенко продал Украину, а нас пустил на фарш Януковичу»*. Кому продал — уточнять не надо?

Наблюдая события на майдане, по продуманному агрессивному характеру организованного нападения боевиков на бойцов «Беркута» было ясно, что основной авангардной силой майдана являются хорошо физически и идеологически подготовленные боевые группы Правого сектора и других националистических объединений, направляемые единым руководством. Всеми действиями на майдане командовали лидер Правого сектора Дмитрий Ярош и комендант Евромайдана, руководитель отрядов Самообороны Андрей Парубий, по данным бывшего председателя СБУ генерала Александра Якименко, напрямую связанный с ЦРУ США (как и его друг Валентин Наливайченко) и ответственный за расстрел снайперами правоохранителей и манифестантов, а также за организацию Одесской трагедии. После Майдана стал секретарём Совета национальной безопасности и обороны Украины. Инициатор создания добровольческих батальонов Правого сектора. В апреле 2016 г. Парубий становится спикером Верховной рады вместо назначенного премьер-министром выдвигенца Порошенко В. Гройсмана. Бандеровец, нацист и агент ЦРУ у власти в стране! Какие к этому нужны комментарии?

Последующие события, когда после вооружённого захвата власти экспедиционные отряды галицких националистов из Правого сектора майдана под лозунгом «Бандера прыйдэ —порядок навэдэ!» стали врывать в города Юго-Востока с целью принуждения к повиновению населения, не признавшего вооружённый переворот в Киеве и отвергающего бандеровскую идеологию, это стало началом гражданского противостояния. Бесчинства и жестокость националистов по разгону антимайданов в Харькове, Запорожье, Мариуполе и Одессе привели к человеческим жертвам и послужили толчком к вооружённому сопротивлению. Своевременно поняли грозящую им опасность жители Крыма, которые обратились за помощью и защитой к России и таким образом избежали участи Донбасса, который стал ареной братоубийственной гражданской войны, окончательно расколовшей украинское общество. И хотя националисты всех мастей твердят о консолидации украинской нации после событий на майдане, никакой консолидации между пробандеровским Западом и пророссийским Юго-Востоком страны, особенно после «Одесской Хатыни» и кровавых событий на Донбассе, быть не может. Между ними стоят несколько тысяч убитых и искалеченных граждан Украины, мужчин, женщин и детей, сотни тысяч беженцев, спасавшихся от войны, целенаправленно разрушенные украинской армией и националистическими формированиями путём воздушных и артиллерийских бомбардировок жилые дома и коммунальные объекты шахтёрских городов и посёлков, руины шахт и заводов и полная экономическая разруха важного для экономики страны региона. Настроения жителей Донбасса обоснованно сводятся к заявлениям: *«Никаких*

переговоров с этими людьми быть не может. Никакие они нам не братья. Это враги. Лютые наши враги».

К этому необходимо добавить полный финансово-политический крах государственных институтов страны и неспособность националистов, захвативших власть в Киеве, найти способ вывести Украину из того тупика, куда они её загнали. Никакие транши МВФ не могут прокормить страну, неудержимо скатывающуюся к экономической и политической катастрофе. Тем более, что большая их часть оседает в карманах членов киевской хунты.

Единственным выходом из этой катастрофической ситуации может быть решительная борьба с диктатурой национализма, вплоть до полного его искоренения, всенародное осуждение националистов и суд над их главарями-коллорабационистами, продавшими страну под внешнее управление иностранным хозяевам; установление демократических принципов управления страной на основе всенародного референдума о федеративном устройстве под жёстким международным контролем. Для осуществления этих мер необходима коллективная воля и решительность, которой пока не хватает у здоровых сил украинского общества. Украина, просыпайся и берись за ум!

Внимание. В соответствии с перечнем на сайте <http://minjust.ru/ru/press/news/v-perechen-organizacij-deyateln-ost-kotoryh-zapreshchena-vklyucheno-5-ukrainskih> на территории РФ запрещены террористические организации ОУН, УПА, Правый сектор, УНА, УНСО, Тризуб им. Степана Бандеры и т. п. националистические организации и их партии и объединения. Это относится ко всем случаям упоминания этих бандеровских организаций здесь и далее в основном тексте книги и в приложениях.

Введение. Состояние исторической науки в Украине

Происходящее сегодня на Украине можно охарактеризовать как процесс зарождения принципиально новой нации – нации русофобов, смысл существования которой заключается во вражде с Россией.

Артём Хачатурян

Сегодня мало для кого является секретом, что традиционная европейская и мировая история, сочинённая поколениями учёных в XVI—XVIII веках, является политической историографией, описывающей историю государств и их правителей. В угоду им искажались не только отдельные исторические факты, но подчас и весь ход истории человечества. Каждый новый король, султан или император, захватив власть в стране, старался представить себя белым и пушистым благодетелем и спасителем нации, и не был заинтересован, чтобы его придворные летописцы упоминали в своих творениях неудобные или сомнительные факты из иногда весьма бурной и не безупречной биографии властителя. Даже отец научного коммунизма Карл Маркс писал: *«То, что мы считаем историей, – это всего лишь сказки, рассказанные победителями»*. Здесь не место подробно рассказывать о многочисленных фактах намеренной фальсификации европейской и мировой истории, ошибках и несуразностях, нагромождённых за века древними летописцами, хронистами и придворными историками, которые основывали свою науку на древних мифах, подгоняя её под желание правителей. Основоположник политологии Никколо Макиавелли по этому поводу сформулировал следующий тезис: *«История нужна правителю такой, какой она позволяет ему наиболее эффективно управлять своим народом»*.

Официальные истории большинства наций содержат эпизоды и факты, происходившие в далёком прошлом, общую историческую ткань которого невозможно изменить, можно лишь несколько иначе интерпретировать события и их результаты в пределах сложившейся исторической традиции. История, написанная от лица современной нации, является ретроспективной (впрочем как и любая история во время написания) и представляет собой ту версию прошлого, которую нация хотела бы иметь своей историей. При этом автор такой истории имеет возможность так изменить трактовку тех или иных исторических событий, которая устраивает всю нацию или ту часть, которую историк представляет. Именно таким образом намеренно фальсифицировалась история в прошлом, когда заказчиком историка выступал властелин страны, который желал иметь историю в выгодном для себя свете. Тюменский блогер Алексей Кунгуров по поводу фальсификации истории профессиональными историками пишет: *«Одни сочиняли фальшивую историю и уничтожали неудобные настоящие документы в угоду правителям. Другие занимались фальсификациями, потому что желали этих правителей унижить и низвергнуть. Третьи продавались за деньги тем или иным политическим силам. Иные просто удовлетворяли столь изощренным образом собственное тщеславие или делали карьеру в „научных“ кругах»*. [34]

В европейской истории мы сталкиваемся с подобными массовыми фальсификациями прошлого. Интересующимся подробностями исторических фальсификаций и подгонки фактов истории под нужды правящей власти можно рекомендовать многочисленные публикации по тематике так называемой «альтернативной истории», например: А. Бушков. «Россия, которой не было». СПб. Нева. 2005; А. Максимов. «Русь, которая была». <http://albertmaximov.ru/pevaya.htm>; Л. Шильник. «А был ли мальчик? Скептический анализ традиционной истории».

<http://www.ereadinglib.org/book.php?book=66533>; Г. Марков. «От Гипербореи к Руси. Нетрадиционная история славян». Trafford. 2014.

Для любого бывшего гражданина распавшегося в 1991 г. Советского Союза, который мало-мальски знаком с историей страны хотя бы в объёме уроков истории в средней школе, известно, что начало русскому государству (которое стало Российской империей, а затем Советским Союзом и Российской Федерацией) было положено приглашением варяга Рюрика с братьями Трувором и Синеусом на княжение в Новгород. Там и возникло, как считалось до последнего времени, первое государство в восточной Европе, которое по имени варяжского племени русь стало называться Русью. (Не будем затрагивать вообще так называемую «норманнскую» теорию о скандинавском происхождении Рюрика, уже давно похороненную окончательно). Согласно принятой за основу в российской официальной историографии летописи «Повесть временных лет» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, от тех варягов Земля Новгородская стала называться «Русь или Русская Земля».

Многие известные российские историки и учёные XVIII – XX вв. (А. И. Лызлов, Е. И. Классен, Ю. И. Венелин, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков) подвергали сомнению отдельные пассажи «Повести» и критически относились к «норманнской теории», несмотря на то, что писаниям Нестора в России был придан статус непререкаемой истины. Согласно данным русского историка С. Соловьёва, *«в 1860 г. по высочайшему повелению Николая I запрещено было подвергать критике вопрос о годе основания русского государства, ибо-де 862-й год назначен преподобным Нестором»*.

Но никто из древних европейских или арабских писателей ни единым словом никогда не упоминал государства «Украина» или «украинский народ» по причине их отсутствия в прошлом.

Люди моего поколения, пережившие Великую Отечественную войну в школьном возрасте, видевшие своими глазами перенесённые советским народом жертвы и лишения, сожжённые сёла и разрушенные города, бывшие свидетелями тяжёлых голодных послевоенных лет, когда советский народ напрягал все силы для восстановления после войны народного хозяйства страны, эти люди знали историю такой, какую им преподавали в школах. То была история многонациональной и многоконфессиональной страны. Там не было намёка на вражду между людьми по национальному или религиозному признаку. Мы росли и выросли в едином государстве, которое считали социалистическим. Только став взрослыми и набравшись опыта и знаний, моё поколение стало понимать, что не всё было так, как мы читали в учебниках истории, в которых на уроках мы иногда по указанию учителей замазывали чернилами портреты «врагов народа», жертв сталинских репрессий, значительно позже реабилитированных. Прошло несколько десятилетий, мы пережили Перестройку, развал Советского Союза и появление вместо него 15 новых независимых государств. Поменялись приоритеты их народов и социально-политические векторы их развития, поменялось их отношение к новейшей истории и её оценка с точки зрения правительств и народов этих стран. Но с древности и хотя бы до такого мирового потрясения XX в., как Первая мировая война, русская революция 1917 г. и образование Советского Союза, как некий рубеж развития современного мира, основа истории эволюции этих народов не могла измениться до неузнаваемости. Основная её фабула может пересматриваться лишь при обнаружении неопровержимых письменных или материальных свидетельств и может только интерпретироваться по разному, исходя из политических предпочтений.

Надо признать, что та история, которую преподают сейчас в школах Российской Федерации и в целом соответствующая общей исторической канве, тоже представляется достаточно искажённой и неоднозначной при рассмотрении отдельных переломных моментов (как проис-

хождение уже упоминавшихся варягов, их приоритет в создании Новгородской, а затем Киевской Руси или сомнения в реальности татаро-монгольского ига). По этим проблемам с XVIII в. и до сих пор, то затихая, то разгораясь снова, ведётся ожесточённая полемика в кругах профессиональных учёных и дилетантов-любителей, одержимых здоровым скепсисом и желанием узнать правду об истории своего народа. Эта полемика происходит в форме научного спора и не влияет на социально-политическую жизнь Российской Федерации.

Но то, что содержится в учебниках истории назависимой Украины, является иллюстрацией сюрреализма в освещении истории, выходящего за рамки здравого смысла, проще говоря, бредом сумасшедших, нуждающихся в обследовании психиатрами и принудительном лечении. В украинских школьных учебниках олицетворением исторической трагедии украинского народа, всех бед, неудач, поражений и национального угнетения является Россия. Оказывается, украинцы в течение всего своего исторического развития с незапамятных времён постоянно боролись с российским гнётом за свою независимость и сохранение своей культуры, самобытности и языка. Они в самые сложные времена трёхвековой «оккупации русско-советской империей» не утратили стремления к свободе, независимости и собственной государственности, что и демонстрируют в настоящее время во время «вооружённой российской агрессии» в Крыму и на Донбассе. Для многих профессиональных историков современной Украины, идейных националистов, характерны наглое извращение исторической истины, иезуитские увёртки, умышленная фальсификация общеизвестных событий. На основе этих бредовых идей ими создана лживая история Украины, которая навязывается молодому поколению. Так предками украинцев назвали придуманных поляком Тадеушем Чацким «древних укров», распространяют выдуманное Грушевским глупейшее словосочетание «Украина-Русь» и утверждают, что когда-то было такое государство. Помесь клоунады и приёмов борьбы, так называемый «боевой гопак», выдают за некое древнее боевое искусство этих самых мифических укров. А некоторые особо «продвинутые» националисты идут ещё дальше. Они даже Христа гуцулом объявили, отождествляя библейскую Галилею с Галичиной. Также заявляют, что древние галлы это чуть ли не карпатские галичане, а германцы вышли с острова Хортица.

А главное – эти бредовые идеи с 1991 г. стали государственной политикой в области школьного (и даже дошкольного) образования, использовались в 2014—2015 гг. для нагнетания массового психоза у населения страны, директивно обязательны в сфере радио-телевизионного вещания национальных СМИ (после запрета альтернативных русскоязычных и даже части европейских), отслеживаются в высказываниях граждан и влияют на оценку степени их благонадёжности, а также широко используются в международных отношениях для политических деклараций.

Это практически вполне вписывается в идеи Макиавелли об использовании истории для лучшего управления своим народом с помощью бредовых фантазий, хотя весьма сомнительно, чтобы «свидомые светила передовой украинской мысли» были знакомы с трудами Макиавелли. Скорей всего это бессознательное, слепое следование националистической идеологии галичан (позиционирующих себя «более истинными украинцами», чем остальные) во имя «украинской идеи» о полной и окончательной «украинизации» всех и всего в условиях унитарной Украины «только для украинцев». При том, что всё это подпитывается и поощряется иностранными украинскими диаспорами, состоящими в большинстве из националистов в изгнании и их потомков, и спонсируется зарубежными кругами, разыгрывающими «украинскую карту» в своих интересах.

Высказывания современных украинских государственных чиновников, политиков и деятелей науки не оставляют сомнений, что для «украинствующих» националистов историческая наука является средством одурманивания народа и искусственного создания нации русофобов, имеющих превратное представление о своей истории, не знающих своих корней и оплёвывающих жизнь и идеалы своих предков, проливавших кровь за русскую землю, и дедов, защи-

тивших советский народ от порабощения нацистами. Главными посылами их массовой политики и пропаганды являются постулаты:

1. Украинский народ, его предки укры и украинский язык существуют с грубокой древности и дали начало практически всем европейским (и не только!) народам и языкам. Латынь образовалась на основе украинского языка. От украинцев произошли русские, белорусы и все остальные европейские народы, а также индусы и египтяне.

2. Местом зарождения украинской державы была Украина-Русь, известная в традиционной истории как Киевская Русь, власть в которой была предательски захвачена норманнской династией Рюриковичей.

3. Киевская Русь это государство украинского народа и не имеет никакого отношения к русской нации, которая появилась только в XVI в. путём смешения мигрирующего украинского населения с угро-финскими племенами. Киевская Русь расширялась на северо-восток, колонизируя новые земли и образуя Русь вторичную, названную из-за больших территорий Великой Русью и известную на Западе как Московия.

Другими словами, территория современной России это колония бывшей Киевской Руси, т. е. Украины. При этом, на минуточку позабыв о древних украх, утверждается, будто обитатели Киевской Руси были украинцами, но называли себя «русскими», а «москали» украли у «настоящих русских» – жителей Украины-Руси их имя, их богов и веру.

4. Россия, закабалившая Украину в XVII в., угнетала украинский народ со времён Богдана Хмельницкого и с помощью войск подавляла стремление патриотов Украины под руководством славных гетманов Выговского, Дорошенко, Мазепы и других героев Украины освободиться от русской кабалы и восстановить независимую соборную державу. Нахождение в составе польского государства считается благоприятным периодом приобщения к «передовой европейской культуре».

5. В советский период «русские империалисты» принудительно отбирали у украинцев продовольствие, чтобы намеренно устроить геноцид украинского народа. Таким образом большевики организовали на Украине голодомор 1932—33 гг.

6. С началом Второй мировой войны Советы в створе с Гитлером оккупировали Западную Украину и, насильственно присоединив её к УССР, насаждали колхозы, а борющихся за свою свободу украинцев массово депортировали в Сибирь.

7. С 1941 по 1945 гг. была не Отечественная война советского народа против вероломно напавшего на Советский Союз Гитлера, а русско-немецкая война. Сначала немцы оккупировали Украинскую державу, а потом её оккупировала русская Красная армия. Против немцев и против русской оккупации героически сражалась Украинская Повстанческая Армия (УПА) и Организация украинских националистов (ОУН) под руководством героев Украины Степана Бандеры и Романа Шухевича, пока те не пали смертью храбрых от злодейской руки НКВД. И эта оккупация продолжалась до 1991 г., когда борцы за свободу Украины из украинской Хельсинкской группы и члены Руха в борьбе завоевали независимость.

8. Самым заклятыми врагами Украины и украинцев являются Россия и русские. Они на протяжении веков грабили и угнетали свободолюбивый украинский народ, присваивали украинские достижения и объявляли русскими деятелей украинской науки и культуры.

9. Для борьбы с вооружёнными сепаратистами на Донбассе, которых поддерживали войска Российской Федерации, вторгшиеся на Украину в количестве до 200 тысяч солдат (по «точным данным», озвученным президентом Украины П. Порошенко в июле 2015 г.), была организована Антитеррористическая операция силами всей украинской армии и Национальной гвардии в составе добровольческих территориальных батальонов Правого сектора, вооружённых формирований националистов – последователей Бандеры. Доблестная украинская армия, если Америка поможет ей оружием, способна немедленно изгнать русских оккупантов, разгромить Россию и устроить парад на Красной площади с угощением освобождённых от путин-

ской тирании москвичей галушками, а затем присоединить к Украине всю территорию России до Владивостока, так как Дальний Восток осваивали украинцы.

Это не моя дикая фантазия. Такая ахиня несётся из уст «украинствующих» чиновников, политиков-националистов, бравых командиров добровольческих батальонов и даже университетских учёных и дипломированных историков национальной Академии наук Украины (НАН), представляя интерес для психиатров, исследующих механизмы возникновения навязчивого бреда. Интересующиеся деталями смогут сами убедиться в разделах, посвящённых школьным учебникам истории.

Уже в 2014 г. в школьные учебники были добавлены 30 страниц современной лжи о том, что *«революция достоинства 2013—2014 годов и война украинского народа против российской агрессии стали центральными событиями новейшей истории не только Украины, но и всей Европы и целого мира»*. В этом дополнительном разделе без всякого стеснения в виде беспочвенных обвинений ведётся грубая пропаганда межнациональной вражды: *«Немало людей осознали, что подчинение Украины России могло означать физическое уничтожение и геноцид украинского народа»*. Россия объявлена злейшим врагом Украины, жители Донбасса – это сепаратисты и предатели, а гражданская война, в которой погибли тысячи мирных граждан Украины, это борьба за демократию и независимость. Как понимают «демократию» и «независимость» националисты – подробно разобрано в конце пространного комментария к стр. 214, раздела б, где приводятся реальные результаты действий Украинского народного Руха по превращению в жизнь «высоких» целей из Устава этого движения, вобравшего в свои ряды недобитых бандеровцев и их идейных последователей.

Что говорить о малограмотных горлопанах-бандеровцах, если бывший президент страны Л. Кучма много страниц в своей многозначительно названной книге «Украина – не Россия» уделил территориальным притязаниям Украины на земли Российской Федерации, заселённые, по его словам, украинцами, и сетовал на обделение Украины территориально в результате несправедливо установленных границ во время гражданской войны и в последующие годы: *«мы недосчитались таких больших просторов, освоенных и заселённых украинцами...»*. При этом он имел ввиду Кубань, Ставрополье и дальневосточное Приморье. [10]

Есть и совсем уж экзотические выдумки «украинствующих учёных»:

– Чистокровная арийская немецкая раса народилась на острове Хортица, а затем мигрировала в Германию.

– Овидий – это украинский писатель, писавший на древнеукраинском языке.

– Александр Македонский был на самом деле украинским гетманом Александром Македонченко.

– В Египте украинцы построили пирамиду Хеопса и хотели было основать на Ниле Нильскую Сечь, им не понравилось только соседство крокодилов. Потом кое-кто из украинских казаков остался в Египте фараонить, а остальные погнали на Черкасщину египетского бугая Аписа, от которого и пошла порода серых украинских волов.

Подобные сказки о «великих древних украх» и другая историческая бредятиня сочиняются солидными людьми с учёными степенями докторов наук, профессорами и академиками как «научное» подкрепление их же бредовых теорий, получают официальную поддержку властей на самом высоком уровне, финансовую и идеологическую подпитку из эмигрантских центров и широко пропагандируются. Ведь за науку для политики очень неплохо платят. Прискорбно, что высосанные из пальца выдумки и мифы, граничащие с бредом шизофреников и требующие вмешательства психиатров, стали основой украинского школьного образования и больше двух десятилетий калечили души целого зомбированного поколения извращённым

миром нездоровых фантазий, диким искажением национального самосознания и откровенного идиотизма. Авторы этих бредней не знают, или придуриваются, что не знают простейших исторических истин. Их деды и прадеды должны перевернуться в своих гробах от такого извращения истории потомками-отщепенцами, предавшими своих русских предков.

От национальных «научных кадров» не отстают, а часто и задают тон зарубежные авторы. Их современные публикации на темы украинской истории (исходящие главным образом из мощной украинской эмигрантской северо-американской диаспоры, особенно из Канады) в основном следуют концепции Грушевского.

Весь этот бред сивой кобылы, основанный на «Истории Украины-Руси» Грушевского, украинский сатирик Остап Вишня еще в 1946 г. назвал «концепцией ограниченного разума», когда реальность заменяется дикой фантазией, в которой предатели и палачи становятся героями нации, а «свидомые» её представители демонстрируют шедевры «революционно-украинствующей дури», как не очень деликатно назвал использование украинскими националистами надуманных мифов «украинской истории» русский политический и общественный деятель, монархист Василий Шульгин (1878—1976).

Украинский писатель и политический деятель Центральной Рады В. Винниченко о своих впечатлениях от прочтения «Истории Украины-Руси» М. Грушевского с горечью записал в дневнике: *«Вся история – ряд, безостановочный, непрерывный ряд восстаний, войн, пожаров, голода, набегов, военных переворотов, интриг, ссор, подкупов... Паршивые властолюбцы, национальные отбросы, паразиты и воры продают на все стороны: кто больше даст. Потомки прадедов поганых повторяют поганые дела дедов-поганцев. И растерзанный, затравленный народ снова беспомощный ждет, какому хозяину его отдадут...»* Написано это около 100 лет назад, а так, как о днях сегодняшних!

Историческая наука при помощи шулерских манипуляций и подмены понятий превращается в орудие оболванивания масс. Украинские националисты «галицкого разлива», которые, начитавшись фальсифицированной истории Грушевского и опусов эмигрантских кругов, сочиняли сказки о строительстве древними украинцами египетских пирамид и провозглашали эсэсовцев героями Украины, в 2014 г. в результате фарисейски названной «революции достоинства» с финансовой и информационной поддержкой «западных демократий» вооружённым путём захватили власть в стране. Они установили фактически диктатуру националистов с нацистскими лозунгами и фашистскими символами, фальшивой историей, бредовыми теориями и людоедской пропагандой, замешанной на патологической ненависти к России и всему русскому.

Профессиональные укро-историки вместе с их единомышленниками-националистами похожи на группу фанатиков-сектантов, пытающихся заставить поверить тому несусветному бреду, который не вписывается в здравый смысл и отторгается добропорядочной и здравомыслящей публикой. А хуже всего то, что объектом их злонамеренных действий являются детские души, в мозгах которых формируется изуродованная историография, искажающая национальное сознание целого поколения будущих граждан страны, отравленных ядом русофобии.

Нормальное цивилизованное обсуждение с современными апологетами «древней великой Украины» в принципе невозможно, поскольку фанатики, ослеплённые ненавистью, лишаются способности к логическому мышлению. От них нельзя получить вразумительное объяснение почему все сказания о стольном граде Киеве, о Древней Руси и её князьях рождались исключительно на севере России, а в украинском фольклоре в основном только воспеваются «шароварная» романтика казацких вольностей; почему жителей Киевской Руси они называют украинцами (хотя убеждают, что те сами называли себя русами), а их язык украинским, хотя он начал создаваться только в XIX столетии и то сначала в виде разномастных новоизобретенных разными украинофилами и ими же отвергнутых надуманных систем (кулишовка, дра-

гомановка, желеховка, ярыжка, скрипниковка); почему ни один европейский или арабский писатель, ни один иностранный историк ни словом не упоминал о существовании государства «Украина» или «украинцев», равно как и «украинского языка» по причине их полного отсутствия в прошлом.

Что «украинский народ, его предки укры и украинский язык существуют с грубокой древности» – это досужие домыслы, не имеющие под собой никаких оснований в исторических источниках.

Реально всё было иначе. Термин «Украина-Русь» появился лишь в начале XX в. в трудах богатого на выдумки М. Грушевского, как и измышление, что *«обитатели Киевской Руси были украинцами, но называли себя «русскими», а «москалы» украли у «настоящих русских – жителей Украины-Руси их имя, их богов и веру»*. [16] Многие перлы «передовой украинской истории» берут своё начало у этого «отца нации», который придал им научно-образную форму и ввёл в научный оборот, в основном позаимствовав идеи у достоверно не известного автора «Истории Русов и Малой России» и других деятелей с больной психикой, стяжавших сомнительную славу создателей мифов о древней украинской истории. Но даже «История Русов» исходит из общей концепции, что московские князья такие же русские князья, как и великие князья Киевской Руси. Разгромленное татарами и захиревшее Киевское княжество потеряло своё значение как место пребывания великого князя Руси, а великокняжеский престол был перемещён из Киева ставшим Великим князем Андреем Боголюбским в Суздальско-Владимирскую землю, где возвысилось Московское княжество, князья которого стали «собирать» русские земли. С переименованием Московского княжества в Царство Русское, а затем в Российское, оно стало именоваться «Великой Россией», а земли русских княжеств, находившихся вне её, «Чермная и Белая Русь», эти *«обе Руси вместе названы тогда Малою Россиею»*. Не совсем «чокнутый» президент Украины Леонид Кучма в своей книге «Украина – не Россия» пишет: *«Наша общность с русскими от Рюрика никак бы не препятствовала бы нашей ассимиляции, напротив – оправдывала бы ее, так что украинская культура слилась бы с русской полностью, не осталось бы даже такого явления, как украинская русскоязычная культура»*. [10]

В средневековье не существовало никакой Украины и украинцев. Существовали только русские княжества, а разные славянские племенные объединения и их земли носили общее собирательное название «Русь». Даже Галичина, будущая колыбель украинского национализма, долго именовалась Червонной Русью, затем Русским королевством, а в составе Речи Посполитой официально называлась Русским воеводством, потому что там жил русский народ. Татарское нашествие на Русь привело к тому, что раздробленные северо-восточные княжества Руси попали под власть татар, а западные захватило усилившееся к этому времени (как предполагают историки, не без помощи ордынских мурз, татарские имена которых подозрительно совпадают с именами первых литовских князей) Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское. Литовскими тогда называли земли сегодняшней Белоруссии, Жемайтскими – земли современной Литвы, а Русскими – земли бывшей Киевской Руси, входящие в состав нынешней Украины, южную часть которых после объединения Литвы и Польши в Речь Посполитую стали неофициально называть «Украйна» (от польского слова «kraj»), т.е. окраина Польского государства на границе с Диким Полем. В Руси и другие удалённые места называли «оукраинами» (в летописях и народном фольклоре упоминаются псковские, тульские, даурские «во Сибири» и другие оукраины).

В Люблинской унии 1569 г. имелась статья о переходе «русских» земель в непосредственное подчинение Польше, что способствовало их ускоренной полонизации. А служилые польские чиновники королевских учреждений в окраинных польских воеводствах (Подоль-

ское, Брацлавское, Белзское, Волынское, Русское с центром во Львове и Киевское) назывались «украинниками» или «украинцами», имея ввиду лишь место их службы на окраине Польши, в приграничье, а не этнический смысл.

В одном из романов классической трилогии польской литературы «Пан Володиевский» польского националиста Генрика Сенкевича, которого трудно заподозрить в симпатиях к русским, польские шляхтичи, происходившие из принявших католичество семей бывшей православной русской знати в «русских» воеводствах, гордо именовали себя «русской шляхтой». Они говорили по-русски, считали своей родиной русские земли и не могли называть себя «украинской шляхтой», а свой язык «украинским», потому что просто не знали, что этот термин появится несколько столетий спустя только в XIX веке, а имея шляхетские привилегии, верой и правдой служили польскому королю. Гетманщину времён Богдана Хмельницкого рассматривать как отдельное государство вообще несерьёзно. Это было особое военно-административное образование – Войско Запорожское его Величества русского царя, а позже – провинциальные малороссийские губернии Южнорусского края Российской империи. При этом многие казацкие гетманы (Иван Выговский, Пётр Дорошенко, Иван Мазепа и др.), возведённые сейчас в ранг героев современной Украины, в честь которых ставят памятники, выпускают почтовые марки и переименовывают улицы украинских городов, на самом деле являлись предателями украинского народа, в погоне за личной властью и обогащением призывавшими на родную землю иностранных оккупантов, прикрываясь псевдопатриотическими лозунгами и нисколько не беспокоясь о судьбе своего народа под иноземным гнётом. Таким же образом период вхождения народа Малороссии в состав Литвы, а затем – Речи Посполитой следует рассматривать не иначе, как трагический этап в его истории, разделивший единый русский народ бывшей Руси с единой православной верой между разными государствами с непременным национальным и религиозным гнётом.

Обвинения в национальном угнетении малороссийского народа Гетманщины в царское время опровергаются многочисленными свидетельствами более мягкого применения для малороссов крепостного права, чем в основной России. Это можно видеть на примере так называемой Слободской Украины. Ещё в 1650-х годах при Богдане Хмельницком часть правобережного народа начала массово переходить от воинских неурядиц, а затем и бедствий Руины на восточную часть Малороссии, на соседние великорусские земли, селилась там, образуя большие слободы. Этот вновь прибывавший народ был организован по правилам Войска Запорожского со своими полковниками и полковыми старшинами в пять Слободских полков в Сумах, Ахтырке, Харькове, Изюме и Острогжске. Грамотами русского царя Алексея Михайловича эти переселенцы были освобождены от крепостного права и наделены казацкими правами. Можно говорить об их социальном угнетении при царизме наравне с остальными народами царской России только значительно позже, уже после ликвидации Гетманщины.

О «закабалении и национальном угнетении украинского народа» во время советской власти вообще странно слышать. Как отмечал в своей книге «Украина – не Россия» президент Леонид Кучма, *«система управления народным хозяйством не была колониальной, а наднациональной с региональным разделением труда»*. [10]

Профессор Киево-Могилянской академии Наталия Николаевна Яковенко тоже против употребления в учебниках истории Украины утверждений про её колониальный и угнетённый статус в составе России и СССР, поскольку *«украинцы были этносом с привилегированным статусом, верой и правдой служили своему государству и вносили большой вклад в строительство и Российской империи, и Советского Союза»*. [48]

Реально независимое украинское государство возникло лишь в 1991 г. после распада СССР. Всё, что появлялось после 1917 г. – это голые декларации о создании самозванных «украинских держав и правительств» небольшими кучками грызущихся между собой за власть

радикалов. Более того, нынешняя Украина – это лоскутное одеяло, в своё время слепленное большевиками на скорую руку из разномастных кусочков, никогда прежде не бывших частью единого государства, и вошедшее как союзная республика в состав СССР. Всего полторы сотни лет назад российские украинофилы «Украиной» или «Гетманщиной» называли клочок земли на Левобережье Днепра, составлявший ничтожную часть нынешней территории Украины. Всё остальное, к нему пристёгнутое, было результатом трудов тех самых «клятых москалей» и большевиков, которых сегодня на Украине поносят нецензурными словами. К этому клочку присоединяли новые территории то русские цари, то российские императоры, то генеральные секретари ЦК КПСС. Именно большевики из южнорусского населения создали масового «украинца» в результате политики «украинизации» 1920-х годов. Однако единой украинской нацией это население не стало до сих пор. Да и не могло стать.

Убеждённые деятели украинского национализма позже признавались, что тех интеллектуалов, кто считал себя украинцами и верил в «украинскую идею», было очень мало для создания нации. Они составляли мизерную долю населения Малороссии. Историк и политический деятель член Центральной Рады Дмитрий Дорошенко (1882—1951) писал в своих воспоминаниях: *«Нас, сознательных украинцев, было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та „кружковщина“, сектантская узость и замкнутость».*

Один из ведущих украинских националистических деятелей Вл. Винниченко о попытках консолидации украинского общества во время гражданской войны в Украине вспоминал: *«Воистину мы были подобны богам... пытавшимся создать из ничего новый мир».*

Упомянутые выше националистические постулаты истории Украины подробно излагаются на страницах детских книжек для детей дошкольного возраста и в учебниках истории Украины для 5—11 классов. Для того, чтобы конкретно показать как интерпретируются авторами учебников те или иные моменты такой придуманной истории и разоблачать эту ересь как бред, и предпринят этот анализ украинской истории по школьным учебникам. Сами авторы учебников помогают мне в этом, допуская очевидные «ляпы», разоблачающие их враньё. Этим же страдают и авторы из украинской зарубежной диаспоры, пытающиеся импровизировать на тему украинской истории и допускающие элементарные «проколы», потому что невозможно всё время врать. Ложь не утаишь, как и «шило в мешке». Так, например, канадский историк галицкого происхождения, профессор кафедры истории и политологии Йоркского университета (Торонто) Орест Субтельный (род. 1941) в своей книге «Украина. История» называл коренных жителей Галиции, Волыни, Закарпатья и Буковины украинцами (так ведь украинский националист в эмиграции, воспитанный в бежавшей с немцами в Германию семье бандеровцев, и не мог иначе!). Но для Закарпатья в главе «Украинцы в Закарпатье» он сделал всё же исключение и назвал их «карпатоукраинцы» и тут же объяснил *«или, как они себя называли, русины».* [32] Так и в Галиции, и на Волыни, и в Буковине до XX в. они называли себя русинами и те, кто остался верен своим русским прадедам, называют себя так до сих пор! И им безразлично, как он называет предавших своих русских предков галицкоукраинцами, волыноукраинцами или буковиноукраинцами. Аналогично тому, как «украинцы» древней «Украины-Руси» Грушевского, «которые называли себя русами». И если уж зашла речь о Закарпатье, то Субтельный, рассуждает о «добровольном» присоединении Закарпатья к Чехословакии на основании *«соглашения, подписанного в ноябре 1918 г. в Скрэнтоне (штат Пенсильвания, США) лидерами Чехии и эмигрантами из Закарпатья».* [32] Как будто эмигранты в Пенсильвании имели право решать за народ Закарпатья его судьбу! Можно ли назвать этого автора адекватным и неангажированным? Что делать, ни у кого из авторов ни школьной истории, ни эмигрантских исторических опусов не получается правду скрыть полностью: то там, то тут вылезает «уши» националистической фальсификации истории. Такова судьба рукотвор-

ных мифов фальшивой истории Украины – их авторы и интерпретаторы неминуемо сами себя представляют лжецами и загоняют в угол.

Когда история уродуется и фальсифицируется с помощью шулерских трюков и подтасовок, историческая наука превращается в словоблудие, орудие оболванивания масс и манипуляции общественным сознанием. Одним из первых авторов, попытавшихся развенчать националистическую пропагандистскую историческую парадигму, был русский дипломат, внук известного декабриста, князь Александр Михайлович Волконский, написавший работу «Историческая правда и украинофильская пропаганда» (Турин. 1920).

Хотя рассматриваемые здесь учебники истории предназначены для украинских школьников и должны быть по идее на украинском языке, большинство из них можно было скачать из Интернета в переводе на русский язык. Это отрадно. То есть практически украинское правительство не ограничивало образование лишь для говорящих по-украински, а заботилось и о русскоговорящих школьниках. При цитировании отрывков из учебников на украинском (для 9 и 10 класса) тексты переведены мной на русский язык с целью удобства для читателей и однотипности изложения. Для меня, закончившего среднюю школу во Львове и старательно 5 лет изучавшего наряду с остальными предметами и украинский язык и литературу (они входили в число 13 выпускных экзаменов на аттестат зрелости), не было бы проблемой читать и писать свои комментарии по-украински, хотя с тех пор и прошло больше 60 лет. Хорошо усвоенное в молодости не забывается. Но я посчитал, что мои изыскания в дебрях придуманной националистами украинской истории будут интересны и русскоговорящим читателям, а все украинцы прекрасно поймут русский текст, поскольку могут практически без всякого акцента изъясняться по-русски. Это наглядно показали выступления в 2014 г. «уж очень майданутых», когда они для лучшей доходчивости до «сходняков», «ватников», «сепаров» и «клятых москалей» изрыгали свои проклятья и угрозы на русском языке. Они просто придуриваются, что им противен русский язык, хотя знающие люди советовали при посещении украинских городов остерегаться говорить по-русски, чтобы не вызвать ненависти встречных подонков и неприятностей на свою голову (иногда буквально – в виде бейсбольной биты!) Большинство украинцев прекрасно владеет русским и использует его, когда им не нужно демонстрировать свою «украинскость». И это правильно, так как украинский язык, как всякий диалект, имеет тенденцию к отмиранию, сколько бы ни занимались «украинизацией» большевики в 1920-х годах, или выражал «озабоченность» Леонид Кучма в конце XX века, или выкрикивали лозунги и заклинания майданутые на всю голову националисты в 2014—2016 гг. Да и правду сказать, даже многие депутаты так косноязычно выражаются на «ридной мове», что аж противно слушать. Хотя и по-русски мэра Киева «интеллектуала» Кличко трудно понять.

Анализ украинской истории по школьным учебникам

Перед началом комментирования содержания каждого учебника сознательно приведены их авторы, редакторы и другие очень учёные персоны, принимавшие участие в издании. Страна должна знать своих «героев»!

Во введении к учебнику для 7 класса приведено совершенно справедливое напоминание: *«Запомните: народ, не знающий своей истории, обречен вновь и вновь повторять ошибки прошлого, платить за них изувеченными судьбами и самой жизнью своих дочерей и сыновей»*. При этом следует уточнить: «народ, не знающий **правдивой** истории», потому что та фальшивая история, которую изучают украинские школьники, не только не даёт им знания правдивой истории их страны, но хуже того – даёт им лживые знания, которые формируют искажённое представление об истории и приводят к шизофреническим изменениям в сознании школьников. Это явилось основной причиной изувеченной националистической пропагандой печальной судьбы молодого поколения украинцев по всей стране, массового ксенофобского психоза в ходе так называемой «революции достоинства» 2014 г., а также гибели тысяч граждан Украины в развязанной националистами гражданской войне на Донбассе. Факты этой намеренной фальсификации и чудовищного извращения истории Украины в школьных учебниках подробно рассматриваются и комментируются ниже.

В связи с тем, что комментарии к разным страницам учебников для разных классов могут дублироваться из-за сходности тем, для устранения этих повторов ряд основных тем, требующих достаточно объёмных описаний, выделен в отдельные главы. Эти главы помещены среди рядового текста книги, после которых продолжается анализ текстов данного раздела, посвящённого определённому учебнику. Такая структура книги оправдана удобством изложения без необходимости поиска тематической главы и возврата читателя к продолжению последовательного изложения. Аналогичную структуру книг использовали при больших по объёму отступлениях классики мировой литературы, например, Л. Н. Толстой в романе «Война и Мир».

Перед тем, как перейти к детальному анализу текстов, необходимо отметить общие замечания, касающиеся всех учебников: Встречающиеся в учебниках термины «национально-освободительный» не могут применяться, пока отсутствует украинская нация, а она стала искусственно создаваться только в конце XIX – начале XX века и отсутствует до сих пор. Подробнее об этом см. комментарий к стр. 38 раздела 1 с мнением Н. Н. Яковенко. А в масштабе страны, учитывая события 2014—2017 годов, не может быть консолидирована вообще. По этой же причине не может использоваться определение «украинский» по отношению к государству, правительству, войскам, землям, народу и т. п. ранее XX в., так как украинский народ начал искусственно создаваться в «районном масштабе» в австро-венгерской Галиции в начале XX в. Попытки провозгласить украинское государство были предприняты во время гражданской войны, а реально оно было создано большевиками в виде Советской Украины в 1920-х годах. Тогда же с использованием различных систем письма, предложенных украинофилами в течение XIX в., была разработана и декретами советской власти официально внедрена украинская письменность, используемая в настоящее время как государственный язык Украины. Указанные определения встречаются во всех учебниках практически почти на каждой странице. В каждом разделе книги по этому поводу приведены соответствующие комментарии с целью избежать излишних повторов.

Раздел 1. История Украины. 5 класс

Власов В. С. История Украины. (Введение в историю)

Учебник для 5 класса общеобразовательных учебных заведений. (К. Генеза, 2013)

Выходные данные не обнаружены.

Как предполагает подзаголовок учебника (Введение в историю), этот подготовительный курс имеет целью ознакомить детей с основными моментами при изучении истории, помочь овладеть историческими терминами и подготовить их к изучению основного содержания истории Украины. Можно было бы ожидать нейтральной, чисто академической позиции автора при создании данного пособия. Однако тенденциозность в подаче материала с националистической точки зрения присутствует и здесь. Если даже не вчитываться в текст, это сразу бросается в глаза.

Стр. 4. *«Рассказы помогут вам научиться отличать настоящие исторические факты от вымышленных».*

Зная о состоянии исторической науки в современной Украине, весьма сомнительно, что рассказы, подготовленные «украинствующими» деятелями, могут помочь детям научиться отличать историческую правду от идеологически вымышленных небылиц. Они могут только воспитать то поколение одурманенных подростков, которые в 2014 г. на улицах украинских городов прыгали под кричалку «Москаляку на гиляку!»

Стр. 16. *«300 – 400 лет назад в Украине постепенно установилось летоисчисление от рождения (Рождества) Иисуса Христа...»*

Стр. 24. *«...историю Украины от самых древних времен до нынешнего времени...»*

Ученикам ненавязчиво начинают внедрять в сознание ложь, что Украина была отдельным государством с самых древних времён и летоисчисление в ней установилось само собой «постепенно». В Руси в IX в. летоисчисление велось «от сотворения мира». Переход на новое летоисчисление по юлианскому календарю был осуществлён директивно Петром I, который повелел 1 января 7208 года «от сотворения мира» считать 1700 годом от Рождества Христова, по летоисчислению, которым пользовались в Европе после того, как это предложил римский игумен Дионисий Малый в VI в. К этому времени Войско Запорожское почти 50 лет было в составе Российского государства. А указанная в учебнике верхняя граница «400 лет назад» просто неграмотна. Странно, что это не знает профессиональный историк Власов. Или просто дурочку валяет?

Стр. 27. *«...Национально-освободительной войны под руководством гетмана Богдана Хмельницкого...»*

Стр. 38. *«...Национально-освободительной войны и Украинского казацкого государства.»*

Употреблённые на этих страницах термины «Национально-освободительная война» в применении к «Украинскому казацкому государству» отдают дань определённым идеологическим тенденциям в националистической направленности всей системы государственной пропаганды, воспитания молодежи и всеобщего образования на основе сфальсифицированной украинской исторической науки. Как отмечала профессор и заведующая кафедрой истории Киево-Могилянской академии, ведущий научный работник НАН Украины, в целом адекватная женщина Наталья Николаевна Яковенко, *«не может быть национально-освободительного*

движения до того, как образована нация». Не идя на сделку со своей научной совестью и зная, что украинской нации в те времена не существовало, она трактует восстание Богдана Хмельницкого как «всенародную войну – казацкую революцию», смыслом которой были социальные притязания казачества, стремившегося стать привилегированным социальным сословием в Речи Посполитой. Первые украинцы стали возникать только в конце XIX в. в Галиции стараниями австро-венгерских властей. И «украинское казацкое государство» в XVII в. – это изобретение украинских фальсификаторов истории.

Встречающиеся в тексте учебника определения «украинский» по отношению к народу, армии, городам, сёлам или языку далее, как правило, не комментируются. Их употребление в применении к XVII – XVIII вв. и даже к XIX веку некорректно, пока не появилась украинская нация. (См. главу «Происхождение украинского языка, украинского национализма, Украины и украинцев»).

Происхождение украинского языка, украинского национализма, Украины и украинцев

«Украинцы» – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все русское.

А. В. Стороженко

Молодое поколение Украины находится в плену мифологической картины национальной истории, навязанной им через систему школьного образования в соответствии с националистической направленностью политики правительства страны, особенно после прихода к власти в ходе «оранжевой революции» 2004 г. националистического правительства президента В. Ющенко. Они живут в тисках лживой пропаганды, в мире фальшивых представлений и ксенофобии, усвоенных ими в школах и вузах в результате разнузданной националистической пропаганды. Основы исторического сознания вырабатываются изучением в школе истории Украины в чудовищно изуродованном виде. Всё это мифологическое безобразие в школьном образовании началось с получением Украиной независимости и продолжалось все годы, иногда переходя в форму явной шизофрении. Такая история представляет собой преступление против граждан Украины, против русского народа и русской православной церкви.

Молодые граждане Украины со школьной скамьи (и даже с детского сада) напичканы русофобской сфальсифицированной историей и имеют лживые представления о том, что украинской нации 140 тысяч лет; что украинское государство существовало в виде Киевской «Украины-Руси» в IX в.; что «москальи» к нему не имеют никакого отношения, поскольку они являются поместьем «украинских колонистов» с угро-финскими племенами, т.е. «туранцами»; что сама «Московия» была образована только в XVI в. и по сути являлась колонией Украины-Руси, и другие подобные небылицы, описанные Михаилом Грушевским по заказу и за деньги австро-венгерских властей в многотомном труде «История Украины-Руси», принятым за основу украинской истории. Киевский журналист Олесь Бузина, описывая дурацкие выдумки М. Грушевского о происхождении украинцев, с издёвкой писал: *«Древние шведы выводили себя напрямую от бога Одина. Поляки XIII века, когда их не бил только ленивый, приписали своим предкам победу над Александром Македонским. Евреи придумали сказку о своей богоизбранности. Что же касается украинцев, то они, по мнению большинства наших историков, существовали как бы всегда».* [26]

Придуманная Грушевским история дополнена современными его последователями из укро-учёных и, особенно, национально-свидомыми политиками с мозгами набекрень, исповедующими нацистско-бандеровскую идеологию. Наивные доверчивые школьники вынуждены заучивать бредятину, заполняющую школьные учебники по истории, впитывают с телеэкранов несущую оттуда воинствующую безграмотность и на этой основе формируется их мировоззрение, основанное на русофобии, ставшей основным мотивом внутренней и внешней политики Украины XXI в.

Происхождению украинцев с научной точки зрения в школьных учебниках уделено немного внимания. В зависимости от предпочтений авторов предками украинцев оказываются то укры, то анты или хазары, а вообще их истоки неясно просматриваются в тумане современной украинской исторической мифологии. Если задать вопрос укро-историкам, когда появились украинцы, они, не моргнув глазом, ответят, что украинцы существовали ВСЕГДА!

В этнографии рассматривается основная категория – народ (этнос), как общность людей, связанных общим происхождением и историческим развитием (этногенез) и имеющих одина-

ковые вторичные признаки: язык, культуру, территорию, религию и историческое прошлое. В случае с Украиной всё было шиворот-навыворот. Наименование этой главы не случайно содержит именно такую хронологическую последовательность появления этих понятий: украинский язык – украинский национализм – Украина – украинский народ. А эти темы так переплетены и взаимно связаны, что объединение всех четырёх в одну главу позволяет избежать повторов и лишних ссылок.

Так исторически сложилось, что сначала в XIX в. появился вторичный признак нации – язык (хотя и в эмбриональном состоянии, различный у разных украинофилов), потом украинский национализм, затем последовательно появилось государство Украина в виде Украинской ССР, а затем и украинцы. Но украинской консолидированной нации в стране нет до сих пор. Это вынужден был признать бывший президент страны Л. Кучма в своей тенденциозно названной книге «Украина – не Россия».

И хотя следовало бы так и начать с рассмотрения обстоятельств появления украинского языка (что само по себе неестественно без украинской нации), пока оставим этот лингво-этнический казус в стороне и рассмотрим, какие имеются исторические сведения об украинцах и об Украине в исторических документах. Сразу надо сказать, что НИКАКИХ!

До XX века никаких украинцев на территории современной Украины не существовало. Население русских княжеств IX в. в этническом отношении являлось древними русами. Ни у античных, ни у средневековых писателей и хронистов не упоминается такой народ «украинцы». Не было украинцев ни среди населения Великого княжества Литовского, ни в составе Речи Посполитой, ни в полках запорожского казачества во времена Богдана Хмельницкого. Казаки и всё остальное население Войска Запорожского считали себя русскими и православный московский царь не воспринимался ими как чужой. Вопреки утверждениям националистов о «московитском» гнёте и стремлении превращения Гетманщины в колонию, усилия царского правительства были направлены на полную интеграцию населения Малороссии в состав Российского государства. И народ это чувствовал. Не случайно ещё до Переяславской Рады, а особенно во время Руины население Польского Правобережья Днестра тысячами бежало в русские земли, которые были предоставлены им для устройства поселений по казацко-полковому принципу. Так на территориях Русского царства возникла Слобожанщина, затем вошедшая в состав Малороссии. Коренное население русских земель в составе Речи Посполитой считало себя русским народом, таким же, как и население Московского царства, называясь малороссами, т.е. выходцами из Малороссии, так же, как выходцы из северной части бывшего Великого княжества Литовского, или просто Литвы, назывались литвинами, при советской власти ставшие белорусами. Рассуждая об отличии малороссов от русских, оказавшихся снова в одном государстве благодаря Хмельницкому, Олесь Бузина писал: «...дали друг другу смешные прозвища хохлов и кацапов. Одни носили бороды. Другие – оселедцы. Одни рубашку выпускали поверх портков. Другие ее заправляли в шаровары. Одни привыкли горланить на радах, выбирая гетмана. Другие беспрекословно выполняли все приказы царя-батюшки». [26]

Российские историки и писатели (в том числе и малороссийские) не подвергали сомнению продолжение русской истории от Киевской Руси к Московскому царству (Северо-Восточной Руси). По словам историка М. Максимовича (1804—1873) в «Избранных украиноведческих сочинениях» (К. 1994): *«И вот Русская земля дробится на уделы между сынами Владимира; Киев рассеивает в них свою новую жизнь, свою русскую силу: и в каждом из них растёт она самостоятельно; и с княжеской кровью Владимира разливается и напечатлевается одна вера, а с ней и один язык, одинакий образ мысли и жизни... Но вот уже и имени великого княжества лишился Киев: в северо-восточной Руси оно усвоено Суздалью, на юго-западе русском Галичу. Киевляне с боярином Димитрием отчаянно защищались, когда нагрянули черные тучи Батыевы; с бою выдали они Киев, и великий город разрушен был до основания, и храбрые русичи погибли со своим митрополитом под саблями поганых Тяжкая мгла татарского ига*

налегла на Русскую землю.. Свещильником Руси был новопоставленный в Никее (1250) митрополит Киевский Кирилл. Найдя Киев в развалинах, он перенес кафедру свою во Владимир, в великокняжескую столицу северо-восточной Руси. С его прибытием туда повеял новый дух жизни в отечестве нашем... Быть сердцем великой России, средоточием его нового бытия и величия, провидение сулило Москве. Величие Москвы создано на краеугольном камне православия. С самого начала своего великокняжества она стала митрополией Всероссийской церкви и унаследовала от Киева ту церковную власть, по которой принадлежали ей все разрозненные части древнего русского мира, по которой она с самого начала своего уже была средоточием духовного единства всей Руси». [42]

Какое-то время государственность, утраченная Киевом, продолжала сохраняться в обеих изолированных друг от друга частях бывшей Руси. Но в середине XIV века закончилась самостоятельность юго-западных русских земель: Галичину захватили поляки, а другие юго-западные русские княжества перешли под власть литовских князей и стали провинциями Великого княжества Литовского, Жемойтского и Русского. Таким образом Галицко-Волыньское княжество перестало существовать как самостоятельное, а Владимиро-Суздальские княжества разрослись и крепили и, сохраняя преемственность от Киева, постепенно превратились в единое Московское великое княжество, ставшее затем Русским царством, Русским государством, Российской империей, Советским Союзом, а после распада СССР – Российской Федерацией. Так распорядилась история и никакие фальсификаторы ничего не изменят. И именно благодаря русским царям, императорам и российским большевикам сейчас существует государство Украина.

Современная националистическая украинская история стала оформляться на рубеже XIX – XX веков после выхода в свет томов «Истории Украины-Руси» Михаила Грушевского. Этот труд стал определяющим для утверждения и распространения фальшивой истории Украины с националистическим содержанием. В XXI в. «История Украины-Руси» стала той «библией» украинской истории, в которую нужно свято верить и на Украине нельзя оспаривать под угрозой обвинения «свидомыми» в предательстве национальных интересов. Странно читать их бредни, что у Украины, которая образовалась в XX в., имеется многотысячелетняя история, а украинскому народу 140 тысяч лет.

В 1926 г. русский историк, профессор И. И. Лаппо, близко знавший эту тему, писал: *«Еще задолго до европейской войны, начавшейся в 1914 году, вниманию Европы был представлен новый, неизвестный раньше народ – „украинский“. Уже в последние десятилетия XIX века о нем настойчиво заговорила печать в Австро-Венгрии, особенно в Галиции». При этом новая нация создавалась исключительно на территории этой австро-венгерской провинции, как в своеобразном питомнике. Идея создания «украинского народа» родилась несколько раньше в умах польских политических эмигрантов и её приверженцами были радикальные круги российских и галицких интеллигентов-украинофилов, а австрийские власти воспользовались ситуацией и использовали идею «украинства» в своих целях. Они были озабочены москвофильством преимущественно русинского населения Галиции и желанием противодействовать его пророссийским настроениям для ослабления влияния России в преддверии назревавшей Первой мировой войны. В начале XX в., благодаря поддержке австрийского правительства, заинтересованного в расколе и подавлении пророссийских настроений русинов, а также в ослаблении всё возрастающего польского национализма, Галичина превратилась в оплот украинского националистического движения.*

В современной геополитике история это не только наука, но и средство экспансии, инструмент, активно используемый западными политиками (в основном англо-саксами) для осуществления своих планов по разобщению славянских народов, которые рассматрива-

ются ими как постоянные противники. В современных учебниках истории Украины декларируется, что украинский народ существует с глубокой доисторической древности. Об этом громогласно и безапелляционно заявляется в XXI в. украинскими учёными с университетских кафедр и со страниц научных трудов, депутатами разного уровня государственной важности и степени образованности, вплоть до трибун Верховной Рады, галицкими горлопанам на майдане, а также в псевдонаучных трактатах национально озабоченных «свидомых» политиков, украинских и зарубежных апологетов «украинской национальной идеи». При этом разные дилетанты, мнящие себя интеллектуалами, в эссе на заданную тему повествуют то о государстве укров, покорявших Египет и строивших там египетские пирамиды, то о государстве Трипольской культуры V – IV тысячелетий до н.э., то о мифическом украинском государстве династии Киевичей – в зависимости от полёта авторской фантазии. Страдают этим и с виду солидные научные монографии, такие, например, как «Происхождение украинцев, русских, белорусов и их языков» [39] члена-корреспондента НАН Украины, доктора филологических наук, профессора Пивторака Г. П. (род.1935) или «Очерки истории Украины: Формирование современной украинской нации XIX – XX вв.» [29] профессора Львовского национального университета им. И. Франко, доктора исторических наук Я. Грицака (род.1960). Выдержанные в русофобском духе, они, как правило, включают в себя практически полный набор ксенофобских исторических постулатов. И главный упор делается на дезинтеграцию русской нации и деформацию её исторического сознания. Западные политические (в основном северо-американские) круги и исполняющие их планы по расколу русского народа украинские националисты пытаются убедить население Украины, что:

- украинцы – народ отдельный от русского не только в культурно-языковом, но и в расовом отношении (якобы украинцы принадлежат к европеоидной расе, а русские к монголоидной);
- украинцы – народ гораздо древнее русского;
- русские – извечный враг украинского народа (русские в составе монголо-татарских полчищ уничтожили Киевскую Украину, а потом в течение столетий не давали возродиться украинской державности);
- украинский язык не имеет ничего общего с русским, потому что русские украли у украинцев язык и в результате трёхсотлетней насильственной русификации, которой подвергалась Украина в период «ига московской империи», русский язык стал немного похож на украинскую мову;
- Русь – это древнее название украинского государства и украинцев, нагло украденное москалями вместе с языком, который они, сильно изуродовав, назвали русским.

Всё это околоисторическое безобразие кажется с первого взгляда бессвязным бредом душевнобольного. И серьёзно относиться к этому бреду – значит опускаться до уровня невежественных идейных зоологических русофобов. Но и невозможно молча наблюдать как они пытаются навязать населению Украины свой узколобый примитивный взгляд на историю. Но если приглядеться внимательно, это не бред, а злонамеренная дезинформация для оболванивания людей и воспитания зомбированного молодого поколения.

Это – целенаправленное воздействие на коллективное сознание населения при помощи сознательной манипуляции историческими фактами и фальсификации истории с целью зомбирования народа, в первую очередь молодёжи. Поражает невежественность в знании истории среди политиков и наглость так называемых укро-учёных с их теориями о Будде-украинце, и о том что укры древнее неандертальцев. Не остался в стороне от создания националистической мифологии даже бывший член ЦК КПСС, второй президент независимой Украины Л. Кучма. Сановный автор решил тоже внести свою лепту в распространяемые укро-историками бредни и в книге «Украина – не Россия», не боясь стать всеобщим посмешищем,

делится эпохальным открытием, что *«в крови украинцев – благородные европейские корни, они потомки ариев»*, *«появились новые доказательства того, что украинцы произошли от жителей Атлантиды, от этрусков, от амазонок и даже от шумеров...»* [10] А ведь он являлся в 2015—2016 гг. представителем президента Украины на Минских переговорах в формате «нормандской четвёрки» (Германия, Франция, Украина и Россия) по урегулированию украинского конфликта! Как можно вести серьёзные международные переговоры с человеком, повидимому, давно страдающим старческим маразмом или прикидывающимся слабоумным? Разве можно в здравом уме представлять бандеровскую власть?

Многие националисты в публичных выступлениях и в печати часто демонстрируют комплекс национальной неполноценности, жалуясь на эксплуатацию поляками и религиозные притеснения в Речи Посполитой, страдания от набегов крымских татар (на которых казаки также часто нападали сами), на постоянный гнёт «Московии» после Переяславской Рады, на страдания малороссийского народа в Российской империи, на голодомор и ущемление украинцев при советской власти. Обвиняя во всех бедах Украины Россию, объявляя русских заклятыми врагами украинского народа, похитителями всего святого, идеологи украинского национализма способствуют распространению в украинском населении настроений собственной ущербности, комплекс жертвы, психологию обиженных. При этом приводят смехотворные утверждения и доказательства, противоречащие одно другому. Например, один из укро-дилетантов, бывший бандеровец, приговорённый в 1949 г. к расстрелу, заменённому 25 годами заключения, но который после нескольких лет лагерей был помилован и имел возможность получить высшее образование, львовский филолог Е. Наконечный в своём опусе под названием «Украденное имя: почему русины стали украинцами», отстаивая тезис о том, что у украинцев *«москали украли их имя»*, на другой странице очерка пишет, что *«украинцев заставили менять национальное имя»*, а на третьей утверждает, что *«украинским активистам пришлось вводить новый термин украинцы вместо более распространённого самоназвания русины»*. [38] То есть сам не знает, на что обижаться: то ли украли имя, то ли заставили его менять, то ли сами вводили новое имя. Но излагает всю эту чушь с высокомерным апломбом, который скрывает сожаление, что *«в период осуществления процесса замены этнонимии собственного государства не было»*, отрицая факт кражи и подтверждая отсутствие украинского государства, хотя заявляет о *«тысячелетних традициях украинской государственности»*. В общем, сплошная каша и белиберда по украинской пословице *«дэ бузына, а дэ дядько»!* Неискущённый читатель вряд ли поймёт, что именно хотел высказать Е. Наконечный, так как из этих вымученных в потугах «жемчужин» его мыслительного процесса можно понять только его зоологическую ненависть к «москалям» и неадекватность самого автора.

Недаром «отец нации» М. Грушевский описывал антропологический тип украинца как щекастого уродца с недостаточным объёмом мозга: *«Голова и абсолютно, и относительно роста – небольшая (то же и внутренность черепа), лоб и нос тоже, нижняя треть лица имеет сравнительно большие размеры. Иногда отмечаются достаточно высокие, выпуклые щёки и широкое расстояние между глазами, чуть низкая переносица...»* [16] Субъект по издательскому описанию Грушевского вырисовывается откровенно малопривлекательный.

Совершенно невозможно понять, как этот народ мог столетия существовать без имени и языка и как в качестве самоназвания он принял прозвище, придуманное поляками и австрийцами в конце XIX в., с энтузиазмом называясь украинцами. А теперь они пытаются доказать всему свету, что существуют 140 тысяч лет! Подобные же фокусы некоторые укро-историки творят и с Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Русским, основное русское население которого называлось в просторечьи литвинами только потому, что им правили якобы литовские князья. Но тот же, литовский князь, родоначальник знаменитой польской династии Ягеллонов являлся русским князем Яковом Витебским, сыном княгини Ульяны Александровны Тверской, ставший известным как Ягелло (Ягайло), который после женитьбы

на польской королеве Ядвиге и принятия католичества, положил начало новой королевской династии. В результате этого Великое княжество Литовское и Польское королевство в 1385 г. заключили династический союз. После Люблинской унии 1569 г., когда они объединились в общее государство Речь Посполитую, началась усиленная дерусификация и окатоличивание русского населения Великого княжества Литовского. Православная русско-литовская знать постепенно слилась с польской шляхтой и приняла католичество. Крестьянские же массы и городские обыватели в основном сохраняли свою русскую идентичность. Вообще история польского, литовского и русского народов тесно переплетена и может рассматриваться только совместно, на основе единой исторической канвы с взаимно согласованным взглядом на отдельные исторические эпизоды, трактуемые в этих странах по-разному.

Что касается термина «литвин», то в XIX столетии это был не этноним, а прозвище русских, выходцев из Великого княжества Литовского, которое служило первичным названием «литовцо-руссов» и позже «белорусов». Исконная территория современной Литвы называлась Жемайтия, а современные литовцы образовались смешением двух средневековых племён жемайтов и аукшайтов с примесью ятвягов и куршей. Все вместе в русских летописях они назывались жмудь. Современный литературный литовский язык, основанный на одном из западных диалектов аукшайтов, создаётся к началу XX века. Постоянно подверженные агрессии Пруссии жемайты и аукшайты, жившие в глухих лесах и болотах, не имели политико-экономических возможностей создания государства. До сегодняшнего времени жемайты и аукшайты сохранились только потому, что жили в медвежьем углу, не представлявшем интереса для завоевателей. В реальности большинство населения Великого княжества Литовского было русским по составу, а жмудь составляла национальное меньшинство. Современные литовские историки изменили имена литовских князей на звучащие по-жемайтски, добавив к оригинальным именам характерную приставку «-ас»: Витовт стал Витаутасом, Миндовг – Миндаугасом, Ольгерд – Альгирдасом, Гедемин – Гедеминасом, и т. п. Так литовскими националистами на рубеже XIX—XX вв. был создан миф о Великой Литве.

Никакой самостоятельной древней истории не может быть у небольших прибалтийских народов. Есть лишь история завоевания этих земель германцами, поляками, шведами, русскими и датчанами. Завоеватели строили города и церкви, открывали университеты, развивали ремёсла и искусства. Местное же население представляло собой крестьян, не имевших ни национального сознания, ни письменности, ни интеллигенции, ни аристократии. Поэтому большинство прибалтийских племён просто исчезли. Живые языки некогда многочисленной балтийской группы представлены ныне лишь литовским и латышским. Прибалтийские помещики – в большинстве немцы, частично шведы, в Литве – поляки. Так было веками. Национальное пробуждение балтов начинается лишь со второй половины XIX столетия в составе Российской империи с появлением местной интеллигенции. Тогда же начинают складываться у малых народов литературные языки —эстонский, латышский, литовский. История их государственности начинается с момента развала Российской империи в результате революции 1917 г. А государственности Украины не было до 1920-х годов и поэтому у этой молодой страны не может быть собственной истории. И единого народа у неё нет, есть лишь население с разной ментальностью и разным историческим сознанием, что, естественно, не даёт возможности создать единую нацию. Унитарное украинское государство «только для украинцев» ставят своей целью националисты, в то же время подавлением русских они сами на деле препятствуют консолидации народа страны, большинство которого в 1991 г. считало своим родным языком русский.

Если небольшие прибалтийские племена известны со времён древней Руси и упоминаются в летописях, то украинский народ этнографической науке не известен. Этот этноним входит в оборот лишь во второй половине XIX в., да и то за границей, в австро-венгерской Галиции внутри ограниченной местной группы ренегатов, предавших православную веру и память

своих отцов и дедов. Да и украинский язык до сих пор не стабилизировался и находится в стадии постоянных изменений. Люди на улицах столицы Украины и даже депутаты Верховной Рады, когда им не нужно демонстрировать своё «украинство», говорят преимущественно на «клятом москальском» языке или его южном диалекте – так называемом суржике.

Французский военный инженер Гийом Левассер де Боплан, находившийся с начала 1630-х до 1648 г. на службе у польского короля и ведавший строительством фортификационных сооружений и крепостей, а также занимавшийся топографической съёмкой окраинных польских земель, досконально знал положение местного населения. Боплан, проведший на окраинах Польши почти два десятка лет и составивший карту северного Причерноморья «Общий план пустынных территорий, обычно называемых Украиной» (лат. «*Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ucraina*»). Данциг. 1635), об украинцах ничего не знал. В 1651 г. Боплан издал подробное «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании» (лат. «*Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie. Par le Sieur de Beauplan*»), в котором никаких украинцев не упоминает, для него местное население однозначно русское. В отношении его религии он пишет, что «исповедуя греческую веру», местные жители называют ее русской.

Богдан Хмельницкий в начале восстания против поляков и их политики ополячивания русского народа провозгласил свои цели: «*Чтобы имя русское не изгладилось в Малой России! Чтобы на русской земле не было ни жида, ни ляха, ни унши*». Даже на территории Западной Украины, где особенно сильны антирусские настроения, в XVII в. жило русское население. В 1648 г., осадив Львов, Богдан Хмельницкий объявлял горожанам: «*Прихожу к вам как освободитель русского народа, прихожу к столичному городу земли червонорусской избавить вас от ляхской неволи*».

Даже изменник-гетман И. Выговский согласно Гадячскому договору, подписанному с представителем Польши комиссаром Беневским, должен был стать королём «Великого княжества Русского».

Украинский политолог и публицист, малорос родом с Волыни, редактор информационно-аналитического сайта «Руська Правда» Андрей Ваджра (псевдоним, настоящее имя предпочитает не раскрывать, род. 1971) приводит грамоту Львовского ставропигийского братства 1609 года: «*Утяжелени естесмо мы, народ Русский, от народа Польского ярмом... чим бы толко человек жив быти могл, того неволен русин на прирощеной земли своей Русской уживати, в том-то русском Лвове*».

Гетман Брюховецкий в своем универсале в 1664 г. писал, что идёт с казаками на правую сторону Днепра с целью «*освободить русский народ в Украине от ярма иноверных ляхов*».

В вышедшем в Киеве в 1674 г. «Синописе» на основе исторической идеи единой России провозглашался единый народ «русский», «российский», «славено-российский», а Киев назывался «*преславным верховным и всего народа российского главным градом*». Воссоединение Малороссии с Российским государством описывалось как «*милость Господня*», когда «*богоспасаемый, преславный и первоначальный всея России царственный град Киев, по многих переменах своих*», вернулся «*под руку общерусского царя Алексея Михайловича*» как «*искони вечная скипетроносных прародителей отчина*», органическая часть «*российского народа*». [18] «Синопис» стал учебником истории для нескольких поколений россиян и малороссов, которые составляли единый русский народ.

Тут к месту не лишне будет вспомнить ходячее выражение «Киев – мать городов русских». Заметьте, именно русских, а не украинских. Вообще-то это выражение является лингвистическим и историческим нонсенсом. Ну не может Киев быть матерью! Скорее уж отец. Да и стал столицей Руси Киев только после завоевания его новгородским князем Олегом в 882 г., а до этого был небольшим поселением полян. На несколько веков раньше была столица Нов-

городской Руси, не Новгород (построенный по Нестору Рюриком), а древняя Ладога на берегу Волхова, недалеко от впадения реки в Ладожское озеро. А перед призванием варягов Новгородская Русь имела несколько поколений своих князей, последним из которых был оставшийся без наследников Гостомысл. Так что, какой город является «матерью», должны решить профессиональные историки, но с учётом правил русского языка.

В так называемой националистами «Первой украинской конституции» Пилипа Орлика не упоминалось ни Украины, ни украинцев. В ней обманом склонённые Мазепой к предательству и оказавшиеся на чужбине казаки обращались к «народу русскому», живущему в «нашей Отчизне Малой Руси».

О малороссийских казаках, которые являются для националистов символом зарождения украинского народа, сотник Киевского полка П. И. Симоновский (1717—1809) писал в 1765 г. в работе «Краткое описание о казацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских чрез бунчукова товарища Петра Симоновского», где подчёркивал единство казачества и всех «малороссиян» с единым русским, «российским» народом и что казаки «*суть природные россияне*».

Н. И. Костомаров, будучи украинофилом, тем не менее высказывался за близкую родственную связь между южно-русской разговорной речью и русским языком, основанную на «*древнем ближайшем этнографическом родстве*». И идентифицирует весь народ Руси перед поляками словами, показывающими, что он считал русскими и «москалей», и «хохлов»: «*Этот странный для нас, русских, взгляд...*» [19]

Сергей Родин в книге «Отрекаясь от русского имени» приводит слова архимандрита русской православной церкви Преподобного Лаврентия Черниговского (1868—1950, в миру Лука Проскура), который говорил, что это поляки навязали малороссам «*понятия Украина и украинцы, чтобы мы охотно забыли свое название русский, навсегда оторвались от Святой и Православной Руси*». Преподобный старец завещал: «*Как нельзя разделить Пресвятую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа, это Един Бог, так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию. Это вместе Святая Русь. Знайте, помните и не забывайте*». («Поучения и пророчества старца Лаврентия Черниговского». 1994) [41]

Н. В. Гоголь вложил в уста своему герою Тарасу Бульбе слова: «*Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!*»

Ни Украины, ни украинцев не существовало до XX в., а «вожди украинского народа, гетманы Войска Запорожского» не знали украинского языка. Например, просительные, так называемые «Мартовские статьи», трактуемые националистами как договор между Войском Запорожским и русским царём, который он якобы нарушил, написаны на русском языке. Текст «Мартовских статей» заканчивается словами: «*Писано на столбцах белоруским письмом без дьячей приписи. Писал Степан, да Тимофей, да Михайло*». Белой Русью в те времена называли Русское царство со столицей в Москве.

В XII – XV веках название «Белая Русь» упоминалось в отношении земель Северо-Восточной Руси и Великого княжества Московского, в XV – XVII веках – в связи с землями России. Царь Иван III титуловался «*царём Белой Руси*». Венецианский дипломат Амброджо Контарини, побывавший в Москве в 1475 г., называл его «*князем великой Белой России*». На одной из европейских карт 1507 г. указано: «*Россия Белая, или Московия*». Посол Габсбургов в России, автор книги «Записки о Московитских делах», написанной им в XVI в., барон Сигизмунд Герберштейн замечает, что «*некоторые именуют государя московского Бельм царем*». В книге «Хроника Европейской Сарматии» (1578), в которой итальянцем на польской службе Александром Гваньини описывается 25-летняя (1558—1583) Ливонская война, а также у польского историка Мацея Стрыйковского говорится: «*Русь под Московским князем названа Белой Русью, а та, которая принадлежит Польше, – Черной*». После объедине-

ния Литвы и Польши согласно Люблинской унии 1569 г. поляки стали использовать термин «Белая Русь» применительно к русским землям Речи Посполитой по аналогии с входившей ранее в состав Польши Червоной Русью, и это название постепенно смещается на западные русские земли и, наконец, используется большевиками в XX в. как основание для названия республики «Белоруссия» и её населения «белорусами».

В решении Земского собора в Москве 1 октября 1653 г. о принятии Войска Запорожского в русское подданство, никакие украинцы не значатся, а речь идёт о малороссийских казаках, которые по местному прозвищу назывались черкасы, подобно рязанцам, новгородцам или москвичам.

В книгохранилище Киево-Печерской лавры, считающимся самым полным собранием славянских древностей, вы не найдёте исторических книг на государственном украинском языке ранее XIX в. Это значит, что в те времена такого языка просто не существовало и он был создан позже, как и придуманные «укры». Среди исторических источников единственное упоминание о неких украх имеется у Мауро Орбини. Неопознанные историками «укры или ункраны» входят в перечень племён, произошедших от славян, который приводится этим хорватским историком, родоначальником юго-славянской исторической науки, автором книги «Славянское царство» (издание в Пезаро, 1601 г., переведенной в 1722 г. на русский язык с названием «Историография початия имене, славы, и расширения народа славянского... Господина Мавроурбина Архимандрита Рагужского»). Мауро Орбини пишет о славянах, что *«и от сего всегда славного народа в прошедших временах произошли сильнейшие народы: сами Славяне, Вандалы, Бургонтионы, Гофы, Острогофы, Руси или Раси, Визиготы, Гепиды, Гетяланы, Уверлы или Грулы, Авары, Скирры, Гирры, Меландены, Баитарны, Пеуки, Даки, Шведы, Норманны, Фенны или Финны, Укры или Ункраны, Маркоманны, Квады, Фраки; Аллери были близ Венедов или Генетов, которые засели берег моря балтийского, и разделились на многие начала; то есть Помераняны, Увилцы, Ругяны, Уварнавы, Оботриты, Полабы, Увагиры, Лингоны, Толенцы, Редаты»*. [46] Большинство перечисленных автором племён легко идентифицируются, другие науке не известны, и весьма сомнительно, чтобы Мауро Орбини под «украи» имел ввиду древних украинцев. Но этот этноним мог вполне сойти как подсказка будущим «национально озабоченным» украинофилам для создания мифа о древних украх.

Во все времена в течение 1000 лет, начиная с IX в., население на территории современной Украины называлось этническим термином «русские». В 1569 г. при создании Речи Посполитой «земля русская и Киевское княжество» было выделено из Великого княжества Литовского и присоединено напрямую к Польше, что было удостоверено королевским документом (привилеем), в котором говорилось: *«Землю русскую и княжение Киевское и всех оных земли жителей вообще и каждого особливо от послушания, владения, должностей и повелений великаго княжества Литовскаго на вечное время изъемлем, освобождаем и к польскому королевству, как равных к равным, свободных к свободным, и со всеми вообще и с каждым особливо, и ея городами, местечками, селами, поветами и всеми каковыи ни были именьями оную землю и княжение Киевское присовокупляем и присоединяем...»*

В апреле 1848 г. православные священники Львова подали австрийскому императору Фердинанду I жалобу на притеснения польской администрации и, напоминая о существовании средневекового русского Галицкого княжества, обратили внимание, что население Галиции *«принадлежит к великой русской нации... и все говорят на одном языке»*.

Даже канадско-украинский националист Орест Субтельный в своей большой по объёму книге «Украина. История», не смея фальсифицировать очевидные общеизвестные факты, пишет, что перед вхождением в состав Польши Галицию называли «Русским королевством», что там «официальное хождение имел «русский язык», равно как и своя «русская монета», а к середине XV в. Галичина была превращена в «Русское воеводство» Речи Посполитой. [32]

В летописях, средневековых хрониках, географических описаниях путешественников, исторической литературе и художественных произведениях ранее XIX в. никаких «украинцев» нет и в помине. Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий, Данила Галицкий, Александр Невский, Дмитрий Донской и все остальные многочисленные Рюриковичи были не только русскими князьями, но и родственниками. До XIX в. не было и названия «Украина», а территория Войска Запорожского после вхождения в состав России называлась Малая Русь, Малороссия. Таким образом этническое единство населения, живущего испокон веков на берегах Днепра, с остальным русским народом никогда не подвергалось никакому сомнению, тем более, что общими предками всех были русичи древней Руси. Территория современной Украины на протяжении всей тысячелетней истории никогда не существовала как украинская, а всегда только как русская. Часть этих русских земель в разные времена захватывали татаро-монголы, Литва, Польша, Венгрия, Турция, Австрия, но всегда они считали поработанное население этнически русским. Неопровержимым историческим фактом является то, что современные украинцы – это бывшие этнические русские, с точки зрения места проживания называвшиеся малороссами, а в результате русофобской пропаганды «свидомых» националистов принявшие придуманное поляками и австрийцами своё новое название. Это не нация, образовавшаяся в результате естественного этногенеза, а продукт политического проекта. И не может быть у народа Украины отдельной истории, отличающейся от общей истории русского народа.

В. Г. Белинский в статье «История Малороссии Николая Маркевича» писал: *«Малороссия никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела... Гетьманщина и Запорожье нисколько не были ни республикою, ни государством, а были какою-то странною общиною на азиатский манер..., которая умело только драться и пить горилку... Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих; но один только Богдан Хмельницкий был вместе с тем и государственный ум. Образованием он стоял неизмеримо выше своего храброго, гулливого и простодушного народа; он был великий воин и великий политик. Потому-то и понял он, что Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством».*

Академик НАН Украины профессор П. Толочко о роли Хмельницкого в истории украинского народа сказал абсолютно определённо: *«если бы не Богдан, то, возможно, украинского народа не было бы и в помине. Все были бы ополячены и окатоличены».*

Укро-историки сейчас твердят, что украинцы это потомки древних ариев, а русские являются чуть ли не монголоидами. Теория ариев возникла, когда европейская наука обратила внимание на родство основных европейских языков санскриту (арийскому языку), который использовался в Индии высшими кастами – ариями (др.-инд. «благородный, уважаемый»). Санскрит был признан материнским языком для группы так называемых индоевропейских языков. Этот лингвистический термин национал-социалистами в XIX в. был перенесен в этнографию и использован для создания теории «нордической расы» (лженаучный термин, введенный в оборот автором арийской расовой теории графом Жозефом де Гобино). Позже она легла в основу нацистской идеологии.

С развитием науки сейчас появились способы определения генетического родства и единства происхождения народов. Генетическая характеристика людей определяется «предковой гаплогруппой», или «гаплогруппой рода». Поскольку принадлежность к гаплогруппе определяется совершенно конкретными мутациями в определённых нуклеотидах Y-хромосомы, то можно сказать, что каждый из нас носит определённую метку в ДНК. И эта метка в мужском потомстве неистребима. Одинаковая метка в Y-хромосоме определяет одну и ту же историю миграций, одних и тех же общих предков и ту же предковую гаплогруппу. Y-хромосома – единственная из всех 46 хромосом (точнее, из 23-х, которые несёт сперматозоид) передаётся от отца к сыну, и далее к каждому очередному сыну по цепочке времён длиной в десятки

тысяч лет. Сын получает Y-хромосому от отца точно такую же, какую тот получил от своего отца. (А. Клёсов. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»).

Все восточные славяне (поляки, русские, восточные украинцы, белорусы) по генотипу, т.е. изменчивости мужской Y-хромосомы чётко попадают в одну группу, характеризующуюся высоким содержанием у населения (до 50%), как и у индийских ариев, Y-хромосомной гаплогруппы R1a1 с мутацией SRY 10831.2. Это свидетельствует об их генетическом родстве и едином происхождении. Для северных групп русских появляется примесь гаплогруппы N1c1 (влияние финно-угорского компонента). Западные украинцы отличаются преобладанием кельтской гаплогруппы R1b (к которой относятся все западноевропейцы), и гаплогруппы I2a (румыны, молдаване), что говорит о значительном содержании у них неславянских элементов и свидетельствует о том, что галичане генетически не являются славянами, имея значительное содержание крови кельтов и даков. Из истории известно, что автохтонным населением археологической «культуры карпатских курганов» были дакийские племена, относящиеся к предкам современных молдаван и румын – фракийским племенам даков, населявших существовавшую на западном побережье Чёрного моря с III в. до н. э. Дакию. Во II в. даки были завоёваны и ассимилированы римлянами императора Траяна, основавшими на территории современной Румынии римскую провинцию Дакию.

В те далёкие времена Карпаты и Галичину населяли племена карпов, не затронутые римскими завоевателями, которых лесистые горные склоны с редкими селениями дикарей просто не интересовали. Во времена Великого переселения народов в Прикарпатье с запада вторгались кельты, а с Волыни хлынули потоки славян, поглотившие даков, которые переняли славянские верования и язык, но сохранили свою генетическую основу. Покорённые римлянами даки стали румынами и молдаванами, а даки в Прикарпатье стали галичанами. Таким образом галичане являются продуктом смешения и ассимиляции древних даков древними же славянами. Обычай и культура, например, гуцул с их зажигательными песнями и плясками, неотличимыми по мелодии и ритму от румынских, расшитые кожаные жилетки и суконные плащи (гуня или чуга), близкие к румынским гуцульские говоры и т. п. этнографические особенности являются этому наглядным подтверждением, как отметил Олесь Бузина в книге «Тайная история Украины-Руси». [26]

И завоевание киевским князем Владимиром в X веке Прикарпатье вместе с Червоной Русью мало что изменило в генетике этого населения. Население Западной Украины наиболее часто обладает гаплогруппой I2a, присущей большинству румынского населения, а также R1b, характерной для Западной Европы, в то время, как половина (48%) жителей остальной Украины относятся к русской гаплогруппе R1a1.

В то же время исследования британских и эстонских генетиков, опубликованные в журнале «American Journal of Human Genetics», установили, что в русском народе нет существенной примеси азиатов (монголоидов). Американские антропологи исследовали генетику русских и пришли к выводу, что русские самые чистые индоевропейцы и являются ядром арийской, то есть индоевропейской расы. В свою очередь очень высокий процент (до 70%) содержания арийской гаплогруппы R1a1 у высших каст Индии и Пакистана является доказательством, что в III – II тысячелетиях до н.э. туда произошла массовая миграция населения с территории Русской равнины под влиянием глобального похолодания. Так что укро-теория о «туранском» происхождении русских – наглая безграмотная выдумка. Данные генетической географии свидетельствуют, что зарождение русского этноса произошло 4500 лет назад на Среднерусской равнине, в месте максимальной концентрации R1a1.

В настоящее время обладатели гаплогруппы R1a1 составляют высокий процент среди мужского населения России (47), Украины (48) и Белоруссии (52), а в старинных русских городах и селениях – до 80%. Таким образом R1a1 является биологическим маркером русского этноса.

Поэтому сколько бы ни горлопанили националисты, ни твердили укро-учёные и ни убеждал бывший член ЦК КПСС Л. Кучма, прогнанный под националистов, о том, что «Украина – не Россия», генетика (наука точная, без дураков) однозначно показывает, что русские и украинцы (кроме западных), как носители гаплогруппы R1a1, являются биологически кровными родственниками, составляющими единый русский народ.

Украинского народа никогда ранее XX в. не существовало, он этнологической науке не известен. Этот этноним появляется во второй половине XIX в., да и то за границей, в австро-венгерской Галиции. И для «свидомых» совсем уж печально, что не существует и украинской нации, которая уже более 100 лет находится в стадии создания и до сих пор не консолидирована в пределах собственного государства, что вынуждены признавать и бывший президент Л. Кучма, и даже отъявленные националисты – участники АТО. Единого народа в Украине нет, есть население с разным историческим сознанием, у небольшой группы людей чудовищно извращённым националистической пропагандой на тему украинской истории.

Когда в 1915 г. на Западе появились сведения о существовании в Галиции «украинского народа», европейская наука и политическая элита не обратили на это никакого внимания, поскольку им такая нация была неизвестна. Они посчитали, что «украинцы» являются просто пропагандистской выдумкой, так как в Европе ничего не знали об Украине и украинцах, создаваемых австро-венгерскими властями в Галиции. Точно так же крестьянское население Восточной Украины, будучи уверенным в своём кровном родстве в этническом и религиозном отношении с русской нацией, не желало принимать новое для них название «украинцев». Это признавали позже в своих воспоминаниях деятели Центральной Рады, объясняя в эмиграции своё поражение в гражданской войне тем, что они пытались создавать украинское государство ещё до того, как усилиями большевиков начала складываться сама украинская нация, а «сознательных украинцев» было слишком мало и они не имели поддержки у народа Малороссии.

Вообще-то странно говорить об истории страны, созданной несколько десятков лет назад. Естественно, что сейчас укро-историкам приходится использовать ложь и выдумки, у них нет другого способа сочинить историю в угоду националистическому правительству и до сих пор злобствующим националистам зарубежной эмигрантской диаспоры. Точно так же по заказу австро-венгерского правительства националистическая концепция украинской истории была сочинена Михаилом Грушевским в его многотомной «Истории Украины-Руси». Перед Грушевским стояла трудная задача написания истории для искусственной нации, которая практически при нём и начинала создаваться, но не имела ни своей национальной территории, ни государства, ни языка. Украинцы в то время существовали только в воображении немногочисленных радикальных интеллектуалов-укаинофилов. Будущий украинский народ пребывал в уверенности, что они русские люди, живущие в южных провинциях Российской империи, и не имел представления, что их скоро будут называть украинцами, изобретают для них новый язык, а за границей в соседней Галиции уже пишется «героическая» история их ещё не существующего государства и нации, задуманной австрийцами и немцами как политический проект.

Созданная в Галичине австро-венгерскими властями особая «украинская нация» основана на русофобии, греко-католической церкви и польском менталитете. Именно в этом во многом кроются глубокие различия между Западной и Восточной Украиной. Украинские националисты Галиции уверены до сих пор, что они, как более передовые и приобщённые через поляков к «европейству», играют ведущую роль в истории всего украинского народа и поэтому имеют право диктовать свою волю и своё «передовое» мировоззрение остальному населению Украины. Одна из глав книги Ореста Субтельного так и называется: «Восточная Галичина: оплот украинства». Автор отмечает, что росту общественного сопротивления русинского (он

называет его украинским) населения против давления австрийских властей препятствовала растущая конкуренция с поляками. И по мере того как польская и русинская общины входили в силу, конфронтация между ними все более обострялась.

В середине XIX в. австро-венгерская Галичина, так же как и Закарпатье с Буковиной, оставались беднейшими регионами Европы, что давало некоторым историкам повод называть их «кладовой экономической абсурдов». Если на восточной Украине происходила бурная индустриализация с появлением большой массы рабочего класса в Донбассе, Криворожье и других районах, Галиция, Волынь и Закарпатье оставались сельскохозяйственными регионами, к тому же не имевшими возможности конкурировать с аграрными областями Австро-Венгрии или Германии. Даже в конце XIX в. большинство населения Австро-Венгерской Галиции (до 80%) было русинское крепостное крестьянство с духовенством вместо интеллигенции, в среде которого родилось русофильское движение. Вена тогда очень нуждалась в идеологах, способных противостоять набиравшему силу движению русофилов и обеспечить для создаваемого украинского народа «научное» обоснование его славного исторического прошлого. И молодой тщеславный и не связанный «мещанскими условностями» в профессиональной этике историк Грушевский, перед этим безуспешно домогавшийся профессорского звания в Киевском университете, оказался как нельзя более кстати. Он получил должность профессора кафедры общей истории Львовского университета, которую занимал с 1894 г. в течение 20 лет. Одновременно Грушевский возглавил созданное в 1873 г. «Научное общество Тараса Шевченко», служившее одним из элементов «украинского проекта» австрийского и немецкого правительств и с самого начала получавшее от них щедрое финансирование. Оно превратилось в подрывной антироссийский центр, имевший целью с помощью сепаратистской литературы пропагандировать независимость Украины с отделением её от России. Издание львовской газеты «Діло», деятельность львовского «Научного общества Шевченко», Украинского студенческого союза и других львовских националистических обществ финансировала Германия из секретных фондов через советника германского посольства в Вене Дитриха фон Бетман-Гольвега. Информационная и пропагандистская деятельность сторонников украинского сепаратизма в Галиции финансировалась совместно Австрией и Германией. Например, венский журнал «Украинское обозрение» (*Ukrainische Rundschau*) получил в 1907 г. 5400, а в 1909 г. — 12000 германских марок, а черновицкая газета «Буковина» — 24000 австрийских крон. Издание выходившего в Лозанне на французском языке еженедельника «Украина» финансировалось депутатом австрийского парламента, лидером парламентского «Украинского клуба» Евгеном Левицким. (Не путать с Андреем Ливицким, с 1947 г. носившим титул «Президента Украины в изгнании»).

Помимо пропаганды Австро-Венгрия субсидировала и более практические проекты, нацеленные, в частности, на идею создания в случае победы в предстоящей мировой войне Украинского королевства, где формой правления стала бы конституционная монархия. Одним из главных покровителей украинского сепаратизма в Австро-Венгрии и претендентом на украинскую корону был наследный принц Франц-Фердинанд. В 1910 году, согласно оперативным данным российских спецслужб, в его замке Конопиште с его участием состоялось тайное совещание с деятелями украинского движения Галиции и Надднепрянщины, посвящённое именно этой проблеме.

В этнологии любая нация в качестве основного отличительного признака имеет историческое сознание, сформированное общей историей. Поэтому русские, малороссы и белорусы составляют историческую русскую нацию, несмотря на языковые, культурные различия и даже возникшие недавно государственные границы. Но невозможно себе представить славян-русских (православных) и славян-поляков (католиков) в составе единой нации. Хотя 100 лет поляки жили в условиях многонациональной Российской империи, но в образованной русской

среде являлись инородным сообществом, выделяясь шляхетским гонором и всячески обособляя себя от окружающих. Николай Костомаров в биографии писал, что поляки-студенты С-Петербургского университета *«держались в стороне от русских и при всяком удобном случае не скрывали национальной антипатии ко всему русскому»*. Он отмечал среди них наличие связи с польской эмиграцией: *«Почти одновременно с студентским волнением стали появляться печатные листки, имевшие смысл прокламаций, призывающих общество к политическим и социальным переменам, иные по своему содержанию были проникнуты умеренным либерализмом, в других делались воззвания к революции и даже к резне»*. И несмотря на известный штамп о родстве славянских душ, историческая память и историческое наследие русских и поляков так различны, что жить в соседних странах они могут, но вместе в одной стране никогда.

Попытки написания истории Малороссии с конца XVIII в. делались рядом интеллектуалов. Среди таких историков-любителей (все они писали по-русски) наибольшего внимания заслуживают Василь Рубан (*«Короткая летопись малороссийская»*, 1777 г.), Опанас Шафонский (*«Черниговского наместничества топографическое описание»*, 1786 г.), а также молодой Яков Маркович (*«Записки о Малороссии»*, 1798 г.)

Потребность в обобщающем профессиональном научном труде восполнил русский историк Д. Н. Бантыш-Каменский (1788—1850), родившийся в Москве отпрыск молдавского дворянского рода Бантыш, получивший прекрасное образование. В 1816 г., отказавшись от дипломатической карьеры, Бантыш-Каменский, в то время уже автор нескольких исторических и биографических сочинений, уезжает в Полтаву, где состоит при малороссийском генерал-губернаторе князе Репнине, официально в должности правителя канцелярии, фактически же занимаясь в основном своей четырехтомной тщательно документированной *«Историей Малой России»*, которая была закончена и напечатана в 1822 г., сразу завоевав исключительную популярность.

В связи с отсутствием украинцев в древности, в средние века и вплоть до конца XIX в., об естественном характере их этногенеза, как самостоятельного народа, нет смысла говорить. Украинцы создавались искусственно. Впервые идеи об «украинском народе» и новой теории славянской этнографии появились в первой половине XIX в. в умах польских эмигрантов. Они мечтали о возврате независимости Польского государства, вошедшего после третьего раздела Польши в 1795 г. в состав России как Варшавское генерал-губернаторство. От них «украинской идеей» заразилась радикальная часть российских украинофилов, которые были во второй половине XIX в. небольшим по численности сообществом украинствующих либеральных интеллигентов, ограниченным кружком любителей малороссийского фольклора, увлекавшихся исследованиями в этнографии. Они были не в состоянии увлечь за собой малороссийское крестьянство и зарождавшийся рабочий класс и «выпускали пар в свисток» публицистических работ, далёких от того народа, который они собирались «украинизировать». Более успешны в этом отношении были австрийцы, целенаправленно пытавшиеся создать в Галиции «украинство» в противовес прорусским настроениям большинства населения. С наибольшим успехом действовали большевики после победы в Гражданской войне, создав впервые стабильную украинскую государственность в виде Украинской ССР. А затем с присущей им целеустремлённостью и настойчивостью они начали в процессе так называемой «украинизации» переделывать миллионы русского населения Малороссии в украинский народ, который как искусственный этнос, появился совсем недавно – только в СССР в 1920—1930 годах. До этого просвещённая Европа не знала такого народа.

В изданном Т. Г. Брэдфордом в 1835 г. *«Всеобщем Географическом, Историческом и Коммерческом Атласе»* (Bradford, Thomas Gamaliel. A Comprehensive atlas: geographical, historical & commercial) в главе *«Физические разновидности человеческой расы»* (Physical

varieties of the human race) при перечислении ветвей индо-арийской расы среди славянских народов отмечаются русские, поляки, сербы, хорваты, чехи, словаки и веныды (Slavonic Nations: Russians, Poles, Servians, Croatians, Bohemians, Slowacs, Wends). В атласе скрупулёзно перечислены на всех континентах океаны, моря, озёра и реки, все страны, их крупные города, этнический состав населения и много другой очень подробной и детальной информации. Но никаких украинцев не упоминается, т.е. в середине XIX в. о них авторы этого подробнейшего Атласа не слышали и не видели ни в одном источнике, сотни которых были использованы при составлении этой географической энциклопедии тогдашнего мира. В этом же Атласе в таблице «Tabular view of languages» (стр. 160) перечислены сотни языков всего мира, даже уже вымершие. В разделе Европейских языков в пункте 5. «Славянская языковая семья» указаны три ветви:

- a) Russo-Illyrian: 1. Sclavonic, Servian, Illyrian ;2.Russian; 3.Croatian; 4. Windish.
- b) Bohemo-Polish: 1. Czech or Bohemian; 2.Polish; 3.Sorabian.
- c) Wendo-Lithuanian: 1. Wend; 2. Lithuanian; 3. Lettish;
4. Prucic. [45]

Вы видите в этом перечне украинский или белорусский языки? Не думаю, что составитель атласа мистер Т. G. Bradford в первой половине XIX в. был подкуплен Путиным. Остаётся сделать крайне неприятный для «укро-свидомых» вывод: в XIX в. ни украинцев, ни украинского языка не было. Это знает любой образованный человек, а новостью может быть только для этих тупых, безмозглых, «майданутых на всю голову», плохо образованных хлопцев, для которых и приведены эти детали. Они подкрепляются свидетельствами авторитетных авторов.

Борец за долю русинов Василий Подолинский (1815—1876), этнический русин и выдающийся деятель галицко-русинского движения, писал: «...только тот мог не видеть в Галичине русинов и не слышать русской речи, кто не видел Галичины». [35]

Писатель Пантелеймон Кулиш (1819—1897), которого за попытки создать украинское правописание (так называемую «кулишовку») укро-идеологи сейчас считают автором первого украинского алфавита, украинцем себя не называл. Литературное творчество он начал на русском языке, а с 1857 г. изобрёл собственную грамматику для крестьянского языка Малороссии. Но П. Кулиш свой алфавит частично заимствовал у «Русской троицы» (М. Шашкевич, Я. Головацкий и И. Вагилевич), которые первыми использовали в альманахе «Русалка Днестровая» фонетическое правописание на русинском наречии, которое не прижилось, как не прижилась и «кулишовка».

Интересна судьба бывших единомышленников, создателей «Русской троицы». Яков Головацкий, ставший ректором Львовского университета, встал в дальнейшем на позиции общерусского единства, перешёл в православие и эмигрировал в Россию. Иван Вагилевич же перешёл из унии в протестантство и окончательно склонился к польскому лагерю (он собственно и считается польским писателем). Неизвестно, как сложилась бы жизнь Мариана Шашкевича, если бы он не умер в возрасте 32-х лет в 1843 г.

Будучи любителем малороссийской этнографии, ранний П. Кулиш – романтик, идеализировавший гетманско-казацкую верхушку, ещё не проникшийся «украинской идеей», в своих «Записках о Южной Руси» в 1856 г. писал: «...Северный и южный русский народ есть одно и то же племя... Во всех русских землях, известных под именем Малой и Червоной Руси, один и тот же южно-русский язык был во всеобщем употреблении... Название „русский“ принадлежит южно-русскому или малороссийскому народу и языку искони. Малороссийский народ и малороссийский язык суть русский народ и русский язык по преимуществу. В русских землях, принадлежавших к Польскому королевству, южно-русский язык не только был языком народным, но и правительственным. Этим языком говорили при дворе великих князей Литовских и в знатнейших южно-русских домах». А в эпилоге своего написанного на русском языке романа «Чёрная Рада» (1857) он отмечал, что своим романом хотел «доказать, не дис-

сертациею, а художественным воспроизведением забытой и искажённой в наших понятиях старины, нравственную необходимость слияния в одно государство южного русского племени с северным». В опубликованном только незадолго до смерти очерке «Владимирия» (1894), называя жителей Галицкой земли «ополяченными до потери материнского языка», Кулиш пишет: *«Называют этот край по древней великокняжеской столице его, Галициею, иначе Галичиною, Галицкою Русью, называют по расположению вдоль Карпатских гор и Подгорьем. Но Червоная Русь приятнее всех этих имен в слухе Малоруссов, собственно говоря Староруссов, от которых он отторгнут чужеядною политикою, по присоединении их к Велико-руссам или Новоруссам, называемым ревниво и завистливо Москалями... Вот чего домогались в Брест-Литовском паписты от наших предков! Они хотели уподобить всю Малороссию Польше и навсегда оторвать нас от великого Русского Мира».*

Говоря о Брест-Литовском, Кулиш имел ввиду Брестскую унию 1596 г., на которой была образована греко-католическая церковь. Позже в Галиции под влиянием польской пропаганды взгляды Кулиша, одного из первых «украинцев», радикализировались и *«Кулиш был главным двигателем украинофильского движения в Галиции в 1860-х и почти до половины 1870-х годов»*, как писал о нём Иван Франко. Однако непостоянство взглядов Кулиша, заигрывание с русским самодержавием после разгона Кирилло-Мефодиевского братства и резкие высказывания об «Энеиде» Котляревского, баснях Гулака-Артемовского и поэзии Т. Шевченко, которые он называл «музой полупьяных», а также открыто высказанное им в труде «История воссоединения Руси» (1874) твёрдое мнение об идентичности малороссов и русского народа, привели к утрате его популярности среди «украинофилов» и вызвали бурю недовольства со стороны «украинствующих» интеллектуалов. Кулиш им отплатил тем же. Возмущённый использованием своей «кулишовки» для грязной политической игры, направленной на подавление в Галиции русинского большинства, он пообещал отречься *«от своего правосияния во имя Русского единства».*

Русский филолог-славист Измаил Срезневский (1812—1880) в 1849 г. в труде «Мысли об истории русского языка», утверждая *«единство русского языка и народа»*, об украинском языке писал, что *«нет необходимости делать эту письменность самостоятельной, отдельной литературой, принадлежащей как бы отдельному народу».*

Владимир Антонович в статье «Моя исповедь» в 1861 г., называя народ южнорусского края русским, писал: *«Польские публицисты хотят доказать, что край между Карпатами и Днепром – есть край польский, навязать народу то, в чем он не нуждается, или то, чего он не хочет».* [40]

Известный русский философ и писатель, участник белого движения Иван Солоневич (1891—1953) так писал о бывших землях Речи Посполитой: *«Край – сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было ничего... дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России...».*

Ни Тарас Шевченко, ни Иван Котляревский в своих произведениях никогда не употребляли слов «украинец» или «украинский язык». Шевченко свой дневник писал на русском языке, т.е. он и думал на нём, свою родину называя Малороссией.

До 1922 г. не было и государства Украина. Даже о древнем периоде Киевской Руси и знаменитом пути «из варяг в греки» в малороссийском фольклоре нет ни одного сказания. В малороссийском народном эпосе содержатся лишь думы о похождениях легендарных предводителей казаков. Исследователь русского фольклора, член-корреспондент Императорской Академии наук А. Д. Галахов (1807—1892) в работе «История русской словесности» указывает, что былины о Киевской Руси в Малороссии не обнаружено ни одной, а в северных русских регионах собрано более 400. Вообще термин «Киевская Русь» начал применяться к Руси со столицей в Киеве в трудах русского историка Николая Михайловича Карамзина (1766—

1826) в начале XIX в., т.е. сравнительно недавно. Тем более в VIII – IX вв. не могло быть никакой Украины. Это была Русь, о которой во времена князя Игоря, княгини Ольги и князя Святослава узнали греки и начали упоминать византийские писатели и хронисты. В действительности, как теперь постепенно высказываются учёные, Русь и русский народ существовали значительно раньше появления в 862 г. у ильменских словен варягов Рюрика, с которого летописный Нестор считает начало Руси, а также завоевания полян князем Олегом в 882 г. и основания в небольшом полянском городке Киеве новой столицы своего государства, названного Карамзиным Киевской Русью. [15]

В результате татаро-монгольского нашествия пришедшие в упадок и запустение южные и западные княжества Руси оказались захваченными Великим княжеством Литовским, основу населения которого составляли древние русичи, русины. Затем литовские князья во второй половине XIV в. воевали с Польским королевством за галицко-волинское наследство. После раздела в конце XIV в. древнерусского Галицко-Волинского княжества между Польским королевством и Великим княжеством Литовским Юго-Западная Русь никакого самостоятельного политического развития никогда не имела, всегда будучи в составе Литвы, Польши или Австрии. На землях Руси никогда в течение всей тысячелетней истории её жители добровольно не отказывались от своего древнего самоназвания русские и не называли себя другим именем. Даже на землях юго-западных древних русских княжеств, надолго попавших под польское господство, люди продолжали именовать себя русскими и, несмотря на национальный и религиозный гнёт, помнили свои русские корни, сохраняли свой язык и чтили своих предков.

После того, как в конце XVI века русские земли в составе Великого княжества Литовского стали юго-восточной окраинной частью единого государства Речи Посполитой, поляки начали называть эти территории «украинами», а их жителей «украинниками» или «украинцами» от польского слова «kraj» (край земли, окраина). Православные подданные Речи Посполитой, несмотря на национальное и религиозное давление поляков, никогда не забывали о том, что они православные русские и говорили на русском языке. Польский правящий класс понимал опасность этнического единства и одной православной веры русских жителей польских окраин с Русским государством, и объясняющееся этим естественное желание русских, проживающих в Польше, к воссоединению с Русским царством. Польские власти противопоставили этому усиленное ополячивание русского населения, в первую очередь его национальной элиты (русской шляхты), насаждение католической веры вместо традиционного русского православия, а затем, уже в XIX в., эту политику продолжали усилия польских политических эмигрантов и учёных доказать, что в Польше не было русских, а была особая «украинская» народность, которую поляки трактовали как часть польской нации. Так постепенно возникло название этой территории в составе Польши как «Украина», наравне с другими историческими географическими названиями (Волинь, Подолия, Брацлавщина).

В современной украинской научной литературе и в школьных учебниках утверждается, что название «Украина» происходит от украинского слова «страна» (укр. «край», «країна»), то есть просто земля, заселённая народом, что наравне с другими многочисленными примерами фальсификации и манипулирования историческими фактами, является намеренным мифотворчеством и сознательным искажением истории. «Украинствующие» деятели в попытках доказать давнее существование Украины, ссылаются на якобы первое её летописное упоминание в Ипатьевской летописи, где описывается смерть в 1187 г. переяславского князя Владимира Глебовича во время похода на половцев и скорбь по нему переяславцев: *«всякими добродѣтельми наполнен – о нем же оукраїна много постона»*, т.е. сожалела. Украинствующие ученые видят здесь слово «Украина», и как двоечник подгоняет нужный ответ, отбрасывают ненужное «о», вводя заглавную «У» вместо прописной, заменяя «й» на «и», меняя ударение и смысл слова как «вся страна». Но в те времена это была просто Русь, Украину ещё не изоб-

рели. И смысловое значение слова была именно «окраина», тем более, что Переяславское княжество, крайнее к «Дикому Полю» было отгорожено от него полосой укреплений, так называемой Посульской оборонительной линией. Да и в этой же летописи в рассказе о князе Ростиславе Берладнике говорится, что он направлялся «ко оукраине Галичкькой», что обозначало границу с незаселенными территориями полосу вдоль Днестра. В других русских летописях встречаются «псковские оукраины», «рязанские оукраины» и даже «даурские оукраины во сибирской стороне» из народной песни.

О происхождении названия Украина в смысле пограничье, а не земля или страна (как доказывают современные «свидомые» деятели), ясно написано в эмигрантском издании ЭНЦИКЛОПЕДІЇ УКРАЇНОЗНАВСТВА (Мюнхен-Нью-Йорк, 1949), которое невозможно обвинить в антиукраинской направленности: «В конце XV в. и в начале XVI в. широко использовали слово „Украина“ в значении пограничье». Львовский националист Е. Наконечный также вынужден подтвердить этимологию названия страны «Украина» от границы земли.

Российский историк, д.и. н. Алексей Ильич Миллер пишет: «После казацкого восстания 1648 г. против польского владычества и Переяславской рады 1654 г., когда казацкое войско гетмана Богдана Хмельницкого присягнуло русскому царю Алексею Михайловичу, вошло в состав Русского государства и стало официально называться Войском Запорожским Его Царского Величества, занимаемую им территорию неофициально стали называть Гетманщиной, Южной или Малой Русью, что позже трансформировалось в полуофициальные названия „Малороссия“ и „Украина“, которые с появлением украинофильства в XIX в. стали использоваться и как названия всей территории Юго-Западной Руси в составе Российской империи, в то время имея не этническое, а лишь географическое значение. Ни Хмельницкому, ни другим гетманам Войска Запорожского не приходило в голову ходатайствовать перед царем о создании краевого правительства или какой-нибудь местной автономной административной власти». [33]

Профессор истории Киево-Могилянской академии Наталия Николаевна Яковенко вопросу названия украинской территории посвятила в 2009 г. целую статью «Выбор времени – выбор пути. Название украинской территории», где подробно исследовала когда, как и почему называли свою землю жители Древней Руси, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Далее практически сохранена часть текста работы Н. Яковенко. Она пишет, что говоря о названии своей территории, где проживает народ, называют священное имя отечества, полученное в наследство от предков.

«Первым наименованием всей огромной территории Восточной Европы, населенной жителями Руси, как земли русов (или «росов» в греческом звучании), было византийское название «Росия» (*Rosia*), употреблённое в произведении императора Константина VII Порфирородного «О церемониях». В Бертинских анналах этот народ назван «народом Рос», а епископ Кремоны Лудипранд, ссылаясь на греков, называет византийских наёмников «русии» (*Rusios*). В древнерусских письменных источниках страна называлась Русской землей или Русью, а народ русинами или русичами. И так было до XVI в. для определения русских земель в составе Литвы и Польши. В северо-восточных русских княжествах к этому времени и даже в XV в. уже начало применяться греческое название Росия (*Rosia*) При этом в византийских и римских документах той поры иногда страна называлась «*Russia*», а её жители рутены (*Rutheni*), тем более, что ещё Плиний описывал кельтское племя рутенов. Так в европейских источниках слились два фонетически похожие названия народа русины-рутены и даже страну иногда называли *Ruthenia*. Это сдвоенное название народа, отдавая дань широко употребляемой латыни, стало применяться и в польско-литовской официальной документации, хотя, выводя на бумаге *Ruthenia*, канцелярист про себя думал «Русь». Сохранившиеся книги канцелярии великих князей литовских называют приграничные со Степью окраины «украинами»,

а местных жителей, в том числе и литовскую или польскую служилую шляхту «украинниками» или «людьми украинными».

Постепенно термин «Украина» как пограничье стал использоваться и для обозначения всех русских земель в составе Речи Посполитой. Наталия Яковенко, исследовав распространение названия «Украина» в документах польской администрации XVII в. в русских воеводствах, приводит характерную цитату из документа того времени: *«Украина – это польский край, который состоит из трёх воеводств, Киевского, Брацлавского и Черниговского, и лежит с востока солнца у московской границы, потом у татарской, далее на юг у волошской. И поэтому этот край называется Украиной, потому что имеет своё расположение около чужих границ»*. Главное здесь – ударение не на И, как принято теперь, а на А – УкрАйна, и тогда становится более чётким смысл слова – это пограничье.

Между тем в Польше гонимая шляхта считала, что её «голубая кровь» значительно благороднее крови простолюдинов и холопов, чему способствовала широкая известность среди поляков так называемой «сарматской этногенетической легенды», которая трактовала происхождение простого народа от Хама, а панов и шляхты от Яфета, потомки которого «воинственные сарматы» дали начало «шляхетскому народу». Орест Субтельный пишет: *«Так возникало и утверждалось представление поляков об их православных согражданах как о людях второго сорта, заведомо уступающих католикам как в культурном, так и в моральном смысле. Для будущих польско-украинских отношений подобные взгляды были основой национально-религиозной вражды»*. [32]

А русинскую знать польская шляхта рассматривала как потомков «сарматского племени роксоланов», младших братьев польских «сарматов». Отсюда пошло иногда использовавшееся альтернативное название Руси «Роксолания», в основном применимое к землям бывшей Киевской Руси. С образованием Речи Посполитой шляхта стала по происхождению делиться на «польскую», «русскую» и «литовскую». В Польше активно культивировалась модель «русской шляхетской нации», как братской полякам, русины трактовались как часть польской нации. В противовес этому в Галичине распространяется антилатинская версия «греческих истоков» Руси, а после визитов Московских патриархов во Львов в 1580 г., разбудивших дремавшее чувство духовного родства с «материнской церковью», в Львовской, Острожской и Луцкой братских школах, а особенно после посещения в 1586 г. Львовского братства антиохским патриархом Иоахимом I, встречается наименование русинов «русским народом».

После 1654 г. на территории Гетманщины, перешедшей под протекторат московского царя, всё большее распространение получает название Россия на греческий манер. Но на территориях, оставшихся в Речи Посполитой, этот термин употребляется реже. Так члены Львовского православного братства в прошении к русскому царю в 1649 г., перечисляя свои беды, помещают «свой народ» не в «России», а на «всём пространстве Руси».

Примерно в это время начали использовать греческое наименование прежних галицкой и киевской метрополий Константинопольской церкви как «Малой России». Самым ранним использованием этого термина считается булла 1347 г. императора Иоанна VI Кантакузина про ликвидацию Галицкой метрополии. Ещё раньше этот же термин был применён в 1339 г. на латинском языке в титуле галицко-волинского князя Болеслава Юрия: «князь всей Малой Руси (Russie Mynoris)». После распада Киевской метрополии на московскую и польско-литовскую и признания Константинополем Московского патриархата в «Великой России», вся остальная территория бывшей православной Руси стала называться «Малой Россией». В письме Львовского братства к царю Федору Иоанновичу в 1592 г. с просьбой о материальной поддержке встречаются вместе оба этих названия: «Великая и Малая Россия». В 1620 г. ерусалимский патриарх Теофан посвятил несколько киевских епископов «на престолы Малой

России». В 1678 г. иерусалимский патриарх Досифей обращается с пастырским посланием к православным «Малой России, Полонии и Литваниии».

Новое дыхание в термин «Малая Россия» вдохнуло восстание 1648 г. Богдана Хмельницкого одновременно с лозунгом защиты «святой греческой веры» и в связи с резким увеличением интенсивности связей с «единоверной православной Московией», когда Гетманат стали чаще называть «Малой Россией», придавая внутренний смысл объединению Великой и Малой России. Это стало официальным наименованием с включением в титулатуру московского царя, которая стала звучать как «Великой, Белой и Малой Руси». А в 1662 г. в Москве создаётся специальное административное учреждение «Малороссийский приказ». Кровавые события Руины показали, что под Малой Россией казаки стали понимать не только киевскую метрополию, но и все русские территории Речи Посполитой (*«куда простирается русский язык и вера»*), которые не могут принадлежать ляхам, поскольку они *«овладели преступно землями, которые когда-то были освящены не польским королём, а равноапостольным церём Володимиром»*.

Невзгоды, страдания и тяготы гражданской войны XVII в. (Руины) постепенно превращают Малую Русь для казаков в «нашу оплаканную мать-отчизну» и начинает проявляться «малороссийский патриотизм» и «малороссийская идентичность». Название «УкрАйна», много раз использованное в прошлом в устной речи, в прозе и в стихах, памятное по происхождению из польского языка (от польского *крај*, край земли), во времена Речи Посполитой и после восстания Богдана Хмельницкого имело хождение в частном общении и изредка в исторических документах как географическое понятие для территории Гетманщины, подобно Подолии, Переяславщине, Холмщине и т. д.

Нет никакой необходимости оспаривать, что со временем название распространилось на все земли современной Украины, но исходный его смысл всегда был пограничье. Это подтверждает канадский националист Орест Субтельный, который писал в начале своей книги «Украина. История». (Торонто. 1988): *«Слово „Украина“ чаще всего истолковывается как „порубежная земля“, „пограничье“. Такое название страны весьма точно отражает ее местоположение»*. [32]

Ещё в начале XIX в. при Александре I, когда на Правобережье Днепра сохранилось после третьего раздела Польши безраздельное господство польских магнатов, а служилая польская шляхта преобладала в системе государственных учреждений и школьном образовании, там началось внедрение названия «Украина». Составив большинство преподавателей и студентов в польском университете в Вильно и в открывшемся в 1805 г. Харьковском университете, поляки занимали лидирующее положение в интеллектуальной жизни Малороссии и широко пропагандировали малороссийское наречие в качестве отдельного языка от русского, поощряя нарождающихся украинофилов и сепаратистские настроения. [50]

Для малороссийских земель название Украина окончательно установилось в конце XIX – начале XX века. Но начало этому было положено раньше, что свидетельствовало о зарождении под влиянием польской пропаганды «национальной озабоченности» интеллектуальной элиты сообщества, которому до этого вполне хватало понятия Русь, как территории, где проживали русины в составе польско-литовского государства. Характерной чертой при различных названиях этой территории (в официальных документах, частных письмах или географических описаниях) было многоязычие, изменчивость и податливость на влияние извне, склонность к синтезу разных традиций, связанное с многовековыми контактами с беспокойными и сменяющимися кочевыми народами Дикой Степи.

Некоторые иностранные источники иногда называли Московское княжество (а не всю Северо-восточную Русь) Московией, а Юго-западную Русь Киевией, пытаясь избежать официального названия Московской Руси. Чтобы убедиться в том, что это было намеренное переименование, носившее скорее политический смысл, достаточно обратиться к древнерусским лето-

писям. Например, в Никоновской летописи рассказывается о поездке великого князя Василия Дмитриевича в 1364 году в Орду, в результате которой хан Тохтамыш пожаловал князю владение несколькими русскими городами в Северо-Восточной Руси *«и отпусти его на Русь»* (заметьте, не в Московию).

Н. Костомаров в «Правде полякам о Руси» о названии «Московия», пишет: *«Никакие хроники того времени не упоминают о московитянах и не могли упоминать о том, чего на свете не было. Если что в те времена было совершенно неизвестно (completely inconnu), так это имя московитян... Когда Мамай собирался идти на Дмитрия, он, по известию летописца, говорил: пойдём на русского князя и на русскую землю, а не на московского князя и не на московскую землю... Слово московитяне было совершенно неизвестно у нас; несколько сходное с ним было название Москвичи, но оно означало жителей города Москвы – и в самом обширном смысле – её земли, её пригороды, но никогда не имя великорусского народа. Никто бы не назвал суздальцев, владимирцев, нижегородцев – москвичами, но все равно звались русскими».* [19]

Употребляя термины «Московия» и «московиты», западноевропейские географы и историки XVI и XVII веков довольно часто оговаривались, что московитов следует отождествлять с русскими: *«Московия получила свое наименование по названию реки и расположенной на ней столице, являясь частью Руси»*, – писал Цезарь Бароний. В своём ставшем популярным университетском учебнике немецкий географ Георг Хорн подчёркивал: *«московиты суть русские, лишь именуемые так по названию столицы их государства».* В начале XVII века французский наёмник Жак Маржере (служивший в русской армии капитаном отряда наёмных солдат, а затем переметнувшийся к Лжедмитрию I) в своей книге «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского», считающейся ценным историческим источником о быте русского народа, о природе и населении России конца XVI – начала XVII в., писал: *«Ошибочно называть их московитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. Сами они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают: Russas, то есть русские, а если их спрашивают, откуда, они отвечают: iz Moscova – из Москвы, Вологды, Рязани или других городов».*

Название «Московия» с подачи поляков вошло в европейский оборот в связи с польскими претензиями на принадлежность Польше всех западнорусских земель и пропагандой концепции, что русины Речи Посполитой и русские в Московском царстве это разные народы и Россия не имеет отношения к культурному наследию Древней Руси, т.е. не имеет права претендовать на объединение русских земель. В 1900 году в Галиции австро-венгерский дипломат и активный участник «украинского движения», затем представитель Украинской Центральной Рады ЗУНР в США, Лонгин Цегельский опубликовал пропагандистскую брошюру «Русь-Украина и Московщина-Россия», в которой обосновывал единоличные права Украины на наследие Киевской Руси. В 1921 году была издана (в 1936 году переиздана) книга украинского эмигранта в Чехословакии Сергея Шелухина о названиях Украины, где он, частично повторяя Духинского, доказывал, что «Московия» всегда так называлась и «украина» своё название «Русь, Россия» у Украины. Подобные же доводы использовал и канадский эмигрант, украинский националист Павел Штепа, в середине XX в. издавший книги «Украинец и москвин. Две противоположности» (1959) и «Московство» (1968). [30]

Подмена официального названия «Россия» словом «Московия» изредка применялось западными политиками в XX в. Кумир современных украинских националистов Адольф Гитлер (его портреты неизменно присутствуют в факельных шествиях бандеровцев по улицам Киева и других городов, а фашистское приветствие вздёрнутой вверх рукой часто используется членами ОУН) неоднократно говорил о том, что такие слова, как «русское» и «Россия» следует запретить, заменив на «московское» и «Московия», а в планах нацистского руководства было создание Рейхскомиссариата Московия. Не отстают от националистов-писак и гитлеровцев современные американские лизоблюды – неменяемые политики и деятели киевской

хунты. В феврале 2016 г. в Верховную Раду был внесён законопроект о том, чтобы на Украине Россию официально называли Московией. Цирк продолжается!

Происхождение названия «Украина», ставшее общепринятым с блудливой руки М. Грушевского, «украинствующие» деятели связывают с упоминанием его древним летописцем в Ипатьевской летописи под 1187 г. Это неверная обывательская поверхностная трактовка людей, да и у Грушевского об этом написано достаточно ясно. Те, кто приводят этот довод, не знают существа вопроса, сами в этом не разбирались, а просто повторяют услышанное где-то. На самом деле профессор истории Наталия Яковенко подтверждает, что в слове «оукрайна» отчетливо видно тождество со словом «окраина». В то же время, рассматривая другие возможные интерпретации этимологии слова от «страна, земля», даже с привлечением аутентичных текстов Евангелия на греческом, латинском, чешском и церковнославянском языках, она приходит к заключению, что этимологически его содержание в официальных политико-географических документах по смыслу совпадает с понятием «окраина». Это и понятно: как с точки зрения русских летописцев, описывавших окраинные территории, так и из польской столицы земля будущей Украины воспринималась именно как окраина, далёкое пограничье с Диким Полем.

С первой половины XIX в. ещё до работ Грушевского начинается широкое использование украинофилами названия Украина в этническом смысле для территории, заселенной русским народом, ещё в массе своей не понимающим, почему городские паны называют их украинцами и заставляют учить язык, которым они разговаривают с рождения, а разные учёные господа пытаются научиться разговаривать так же, как селяне «лаются в шинках», да ещё и записывают их ругань.

Директор Канадского института украинских исследований, современный канадско-украинский историк, вывезенный ребёнком в Германию родителями-бандеровцами, Зенон Когут (род. 1944), исследователь истории Гетманщины XVIII в., в своей работе с характерным названием «Создание Украины: Исследования политической культуры, исторического повествования и идентичности (малорусское дворянство в начале XIX в.)», описывая тенденции малороссийского населения, отмечает его по преимуществу ассимиляционные настроения (ориентированные на слияние с русским обществом) и в гораздо меньшей степени традиционалистские настроения (чтобы сохранить унаследованные от Польши привилегии). В XVIII и начале XIX в. малорусское дворянство и духовенство не просто в подавляющем большинстве своём верно служило царям, но и внесло значительный вклад в формирование того, что сегодня известно под именем русской культуры, от которой сейчас как от чумы отрещиваются их потомки, предавшие своих предков.

После объединения Великого княжества Литовского с Польским королевством по Люблинской унии 1569 г. и создания Речи Посполитой, часть русских земель была напрямую включена в состав Польши, которая до этого владела землями Галицко-Волынского княжества. В результате Руины и русско-польской войны Левобережная часть Малороссии отошла к Русскому государству. Правобережье Днепра вошло в состав Российской империи после разделов Польши в конце XVI в., а в Галиции и Западной Волыни воцарилась власть Австро-Венгерской империи Габсбургов. По результатам Первой мировой войны Западная Украина вновь оказалась в составе Польши. Таким образом дольше всего под владычеством Польши оставалась Галиция. В начале XIX в. большинство населения Галиции, называвшее себя русинами (синоним «русичи»), было коренным народом, проживавшим на этой территории во времена Киевской и Галицкой Руси, которые считали себя этническими русскими, а свой язык – русским, в результате развития в отрыве от основного массива русского народа вобравшим в свой лексический состав церковнославянские, польские, венгерские, немецкие, румынские и др. элементы. Этот природный естественный язык русинов нарождающиеся «украинцы» стали называть «язычием», а сами стали изобретать новый искусственный «украинский язык», кто

во что горазд (кулишовка, драгомановка, желеховка и др.), насыщая его полонизмами для большего отличия от русского. Галицко-русский общественный деятель, историк О. А. Мончаловский (1858—1906) в работе «О названиях „Украина“, „украинский“» приводит высказывание известного польского учёного, профессора Берлинского университета, доктора Александра Брюкнера (Bruckner) в львовской газете «*Slowo polskie*» в октябре 1902 г.: «*Сильнее всего отразилось влияние польского языка на малорусский язык. Я употребил термин „малорусский“, так как это единственный термин исторический, освященный веками и историей, от которого, однако, наши русины (галицкие „украинцы“) совершенно отказались*». А добровольный отказ от своего имени – это не кража, как лживо доказывает Е. Наконечный.

В первой половине XIX в. под влиянием идей французской революции и европейского романтизма в российском просвещённом обществе возник интерес к национальной проблематике и к изучению народных истоков культуры, подхваченный любителями этнографии Малороссии и в основном связанный с романтикой украинского казачества. Это движение получило название украинофильства. В среде польской и сильно полонизированной местной шляхты в землях Правобережной Малороссии, вошедших в состав России после разделов Польши, романтизм становится модным течением, а также завладевает умами представителей части либеральной российской интеллигенции.

Большую часть XIX в. русская «украинствующая» интеллигенция представляла собой крохотную часть образованного общества, часто разделённую непримиримыми интеллектуальными спорами, либерально настроенную, оторванную от масс и всецело поглощённую деятельностью, никому, кроме неё самой, не интересной. Большинство украинофилов признавали свои занятия чем-то вроде хобби, безобидным и весьма романтическим, обусловленным местным патриотизмом, ностальгическим пристрастием к неповторимому исчезающему миру. В этой узкой высокообразованной среде весьма немногие проявляли интерес к социальным и политическим аспектам.

Малороссийское самобытное народное искусство, в основном казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей и этнографов. Многие из них даже не были малороссами по происхождению. Например, первый сборник «Опыт собрания старинных малороссийских песней» издал в 1819 г. в Петербурге грузинский князь Н. А. Цертелев (русифицированное из грузинского Церетели). В России середины XIX в. украинская тематика вызывала интерес и симпатию. Но это была симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа. В истории и характерах Южной Руси искали романтических деталей и красок. Поэтому восторженно были приняты образованными российскими кругами окрашенные малорусскими мотивами «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831—1832) и «Тарас Бульба» (1835—1842) Н. В. Гоголя. Представители украинофильского движения стремились ближе познакомиться с произведениями устного народного творчества овеянного романтикой казачества, узнать жизнь, народный язык и фольклор малороссийского народа, который всё чаще стали называть украинским по географическому названию «Украина» территории бывшей Гетманщины. Но российские украинофилы практически варились в своей интеллигентской среде, а хождение в сельские шинки переодетых в шаровары, вышиванки или коужухи студентов не могло оказать никакого влияния на пробуждение «свидомого самосознания» у малороссийских крестьян, воспринимавших это как забаву городских господ, которых отделяли от народа глубокие социальные различия.

Разнообразные кружки украинофилов со временем стали пытаться создать особый алфавит и грамматические правила для народного малороссийского говора, который являлся южным наречием русского языка с примесью специфических малороссийских слов, зачастую

позаимствованных из польского языка за время многовекового польского господства в Юго-Западной Руси. С появлением в среде радикальных украинофилов сепаратистских настроений, для доказательства отдельности и самобытности малороссов и вновь создаваемого украинского языка, его создатели пытались как можно дальше отдалить его от русского литературного языка путём использования местной малороссийской лексики и изобретения новых слов. По принципу – пусть коряво и некрасиво, зато не по-русски.

Наиболее известная группа первых украинофилов-романтиков в 1820—1830-х годах появилась при Харьковском университете. М. Грушевский позже об этих дилетантах-любителях скажет, что *«рядом с настоящей великорусской культурой, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное общество, это украинское течение выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев»*. Но в среду студентов и преподавателей университета стали постенно проникать и радикальные настроения, вызванные общим подъёмом революционного и народнического движения в России. Тут делал первые шаги в украинофильском движении Николай Костомаров.

В ноябре 1830 г. тайное общество молодых польских офицеров, вдохновленное национальными революциями, разразившимися во Франции и Бельгии, подняло антиимперское восстание в Варшаве. Однако после первого успеха все силы восставших ушли на внутренние конфликты. Руководители восстания надеялись вдохнуть свежие силы в своё выступление в расчёте на поддержку Правобережного населения, где польское дворянство сохранило с времён присоединения к России своё привилегированное положение помещиков и магнатов, а служивая шляхта занимала большинство должностей в системе просвещения и других государственных учреждениях. В то время в усадьбах польских помещиков и земельных магнатов возник повышенный (в основном показной) интерес к малороссийскому народному творчеству, появилась мода на украинскую, а точнее, казацкую романтику, с ностальгией по «старым добрым» временам владычества Речи Посполитой вместе с идеализацией прошлых польско-русинских отношений. Именно в этой среде стали появляться политические нотки, подхваченные и развитые в польской эмигрантской диаспоре за границей, считавших украинскую тему важной для включения Малороссии в сферу «польского мира» и видевших в ней инструмент для пропаганды своих идей об объединении польских и малороссийских земель в новую «Великую Польшу». И со второй половины XIX в. населению Малороссии начинают навязывать название «укрАинцев».

Участвовавший в восстании пятитысячный отряд польских шляхтичей, не получив ожидаемой поддержки у населения, был разгромлен российской армией и отступил в австрийскую Галичину. Тогда и появился знаменитый лозунг, обращённый польскими повстанцами к русскому крестьянству, страдавшему под гнётом самодержавия: «За нашу и вашу свободу!». Планы последующего закабаления малороссов в возрождённой Польше, естественно, от своих «холопов» паны скрывали.

Но малороссийские крестьяне своих польских панов-католиков ненавидели гораздо сильнее, чем православного российского царя. Они иногда и сами своими силами расправлялись с восставшей шляхтой. Даже и в самой Польше многие крестьяне в 1830—1831 гг. отказались поддержать бунтовщиков, тем самым наглядно продемонстрировав, что социальные нужды остаются гораздо ближе и понятнее, чем идеи шляхты о восстановлении польского национального государства.

Участвовавшая в восстании польская шляхта составила в австрийском Львове ядро наиболее радикальных русофобских украинофилов, а некоторые эмигрировали на Запад.

Наиболее радикальные представители польской эмиграции после поражения восстания 1830 г. пытались привлечь украинофилов как своих потенциальных союзников для борьбы

против царизма. Идеологи польского украинофильства эмигранты В. Терлецкий, М. Чайковский, Т. Чацкий, Ф. Духинский противопоставляли бывшие малороссийские «Украины» Речи Посполитой Русскому государству и утверждали, что украинцы это часть польской нации, а «москали» являются не славянами, а «туранцами».

Так в среде польских политэмигрантов, озабоченных поиском способа привлечения в свой лагерь население Малороссии, и родилась «украинская идея». При этом существенное значение имело то, что национальное самосознание шляхты было основано на представлении об исторической мессианской роли Польши, как носителя европейской цивилизации и форпоста Запада, противостоящего «русским варварам» с Востока. Память о прошлом могуществе Речи Посполитой делает поляков беспокойными, черезчур высокомерными, горделивыми и неуживчивыми соседями, непомерные амбиции которых создают проблемы для государств Восточной Европы, а сейчас и для всего Евросоюза. Польские шляхтичи считали себя в расовом отношении и по уровню цивилизованности выше русских, к которым они издавна относились пренебрежительно. Такое положение не изменилось даже после раздела Польши и вхождения её большей части в состав Российской империи, когда эти амбиции и высокомерность поляки сохраняли на фоне их реального бессилия изменить существующие условия.

В первой половине XIX в. после подавленного царским самодержавием восстания 1830—1831 гг. из польской эмигрантской среды стали проникать в Россию идеи о возрождении Польши, в которых идеологами великопольского «ренессанса» развивались концепции о родственном полякам украинском народе, отдельном от русского, которому отводилась роль потенциального союзника в создании Великой Польши «от моря и до моря». Появилось целое направление польской общественно-исторической мысли, вообще отрицавшее славянское происхождение русского народа, якобы имеющего финно-тюркское происхождение. О появлении «украинской идеи» в работе «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям», опубликованной 1925 г. в Берлине под псевдонимом Андрей Царинный, русский славист, вынужденный в 1919 г. эмигрировать в связи с угрозой ареста большевиками, специалист по истории Малороссии А. В. Стороженко (1857—1926) пишет: *«В первой четверти XIX века появилась особая „украинская“ школа польских ученых и поэтов, давшая чрезвычайно талантливых представителей: К. Свидзинский, С. Гоцинский, М. Гробовский, Э. Гуликковский, Б. Залесский и мн. другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоцким и Ф. Чацким, и подготовили тот идейный фундамент, на котором создано здание современного нам украинства. Всеми своими корнями украинская идеология выросла в польскую почву»*. [47]

О влиянии идеологов польского украинофильства XIX в. видный канадский деятель украинского национализма И. Лысяк-Рудницкий (1919—1984), воспитанный в Галиции в националистической семье, бежавшей в 1940 г. в Берлин, об идеологах польского украинофильства XIX в. писал: *«Поляки-украинофилы и украинцы польского происхождения внесли существенный вклад в создание новой Украины... Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость»*. Что эти деятели усилили «антироссийскую боевитость» украинофильства, — это абсолютно точно.

Украинцев как народ выдумал польский этнограф и писатель граф Ян Потоцкий (1761—1815). Именно ему, российскому тайному советнику, близкому к министру иностранных дел Российской империи польскому князю Адаму Чарторыйскому, принадлежит «честь» изобретения термина «укрАинец». В своем сочинении «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах», изданном в Париже на французском языке в 1795 г., Потоцкий сформулировал придуманную им теорию о том, что укрАинцы, населявшие малопольскую

Украину, являются народом, отдельным от русского и имеющим совершенно самостоятельное происхождение, как часть польского народа. Гипотеза Потоцкого базировалась на популярной в то время в Польше сарматской теории происхождения поляков, по которой поляки были прямыми наследниками легендарного племени сарматов, одним из ответвлений которого, по мнению Потоцкого, были украинцы. Что исторически эти идеи не подтверждались фактами и не были результатом научных исследований, Потоцкого беспокоило гораздо меньше, чем оригинальность собственной придумки. Но эти фантазии известного польского писателя легли на благодатную почву радикальной польской интеллигенции, испытывавшей ностальгию по былому польскому величию, и страдавшей от присущего полякам гипертрофированного чувства своего превосходства, известного как польский шляхетский гонор. В этот период создания польских исторических мифов и распространения среди поляков «украинской идеи» появилась значительная плеяда польских общественных деятелей, вообще отрицавших славянское происхождение русского народа, якобы имеющего финно-тюркское происхождение. Они составили целое направление польской общественно-исторической мысли.

Творчески развил околонучные фантазии Потоцкого другой польский деятель – публицист, историк, библиофил Тадеуш Чацкий (1765—1813). Тадеуш Чацкий был в своё время куратором учебных заведений Киевской, Волынской и Подольской губерний, проводя курс на дальнейшее ополячивание русского населения. В 1801 г. он написал псевдонаучную работу «О названии „Украина“ и зарождении казачества» (польск. «O nazwisku Ukrainy i początki kozaków»), в которой без всяких на то оснований утверждал, что украинский народ вообще не имеет ничего общего со славянством, а его предками были кочевники из выдуманной им орды укров, пришедшей на территорию современной Украины из-за Волги в VII веке. И эта придуманная им, чтобы перещеголять Потоцкого теория, в современной Украине имеет хождение наравне с другими националистическими постулатами, противореча, например, двум другим основным украинским историческим мифам: что украинскому народу 140 тысяч лет и украинцы постоянно проживали в среднем течении Днепра (называя себя почему-то русскими).

Последователи Чацкого выводили от этих мифических укров малороссийское казачество, как зародыш украинского народа, ставя, образно говоря, «телегу впереди лошади» и игнорируя возникновение казаческого сословия из среды малороссийского народа со значительной примесью любителей «вольной жизни» и авантюристов разных национальностей. Этот характер казачества ясно понимал Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ), который в «Истории Карла XII» описал запорожских казаков как *«самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедывающих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров. Они выбирают себе начальника, часто свергают и даже убивают его... Летом они всегда в походе, а зимой спят в обширных сараях, в которых помещается четыреста-пятьсот человек»*.

В этом и состоял вовсе не научный, а хорошо продуманный политический характер деятельности этих польских «просветителей», мечтавших вновь завладеть обширным малороссийским краем руками тех же малороссов и озабоченных идеей привлечения их в свой лагерь, о чём откровенно писали многие исследователи этого вопроса.

При русском императорском дворе в то время нашли благоволение царского правительства многие проходимцы из числа поляков. Император Александр Павлович был убеждённым полонофилом, а царский двор и государственные учреждения были заполнены польскими шляхтичами, которые за показным русофильством скрывали стремление при первом же удобном случае предать Россию во имя польской идеи. При Александре I в 1804—1806 гг. министром иностранных дел был откровенный русофоб князь Адам Ежи Чарторыйский (1770—1861), которого польские националисты прочили в короли освободившейся от российской зависимости, возрождённой Польши. И Адам Чарторыйский во время польского восстания

1830—1831 гг. возглавил правительство мятежников, а после его подавления эмигрировал во Францию.

Интерес к Малороссии польских идеологов, особенно из числа эмигрантов, после поражения восстания 1830—1831 гг. прежде всего был связан с продолжением поиска потенциальных союзников для борьбы с Российской империей. Идеализируя прошлые польско-русинские отношения во времена Речи Посполитой, они будущее Руси (имея ввиду Малороссию) видели в восстановлении Речи Посполитой в её прежних границах, исходя из давних польских притязаний на принадлежность Польше всей Малороссии.

Польская шляхта, занимавшая со времён раздела Польши на Правобережье доминирующее положение, не оставляла попыток оторвать от России малорусский народ, посеять зёрна сепаратизма в среде малороссийской интеллигенции. Она распространяла идеи польских политэмигрантов о том, что русины – это народ, родственник полякам и поработанный русскими. Этому в не малой степени способствовала греко-католическая церковь и перешедшие из православия в униатство русины. Они перестали считать себя русскими и старались выглядеть хоть второго сорта, но поляками.

Генерал Дмитрий Бибииков, назначенный в 1837 г. генерал-губернатором Киевской, Подольской и Волынской губерний, где до этого сохранялись польские порядки (особенно в системе образования), вполне осознавал угрозу, проистекающую от засилья в крае польского дворянства. С целью восстановления русского просвещения и русской народности на ополяченных землях Западной Руси Бибииков закрыл на Правобережье все польские школы, а русский язык стал единственным языком обучения. В это время был закрыт и польский Кременецкий лицей, служивший «кузницей» пропольской интеллигенции в Малороссии. Его профессорско-преподавательский состав был переведен в основанный в 1833 г. Киевский университет Св. Владимира. Около 60 тыс. польских шляхтичей, замешанных в поддержке восставших, были лишены дворянского достоинства, многих выслали в глубь России. Около 3 тыс. имений, конфискованных у поляков, были превращены в военные поселения. На всех постах чиновники-поляки заменялись русскими. В 1843 г. по распоряжению Бибиикова была создана Археографическая комиссия, официальная цель которой состояла в том, чтобы, выявив и изучив древние акты, доказать, что Малороссия «с незапамятных времён была истинно русской». В 1847 г. в изданных «Инвентарных правилах» указывались права и обязанности крестьян на «панщине», ограничивалось право помещиков вмешиваться в личную жизнь крестьян и устанавливался размер положенного им земельного надела. Такое отношение к малороссийскому крестьянству также принесло положительный эффект для стабилизации общей обстановки в крае.

После ограничительных указов российского правительства во второй половине XIX в. часть российских радикальных украинофилов, привлечённых поощрительным для них отношением австрийских властей, перебравшись во Львов, где они объединились с местными украинофилами. На первом этапе своего развития в Галиции «украинство» было политическим течением под патронажем австро-венгерских властей, использовавших все средства для изменения национального сознания русинов и финансировавших лояльные Вене украинофильские организации, «украинствующих» деятелей и прессу. В 1892 году в столице австро-венгерской Галиции Львове в газете польской шляхты «Przegląd» было написано: *«Если в чувствах малорусского народа существует сильная ненависть к России, то возникает надежда, что в будущем, при дальнейшем развитии этих чувств, будет возможно выиграть против России малорусский козырь... Такой эволюции нам, полякам, нечего бояться, напротив, мы бы допустили ошибку, если бы хотели запретить ей дорогу и добровольно отказаться от союзника в борьбе с Россией».*

Появление ограниченной группы украинствующей интеллигенции в Галиции нельзя считать украинским народом, как этнической общностью. Первоначальные «украинцы», которые стали так себя называть, были русскими, поляками или евреями, пытавшимися в понятие «украинец» внести политический смысл, основными мотивами которого были русофобия и противопоставление русским и России, а целью – ослабление России как стратегического противника Австро-Венгрии.

Надо было заразить «украинской идеей» малороссов, без отделения которых от России этот проект не мог бы осуществиться. И эти мечты польской эмиграции нашли благодатную почву в головах украинофилов, в первую очередь в австрийской Галиции, где образовалась группа радикальных представителей «украинствующих» интеллектуалов, которые стали активно распространять идеи сепаратизма в среде малороссийской интеллигенции.

Польские националисты ставили в качестве цели обособление Малой России любым способом, даже если не удастся связать её с Польшей. В этом смысле характерно довольно откровенное подробное высказывание члена польского иезуитского ордена, соратника Адама Чарторыйского, галицкого ксёндза Варфоломея Калинки о плохой перспективе для поляков использовать малороссийский народ в своих целях: *«Между Польшей и Россией живет огромный народ, ни польский, ни российский. Польша упустила случай сделать его польским, вследствие слабого действия своей цивилизации. Если поляк во время своего господства и своей силы не успел притянуть русина к себе и переделать его, то тем меньше он может это сделать сегодня, когда он сам слабый; русин же стал сильнее, чем прежде. Русин сегодня сильнее вследствие сознания своей национальности, расслабления польского элемента и демократического духа проникающего его. Сельский русский люд не сознает еще своей национальности, но не любит ляха, как своего господина, богатого человека и исповедника иной веры. Просвещенные русины ненавидят ляха еще больше, чем простонародье, и в этом нерасположении поддерживают его. Все русины вместе состоят материально под властью и нравственно под влиянием России, которая говорит подобным же языком и исповедует ту же веру, которая зовется Русью, провозглашает освобождение от ляхов и единение в славянском братстве, и при этом раздает земли и леса ляхов, где может, и обещает их повсюду, где раздать еще не может. Исторический процесс, начавшийся при Казимире, продвинутый вперед Ядвигаю, законченный передвижением католицизма и западной цивилизации на 200 миль к востоку, проигрывается настоящими поляками на наших глазах. Контрнаступление Востока на Запад, начатое бунтом Хмельницкого, катится все дальше, и отбрасывает нас к средневековой границе Пястов. Окончательный приговор еще не пал, но дело обстоит хуже некуда...»* А завершает учёный ксёндз свои рассуждения, что если невозможно ополячить Малороссию, то надо постараться хотя бы отделить её от России: *«Если Грцьц не может быть моим, то да не будет он ни моим, ни твоим! Вот общий взгляд, исторический и политический, на всю Русь!»*

Историк польского происхождения, член-корреспондент Петербургской Академии наук Владимир Антонович (1834—1908), писавший свои исторические труды на русском языке, твёрдо отстаивал мнение, что Польское государство и польская шляхта на протяжении нескольких веков играли в истории малороссийского народа преимущественно негативную роль. В 1860-х годах Владимир Антонович возглавил группу молодых студентов и интеллигентов, выделившихся из польской и полонизированной шляхты, преобладавшей на Правобережье Днепра, которые отмежевались от польских националистов-радикалов накануне польского восстания 1863 г. Их называли хлопоманами за использование малороссийской одежды, речи и обычаев. В ответ на обвинения поляков в предательстве Антонович, ставший убеждённым народником, опубликовал статью «Моя исповедь» (1862), в которой предлагал польской

шляхте прекратить подрывную деятельность в Малороссии и заняться своими сугубо национальными проблемами в Польше.

В 1863 г., когда польское восстание достигло кульминации, правительство и даже русская интеллигенция пришли к выводу, что украинское движение потенциально представляет смертельную угрозу для России, а хлопоманы намерены создать независимое украинское государство, что подрывает устои России. Многие русские рассматривали украинское движение как «польскую интригу», имеющую целью оторвать Правобережье Малороссии. С этой целью во второй половине XIX в. широко использовался контрабандный ввоз и распространение русофобских сепаратистских изданий из австро-венгерской Галиции. В них усиленно насаждалась идея об особой украинской нации, отличающейся от русских, подчёркивалось коренное отличие малороссиян от русских и пропагандировалось очернение «москалей».

Для противодействия подрывным действиям галицких радикалов на основе доклада специальной комиссии при участии пророссийски настроенных членов Юго-Западного отделения Российского географического общества (персонально украинофила Михаила Юзефовича) Александр II в 1876 г. подписал Эмский указ, которым предлагалось полностью запретить ввоз из-за границы и издание украинских книг и другие запретительные меры. Эмский указ был направлен лишь на ограничение использования украинского языка в политических целях для пропаганды сепаратизма. До этого в 1863 г. появился известный Валуевский циркуляр, который также запрещал не малорусское наречие, как кричат сейчас националисты, а пропаганду южнорусского сепаратизма.

Инициаторами, идейными вдохновителями и активными пропагандистами «украинской идеи» были в основном поляки или полонизированные «до потери материнского языка» (по выражению Кулиша) малороссы. Киевский публицист, историк Александр Каревин в своей книге «Русь нерусская (как рождалась рідна мова)», в 2007 г. так описывает начало украинского движения: *«XIX век прошел на Украине под знаком борьбы двух культур – русской и польской. Заветной мечтой польских патриотов было восстановление независимой Речи Посполитой. Новая Польша выдвинула им не иначе, как «от моря до моря», с включением в ее состав Правобережной (а если удастся – то и Левобережной) Украины и Белоруссии. Но сделать это без содействия местного населения было невозможно. И руководители польского движения обратили внимание на малороссов. Поначалу их просто хотели ополячить. Для этого в панских усадьбах стали открываться специальные училища для крепостных, где крестьянских детей воспитывали на польском языке и в польском духе. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали Украину, выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. Появился даже специальный термин – «третья уния». По мысли идеологов польского движения, вслед за первой, государственной Люблинской унией 1569 г. (соединившей Польшу и Литву с включением при этом малорусских земель великого княжества Литовского непосредственно в состав Польши) и второй, церковной Брестской унией 1596 г. (оторвавшей часть населения Малороссии и Белоруссии от Православной Церкви и поставившей эту часть под контроль католичества), «третья уния» должна была привязать к Польше (естественно, с одновременным отмежеванием от Великороссии) Украину (Малороссию) в сфере культуры. В соответствующем направлении прилагали усилия и чиновники-поляки (их в то время немало служило на Украине, особенно по ведомству министерства просвещения). Как это ни странно, но такой почти неприкрытой подрывной деятельности власти препятствий не чинили. Что такое «психологическая война», тогда просто не знали. А поскольку открыто к восстанию поляки пока не призывали, царя вроде бы не ругали, то и опасности в их деятельности никто не усматривал». А. Каревин далее пишет: «Образованные малороссы всей душой любили народные обычаи, песни, говоры, но при этом, несмотря на усилия украинофилов, оставались русскими. Новыми идеями соблазнились единицы. «У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов*

из природных малороссов, а то (прочие) все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок, – сообщал видный малорусский общественный деятель К. Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Я. Головацкому – Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронирливый лях почувал в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги». [43]

Таким образом «украинское национально-освободительное движение», при своём зарождении состояло главным образом из русофобски настроенных поляков, идеи которых были восприняты частью малороссийской интеллигенции. Даже украинский национальный гимн «Ще не вмерла України ні слава, ні воля...» является своего рода калькой с «Марша Домбровского», польского гимна «Еще Польша не сгинела» (пол. *Jeszcze Polska nie zginęła*), и написан накануне шляхетского восстания 1863 г. группой поляков во главе с Павлом Чубинским в сельском кабаке в пьяном угаре. Галицкий композитор Михаил Вербицкий (1815—1870) – выходец из греко-католической семьи польского священника, в период 1862—1864 гг. написал музыку к словам Павла Чубинского. Первое исполнение состоялось в Перемышле в 1865 г.

Накануне Первой мировой войны Австрия, с конца XVIII в. владевшая землями нынешней Западной Украины, довела тут принцип «разделяй и властвуй» до совершенства. Поляков науськивали на русинов. Русинов – на поляков. Венгров – на тех и других. Кроме того, считалось весьма разумным, с точки зрения высших государственных интересов империи Габсбургов, ещё и разжигать рознь между различными течениями внутри украинства. С одной стороны выдавались государственные субсидии на развитие «Научного общества им. Шевченко» во главе с профессором Грушевским – за то, что труды его носили яркую антирусскую направленность. Но одновременно ставился на полицейский учёт всякий, кто проявлял хоть малейшие пророссийские симпатии. В этом австрийским властям активно помогали новые «украинцы». Украинский депутат Барвинский призывал их: *«Каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на москвофилов».*

Опасность «украинства» в русском мире была осознана давно. Ещё на заре его зарождения, больше сто лет назад, галицко-русский публицист О. А. Мончаловский (1858—1906) писал: *«...украинствовать значит: отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий „Русь“, „русский“, отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться под областную „украинскую“ самобытность. Украинство – это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапогов, ...идолопоклонство пред областностью, угодничество пред польско-жидовско-немецкими социалистами, отречение от исконных начал своего народа, от исторического самосознания, отступление от церковно-общественных традиций. Украинство – это недуг, который способен подточить даже самый сильный национальный организм, и нет осуждения, которое достаточно было бы для этого добровольного саморазрушения!»*

Такому точному и исчерпывающему определению Мончаловского через столетие вторит современный русский историк, писатель и публицист М. Б. Смолин (род. 1971), квалифицируя это как болезнь: *«По своей сути „украинство“ является серьезнейшей болезнью Православной цивилизации в целом. Именно эта болезнь явила миру и хорватов, и косоваров – сербов, предавших Православие. Наши южнорусские сепаратисты – „украинцы“ – такие же предатели Православной цивилизации, как и русского единства».* [11] Лучше не скажешь и добавить к этому нечего.

Киевский генерал-губернатор Драгомиров, слывший большим украинофилом и выпивавший в компании композитора Лысенко и профессора истории Антоновича, говаривал: *«Украинские только галушки, борщ и варенуха, остальное выдумала Австрия!»*

Начало движения российских «украинофилов», посвящённое этнографическим изысканиям малороссийского фольклора воспринималось российскими властями как увлечение любителей. Но когда отравленные зёрна сепаратизма польско-австрийского происхождения стали заметны властям среди безобидной с виду украинофильской среды, они забили тревогу. В письме руководителя цензурного комитета Новицкого летом 1963 г. указывалось, что явление малороссийского сепаратизма *«...тем более прискорбно и заслуживает внимания правительства, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением»*.

Опасаясь дальнейшего распространения идей опасного сепаратизма путём ввоза националистической литературы радикального свойства, большая часть которой поступала из Галиции, Польши и других зарубежных эмигрантских центров, царское правительство сделало вывод: *«Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя»*. Была создана Особая комиссия, которая пришла к выводу, что радикально настроенные украинофилы хотят *«вольной Украины в форме республики, с гетьманом во главе»*. Последовало распоряжение не допускать перепечатывания прежде разрешённых сочинений Т. Шевченко, П. Кулиша и Н. Костомарова, поскольку *«в этих сочинениях авторы стараются выставить прежнее положение Украины в выгоднейшем свете в сравнении с нынешним и возбудить сожаление об утрате старинной вольницы»*. Было признано, что *«поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам небольшой горсти неблагонамеренных личностей, сеющих рознь и смуту среди малороссийского племени, было бы величайшей политической неосторожностью»*.

И в мае 1876 г. появился хорошо известный в националистических кругах как узурпаторский и воспринимавшийся как угнетение украинской культуры, Эмский указ, до сих пор трактуемый как запрещение украинского языка и проявление колониальной имперской политики по отношению к Украине. После Эмского указа многие радикальные украинофилы переехали в столицу австро-венгерской Галиции Львов, где активно стали пропагандировать «украинскую идею», основным мотивом которой было отделение от России, что совпадало с замыслами австрийских властей. На этой подготовленной почве легко проросли семена реваншистских идей польской политической эмиграции, которая после поражения польских восстаний 1831 и 1863 гг. не оставила мечты о воссоздании Великой Польши «от моря и до моря» с включением в неё всех ранее принадлежавших до разделов Речи Посполитой русских земель Великого княжества Литовского, Малороссии и других территорий, которые удасться попутно захватить.

О результатах пропаганды поляками «украинской идеи» по изменению сознания людей в процессе создания «украинцев» в уже упоминавшемся очерке «Украинское движение» Андрей Стороженко (Царинный) пишет: *«„Украинцы“ – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою „русскость“ и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом – кем угодно, но только не русским. Слова: Русь, русский, Россия, российский – действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают „украинца“ старинные, предковские названия: Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский. Слыша их, он бешено кричит: „Ганьба!“ (Позор!) Это объясняется тем, что многие из „украинцев“ по тупости и невежеству полагают, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России»*.

Нам не встречалось ни одного „украинца“, который захотел бы выслушать научное объяснение этих названий и правильно усвоить себе их смысл». [47]

Весьма способствовавший выходу в свет очерка Стороженко, князь А. М. Волконский в обстоятельном предисловии, развенчивая лживые националистические мифы, пишет о *«четырёх неправдах движения украинских сепаратистов: о неправде этнографической, филологической, хронологической и географической».*

Высоко оценил работу Стороженко в 1958 г. выходец из обрусевшей польской семьи, русский религиозный философ, профессор Санкт-Петербургского университета, высланный из России в 1922 г. за христианское мировоззрение, Николай Лосский (1870—1965), который задолго до возрождения украинского национализма после обретения Украиной независимости, определил его сущность: *«Фанатики – сепаратисты, желая доказать, что русские и украинцы – два разных народа, и преувеличивая значительность Украины, распространяют ложные представления о ней. Об этом сказано в книге, которую написал любящий Малороссию и Россию украинец А. Царинный (Стороженко) „Украинское движение“».*

Общее отношение русских образованных слоёв к украинскому вопросу выразил русский философ, славянофил Ю. Ф. Самарин (1819—1876), который, признавая этно-культурную самобытность малороссиян, но не мысля Малороссии вне России, в дневнике писал: *«Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского». [34]*

«Украинство», как направленное против России и русских движение радикальных украинофилов, получило мощную подпитку на галицийской почве, восприняв антирусские идеи польских политэмигрантов. Алчная Австро-Венгрия вынашивала планы передела Европы. Австрийцы хотели отторгнуть у Российской империи Украину, посадив на престол «Украинского королевства» одного из отпрысков Габсбургов.

Императорское правительство Австро-Венгрии в Галиции умело играло на русско-польских противоречиях, при усилении активности польского движения, временно заигрывало с русскими и наоборот. Оно было одинаково озабочено как польским, так и русинским национальными движениями. В середине XIX в. с целью противопоставить полякам и одновременно расколоть русинов, в Вене решили сделать ставку на смену русинской идентичности на «рутенскую», название которой происходит от латинского Ruthenen, принятого для отличия от русских подданных Российской империи (нем. Russen), хотя бы по названию. Представителям русинского движения австрийский губернатор Галиции фон Вартхаузен пообещал благоприятное положение, если галичане будут называть себя рутенами, и пригрозил репрессиями, если они будут продолжать считать себя русскими. Опасаясь массовых репрессий против русского населения, представители русинской, в основном религиозной элиты подписали известное заявление «Мы не русские, мы – рутены».

С 1849 г. новый наместник императора Франца-Иосифа в Галиции граф Агенор Голуховский, проводя правительственный курс Габсбургов на подавление русинов с использованием местных украинофилов, при этом не забывая интересы польского движения, обвинял русинов в провале «рутенского проекта»: *«Рутены не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении».* Этим он невольно раскрыл цели навязывания русинам нового языка и нового названия.

В середине XIX в. правительство Австро-Венгрии начало эксплуатировать выработанную поляками «украинскую идею», так как она лучше, чем «рутенская», отражала именно тот антирусский аспект, необходимый для усиления противодействия чаяниям русинов. При Голуховском пропаганда «рутенизма» во внутренней политике пропольских властей в Галиции сменилась привычной политикой полонизации, основанной на многовековой традиции польской шляхты считать Польшу выполняющей «свою выдающуюся цивилизационную роль по отношению к малоросам». Именно такая роль Польши лежит в основе преклонения галичан перед «польским европейством».

Поляки, заполнившие при Голуховском большинство должностей в галицкой администрации, сначала отнеслись к рутенскому движению негативно, однако вскоре руководители польского национального движения в Галиции поняли, что в их интересах придать рутенскому образованному слою общества антироссийский курс. Они стали поддерживать украинофильство, завезенное в 1860-х годах из России, которое, имея в основном культурно-этнографическое направление в среде российских интеллектуалов, в Галиции становится политическим движением. Там начинает распространяться подстрекательская литература антирусского содержания, с призывами к сепаратизму Малороссии. Поляки призывали отказаться от русского языка и русской культуры и выработать свой собственный литературный язык, создать свою собственную литературу и искусство, чтобы сопротивляться «русскому гнёту и засилью москалей». Не удивительно поэтому, что в группе деятелей так называемого «украинского национально-освободительного движения» с самого начала его зарождения состояли в основном этнические поляки, являвшиеся основными исполнителями «украинского проекта». Незначительное число увлечённых их идеями русинов и малороссов представляли собой подобие новой украинской народности.

Польские чиновники галицкой администрации и польская шляхта, решили взять под свой контроль русское национальное возрождение русинов в Галиции и в середине XIX в. создали во Львове организацию русинско-польского единства «Русский собор», где ведущую роль играли поляки. Они издавали какое-то время газету «Dnewnyk Ruskiy», в котором целью деятельности «Русского собора» декларировалась вражда к России и царскому режиму, а цели по отрыву русинов от России устраивали и поляков, и австрийские власти.

В 1870-е годы происходит раскол русинского движения. Часть русинов, не устояв под административным давлением, стали именовать себя украинцами. Странников же общерусского единства они стали называть москвофилами. То есть в то время слово «украинец» не имело этнографического смысла и не являлось названием народа, а означало принадлежность к политическому течению, направленному против русинов и России.

В 1890 г. в галицком сейме воспринявшие «украинскую идею» депутаты-русины Юлиан Романчук (1842—1932) и А. Вахнянин, избранные с помощью поляков, выступили с заявлением, что население Галиции – это украинцы, не имеющие ничего общего с русскими. И если уж говорить о появлении украинцев в истории, то годом официального рождения их названия следует считать 1890 год. До этого Романчук в сейме возглавлял депутатское объединение «Русский клуб». Термин «украинец» галицкие украинофилы в то время использовали только в своём узком кругу, на словах выступая в защиту якобы интересов галицких русинов, фактически обманывая своих избирателей. В сейме следующего созыва русских депутатов уже не было, они стали «украинцами», а клуб стал называться украинским. Первыми «украинцами» были переродившиеся украинофилы – ограниченная прослойка польской и малорусской интеллигенции, эмигрировавшая в Галицию и воспринявшая идеи «украинства». А украинофильское движение начинали тоже поляки.

В конце XIX в. в Галиции начинается тотальная украинизация путём директивного введения фонетического правописания, компилятивно разработанного на базе «кулишовки» финансируемым австрийским правительством «Научным обществом Шевченко», большин-

ство членов которого составляли украинофилы радикальных взглядов, эмигрировавшие из России. Поэтому датой официального рождения украинского языка и унифицированного алфавита можно условно считать 1892 г., когда он начал официально насаждаться в Галиции и его фонетическая орфография была признана министерством народного просвещения официальным правописанием в Галиции и Буковине. До того момента существовали лишь различные системы правописания, которые чуть ли не всякий российский украинофил выдумывал для себя сам. Широкого хождения они не имели, тем более не получили официального признания.

В открытом противостоянии новых «украинцев» и русинов последние подвергались дискриминации по обвинению в пророссийских настроениях. Усиленная поддержка «украинства» властями и непрекращающийся политический и культурно-бытовой террор привели к тому, что всё большее число русинов в борьбе за выживание стали называть себя украинцами. Кто отрекался от своей русской национальности и называл себя украинцем, тем предоставлялись определённые льготы и благожелательность властей, а противившиеся этому подвергались притеснениям и репрессиям. В это время у русских родителей повзрослевшие дети, впитав отравленные ненавистью к русским идеи поляков и австрийцев, становились «украинцами».

На цели пропаганды новой искусственно возвращаемой австро-венгерским правительством «украинской народности» использовались все имеющиеся средства: от периодической печати до школьного образования, греко-католической церкви и прямой дискриминации русинов. Каждый молодой русин, желавший поступить в духовную семинарию, должен был написать расписку, в которой обязывался называться украинцем: *«Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а лишь украинцем и только украинцем»*.

Большинство русинов считали новоявленных украинцев предателями за то, что те открыто демонстрировали отказ от своих исторических, национальных корней, от своего кровного родства и веры и предавали своих отцов и дедов. А те платили им ненавистью.

В Галиции, где традиционно существовала польская ментальность, были сильны позиции греко-католической церкви, явственно проявлялось цивилизационное влияние близкой Польши. Негативную роль Польши при этом решительно отстаивал выходец из польской шляхты историк В. Антонович, который, анализируя историю польских восстаний 1830 и 1963 годов, пришёл к твёрдому убеждению, что *«причиной всех бед украинского народа была польская шляхта и что она до сих пор является единственным препятствием к возрождению украинского народа»*. К аналогичным выводам о польских истоках «украинской идеи» пришёл и А. Стороженко: *«Исторически совершенно достоверно, что „украинский народ“, а затем и политический о нем вопрос сочинили польские ученые и писатели вслед за разделами Польши в 1772, 1793 и 1795 годах и за связанным с ними исчезновением Польского королевства с карты тогдашней Европы»*. [47]

В 1880-е годы австрийские власти начинают широкомасштабную борьбу с москвофильством, взяв в союзники созданных ими «украинцев». Составлялись списки и проводились аресты среди активных старорусинов и русофилов. В 1882 г. происходит громкий судебный процесс над русскими галицкими деятелями по обвинению в государственной измене, известный под названием «Процесс Ольги Грабарь», положивший начало целой серии подобных политических судилищ. Особый упор обвинение делало на то, что подсудимые, пропагандируя идею общерусского единства, утверждали, что язык русинов и есть русский язык. Перед самой войной в 1913—1914 гг. были проведены два показательных судебных процесса по обвинениям в измене – Мармарош-Сиготский и Львовский.

Таким образом по мере использования в обыденной жизни австро-венгерской Галиции политики раскола русинского движения, начали появляться «украинцы». Сначала их было до обидного мало, они все находились во Львове и представляли собой небольшую марги-

нальную партию, типа секты, поддерживаемую греко-католическим духовенством. Например, Католическая энциклопедия 1913 г. так описывает ситуацию в Галиции в то время: *«Среди русин Галиции и Венгрии были сформированы политические партии. Они разделены на три основные группы: „Украинцы“, те, кто верит в развитие русин по собственной линии, независимой от России, поляков или немцев. „Москвофилы“, те, кто смотрит на Россию, как на образец русско-славянской расы. „Угро-русские“, или „Венгерские русины“, те, кто выступает против Венгрии, против её правил; те, кто не желают потерять своего особого статуса. Идеи „украинцев“ особенно неприятны для них».*

Идеи «украинства» из Галиции и из польской эмигрантской среды стали распространяться и в Малороссии. В крупнейших городах Юго-Западного края открывались получившие средства из-за рубежа многочисленные украиноязычные издания, появились сотни пропагандистов. Агрессивная информационная кампания велась путём распространения в России украинофильской литературы подрывного сепаратистского содержания, а в Галиции против народного русинского языка. Славянофилы из так называемой «старорусской» партии стремились приблизить галицко-русинское наречие к русскому литературному языку, а галицкие «украинофилы» хотели сблизить народный язык с польским. Австрийские власти и польская администрация края с целью ослабления протестных настроений активно поддерживали украинофильское движение и старались навязать русинам латинский алфавит. Русинам настойчиво пытались внушить, что они не русские, а украинцы, и что Россия и русские им враги. На самом деле борьба шла не за язык, а за национальное самосознание, а, главным была идея единой «Украины-Руси» от Карпат до Дальнего Востока и враждебность к «Московии». Вот на этом этапе и начал зарождаться украинский национализм, замешанный на русофобии «украинства» как политического проекта, изначально направленного против русских и России.

Вообще национализм – это идеология и направление политики, основополагающим принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе. Национализм проповедует верность и преданность своей нации, подчёркивает различия между нациями и зиждется на идее национального превосходства, национальной исключительности и создании образа врага. Поэтому национализм по своей природе неотделим от национальной ненависти к врагам нации, а украинский национализм основан на русофобии, трактующей русских как исконного врага украинской нации. Н. А. Бердяев в работе «О современном национализме» характеризует национализм следующим образом: *«Национализм есть прикрытая форма эгоцентризма, гордости и самомнения, чванства и бахвальства. Все, что признается грехом и пороком для отдельного человека, признается добродетелью для национального коллектива».*

Ростки неосознанного национализма проявлялись ещё во времена Гетманщины, хотя они тогда были спонтанными, вызванными стремлением казацкой старшинской верхушки и отдельных гетманов Войска Запорожского к власти и собственному обогащению. Они больше заботились не о народе, а о сохранении своей власти и умножении своего богатства. Им не было дела до нужд и чаяний народа Малороссии. Да и национализмом в полном смысле это назвать нельзя, поскольку не было в то время в Южной Руси какой-то особой нации, отличной от русской. С 1648 по 1654 г., когда шла борьба с Польшей, простой русский народ знал, за что он борется, но он не был в состоянии сформулировать идею и программу движения. Казацкая старшина преследовала не народные, а свои узко-кастовые цели, беззастенчиво предавая народные и национальные интересы. В эпоху Богдана Хмельницкого и много лет позже никаких официальных документов, отражающих дух и умонастроения разных слоёв населения Малороссии, не было создано. Но во второй половине XVII века появились зачатки будущего «украинства» и русофобии, основанные на клеветнических измышлениях, слухах и поддельных свидетельствах, пущенных в ход казацкой старшиной и направленных против царской вла-

сти. Социальные притязания старшины стали позже приписываться всему малороссийскому народу, как форма национального сознания, выдаваемого за якобы общий «национальный дух», основанный на протипоставлении русскому народу и пропитанный русофобией.

Банальное стремление старшины к власти и обогащению, прикрываемое якобы борьбой за «самостийность», приводило малороссийских националистов (даже ещё до появления этого термина) к сотрудничеству с иностранными правительствами в расчёте на их помощь в создании мифической «соборной державы». Характерным элементом укро-истории является перечень её «героев», состоящий практически из одних клятвопреступников и изменников. Фактически коллаборационистами были гетманы-предатели, не раз предававшие свой народ иностранным государствам и бесславно закончившие своё правление: Иван Выговский, Юрий Хмельницкий, Павел Тетеря, Пётр Дорошенко, Михаил Ханенко, Иван Мазепа вместе с подерживавшей их старшиной, вступавшие в сотрудничество с Речью Посполитой, Османской Турцией или Крымским ханством, призывая на свою землю чужеземные войска и принося невзгоды, плен, рабство и гибель своему народу. Выделяется из этого ряда предателей клятвопреступник гетман Мазепа, вступивший в союз со шведами в войне против собственного народа. Сюда же с полным основанием можно отнести и коллаборационистов XX века Павла Скоропадского, сотрудничавшего с немецкими оккупационными войсками, Симона Петлюру за сговор с польским правительством Юзефа Пилсудского и пособников немецких фашистов Степана Бандеру, Романа Шухевича и остальную верхушку ОУН. Получается, что «пантеон славы» современной Украины состоит сплошь из предателей своего народа. Виктор Ющенко, уравнивший бандеровцев и эсэсовцев дивизии «Галичина» с ветеранами войны, тоже предал память своего отца-участника войны с фашизмом. Да и киевская хунта с американской марионеткой-президентом П. Порошенко, пришедшая к власти в результате вооружённого переворота, тоже предала свой народ и служит иностранным интересам, уступив право управления страной американскому Госдепу и по его приказу начав гражданскую войну в стране.

Первые попытки противопоставить украинский народ русскому появились в XIX веке, дав начало возникновению украинского национализма. Эта идея появилась в среде польской националистической эмиграции, как средство привлечь крестьянство Малороссии к своей борьбе за возрождение Польши. Изменение народного имени русинов на украинцев, и появление нового этнонима «украинец» было вызвано стремлением австрийцев избежать понимания слова русин как русский. Австрийцам и немцам необходимо было сделать из галицких русинов пушечное мясо, способное без угрызений совести воевать в предстоящей войне с Россией.

Факты говорят о том, что украинцы, как результат политического плана австрийских разведки и генерального штаба, появляются на исторической сцене в штучных экземплярах только в 90-х годах XIX в. в Австро-Венгрии, когда понятие «украинец» из чисто политического проекта австрийского правительства превратилось в признак кастовой самоидентификации клюнувших на эту приманку украинофилов. Причиной появления «украинской народности» стала политическая необходимость противодействия австро-венгерских властей России и русскому влиянию. Поэтому русофобия есть главная черта украинцев с самого зарождения украинства.

Важным очагом польского влияния в кругах российской интеллигенции стал Харьковский университет, основанный в 1805 г. В. Н. Каразиным. Первым попечителем Харьковского учебного округа с 1803 г. был младший брат Яна Потоцкого Северин Потоцкий, полностью подобравший профессорский состав из сочувствовавших польским настроениям преподавателей. Этим легко объясняется достаточно широкое распространение маргинальных идей «украинства» Потоцкого и Чацкого в среде южнорусской интеллигенции. Харьковский университет стал настоящей колыбелью идей украинства и украинофилов в России. Его воспитанниками

являлись такие известные украинофилы, как считающийся одним из отцов украинской литературы полуполяк П. Гулак-Артемовский (1790—1865), историк Николай Костомаров (1817—1885). Выпускником университета был известный историк Измаил Срезневский, издававший «Украинский альманах» в 1831 г. и «Запорожскую старину» с 1833 г., а чуть позже – русский историк, в последующем ректор Харьковского университета, действительный статский советник Дмитрий Багалей (1857—1932).

Историк-украинофил Н. Костомаров в обоснование особости малороссов придумал искусственное разделение русского народа на «великорусскую и малорусскую народности». В работе «Две народности» он пишет, что *это «два совершенно отдельных национальных типа, с разной судьбой, разной психологией, разным мировоззрением и общественным идеалом»*. Это постепенно привело в трудах украинствующей интеллигенции к появлению понятия «украинский народ», которое использовалось только в узкой изолированной среде украинофилов, а официально было принято в научном обороте лишь в советское время в соответствии с политикой большевиков в национальном вопросе.

В XIX веке, когда возникло противостояние придуманного нового «украинского народа» русскому и пропаганда идеи о том, что украинцы – это народ, поработанный русскими, возник украинский национализм. Главным теоретиком доктрины украинского национализма с оттенком расизма стал тоже этнический поляк Франтишек Духинский (1816—1893), воспитанный в идеологических традициях Речи Посполитой в униатском училище базилианского ордена в городе Умань Киевской губернии. Учителя-поляки внушили молодому Франтишеку, что Россия – за Днепром, а здесь – Украина, населённая особой ветвью польского народа – украинской. Эмигрировавший с Правобережной Украины в Париж, в своих работах и выступлениях он утверждал, что москвиты (так он называл русских) не европейцы, а азиаты-«туранцы», в отличие от поляков и русинов, которые вместе с другими европейскими народами являлись «арийцами». Согласно Духинскому, следовало всячески отгородиться от Московии как угрозы для Европы, а сделать это возможно только путём возрождения Польши в границах Речи Посполитой (включая Украину), которая становилась форпостом европейской цивилизации.

Духинский считал, что русские являются «неполноценным», не арийским народом, утверждая что *«москали не являются ни славянами, ни христианами в духе настоящих славян и других индоевропейских христиан. Они остаются кочевниками до сих пор и останутся кочевниками навсегда»*. В своей работе «Основы истории Польши и других славянских стран и Москвы», опубликованной между 1858 и 1861 гг., он одним из первых сочинил сказку, что имя «Русь» украдено москалями у украинцев, которые единственные имеют право на него. Эти выдумки затем были восприняты за истину многими националистами, вплоть до современных укро-учёных.

Но серьёзное научное сообщество не приняло псевдонаучные расистские идеи Духинского. В русской литературе теория Духинского, где отразились политические мечтания и чувства польской эмиграции, принятые большинством польской интеллигенции с восторгом, встретила наиболее серьёзную критику в «Правде полякам о Руси», где Костомаров чётко показал, что судьбу русского народа без его участия решила русская знать, объединившаяся с польской шляхтой после Люблинской унии 1569 г., а народ выразил своё отношение к польскому гнёту восстаниями Косинского, Наливайко, Жмайло, Павлюка, Острянина. Эти же настроения русского народа во время восстания Богдана Хмельницкого не позволили пропольским гетманам и старшине вновь отдать Южную Русь под власть Польши и привели к решению объединиться с единым по крови и православию Русским государством: *«масса не пошла за ними, покாரала их и заявила себя в пользу московского государя»*. [19]

В 1886 г. профессор Дерптского университета Бодуэн де Куртене издал в Кракове брошюру «По поводу юбилея профессора Духинского» (польск. «Z powodu jubileuszu

profesora Duchnińskiego»), в которой показал, что теория Духинского не имеет никакого научного значения.

Весьма критически отнёсся к теории Духинского в статье «Тенденциозная этнография» (журнал «Вестник Европы», 1887 г.) русский этнограф, академик Петербургской Академии наук, историк А. Н. Пыпин (1833—1904), который с издёвкой отметил: *«Как будто всё это писалось на смех, или в сумасшедшем доме».*

Научную базу под «сумасшедшие» идеи Духинского подвёл в Галиции Михаил Грушевский. Последователь Духинского террорист Николай Михновский развил идеи украинского национализма до самых радикальных фашистских форм, провозгласив лозунг: *«Украина для украинцев. Итак, выгони прочь с Украины иностранцев – угнетателей!»* Сформулирован этот призыв был в «Десяти заповедях» Украинской народной партии в 1904 г., когда никакой Украины не существовало. Духинский провозглашал: *«Русь – это сильнейшая и доблестнейшая Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнется на Руси».* Русью он, разумеется, именовал «Украину, у которой москали украли ее природное имя».

В связи с ужесточением контроля за деятельностью украинофилов в России после Эмского указа 1876 г., радикально настроенные деятели «украинской идеи» перебрались в Галицию и присоединились к усилиям австрийских властей по выведению новой «украинской народности». В начале XX в., благодаря поддержке австрийского правительства, заинтересованного в расколе и подавлении пророссийских настроений русинов, а также в ослаблении всё возраставшего польского ультранационализма, маленькая, нищая и отсталая Галичина превратилась в оплот движения украинского национализма. В Галиции началось открытое противостояние новых «украинцев» и русинов, которые подвергались дискриминации по обвинению в пророссийских настроениях.

Извечная вражда поляков к России известна любому непредвзятому человеку. Этой враждой заразились и австрийские правительственные круги. Они с двух сторон пытались отравить самосознание населения Галиции. Так галицийский публицист Осип Мончаловский в книге «Литературное и политическое украинофильство», изданной в 1898 году во Львове, пишет: *«Под влиянием враждебной русскому народу, но хитрой политики его противников, первоначально чистое, литературное украинофильство выродилось в национально-политическое сектантство, которое, при благоприятствующих для него обстоятельствах, могло бы принести много вреда русскому народу. Зло нынешнего украинофильства в том, что оно, под покровом „народничества“, впрочем карикатурно извращенного, каплею по капле отравляет несведущих ложью...»*

В движении украинофилов XIX в. принимала участие только мизерная часть образованного слоя малороссийского общества – студенты и преподаватели университетов, учащиеся средних школ и их учителя, отдельные редакторы, писатели, актеры и представители свободных профессий. Большая часть молодой малороссийской интеллигенции вступала в русские революционные организации. Её привлекала идеология русского народничества, по сравнению с которым украинское движение казалось слишком мелким, аполитичным и ограниченным культурологическими аспектами. Абсолютное большинство потомков бывшей казацкой старшины прочно интегрировалось в имперскую систему, а молодёжь – студенты и молодые выпускники российских университетов массово пополняли ряды российского революционного движения.

В 1846—1847 гг. молодые преподаватели Киевского и Харьковского университетов Н. Костомаров, П. Кулиш, А. Навроцкий, В. Белозерский, Н. Гулак и др. по инициативе Костомарова создали Кирилло-Мефодиевское братство, тайную политическую антикрепостническую организацию, названную в честь славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Братство, состоявшее к осени 1846 г. из 12 членов, основывалось на христианских и панславистских

идеях и ставило задачей либерализацию политической и культурной жизни в Российской империи, национальное и социальное освобождение (ликвидацию крепостного права, сословных привилегий), а также создание в перспективе конфедерации славянских государств. В программных документах Братства был призыв к народам объединиться в Союз славянских республик, создать славянскую федерацию с демократическими институтами, равенством и братством в основе нового славянского сообщества. Весной 1846 г. к обществу присоединился Т. Шевченко, оказавший существенное влияние на идейное формирование членов общества. В марте 1847 г. по доносу одного из студентов Киевского университета братство было разгромлено жандармами и его члены заключены в тюрьму или отправлены в ссылки.

Движение украинофилов, существенно пострадавшее при разгроме Кирилло-Мефодиевского братства, стало оживляться только после смерти в 1855 г. императора Николая I. Возвратились из ссылки Н. Костомаров и Т. Шевченко. Они начали объединение вокруг себя молодых малороссиян и создали в Петербурге кружок «Громаду», добились разрешения издавать журнал «Основа». Большинство деятелей «Громады», напуганное репрессиями против Кирилло-Мефодиевского братства, в первую очередь Костомаров и Кулиш настаивали на том, чтобы ограничиться исключительно областью культуры, и избегали любых проявлений радикализма, могущих вызвать недовольство властей, ставя себе целью служение культуре и просвещению народа.

Украинофилы, начиная со второй половины XIX века, пройдя романтический период увлечения казацким фольклором и всё больше проникаясь «украинской идеей» личности, привнесенной польскими интеллектуалами с целью оторвать малороссиян от русских, стали склоняться к политической направленности своей деятельности. Параллельно этому украинская тема возникла в умах австро-венгерских политиков как идея о переименовании коренного русского населения провинции Галиция и Ладомерия, со времён Червоной Руси носившего название русинов. Наблюдая усиление и рост международного авторитета Российской империи, австрийские власти забеспокоились, что русины станут идентифицировать себя наравне с русскими Российской империи, основываясь на едином языке и православной вере. В связи с распространением в Галиции прорусских настроений, депутат австрийского рейхстага, один из лидеров галицкого украинского движения Смаль-Стоцкий так высказался о движении русофилов в Галиции: *«Это движение является армией России на границах Австро-Венгрии, армией, уже мобилизованной...»* Это подтолкнуло австрийское правительство к практическим шагам в осуществлении «украинской идеи» и в австрийском генеральном штабе появился проект под названием «украинский народ».

Процесс рождения «этнических украинцев», кто их создавал и с какой целью, подробно описан представителями русинской русофильской интеллигенции в опубликованных во Львове работах конца XIX – начала XX в. И главную роль в этом играли стратегические интересы поляков, австрийцев и немцев, преследующих свои цели, но неизменно направленные против России.

Изменение народного имени русинов на украинцев, и появление нового этнонима «украинец» было вызвано стремлением австрийцев разделить и обособить русинов от русских Российской империи. Так что, если кто и украл настоящее имя у русинов и назвал их украинцами, это были австрийцы, которые на практике, пока в пределах Галиции, произвели замену этнонима «русин» на этноним «украинец».

Что касается поляков, то выпячивание этнографических особенностей населения бывших польских окраин Российской империи было лишь поводом для пропаганды идей польско-русинского содружества в борьбе против царизма за свободу Польши. Поскольку врагом поляки видели всё тех же русских, возникла необходимость как-то отличать «своих» русских. Так в пропагандистский оборот вошло польское региональное прозвище малороссов – «украинцы», но обозначением национальности оно еще не стало. Не было ещё украинцев как народа,

а были украинофилы, то есть ограниченная секта сторонников пропольского политического движения. За пределы узкой замкнутой прослойки полонизированной малороссийской интеллигенции сепаратистские идеи украинофильства об отделении от России пока не выходили и не могли иметь сочувствия и поддержки в простом народе. Народ не понимал «высоких» целей панов, которые пытались проповедовать «украинские идеи» в сельских шинках. Известен случай, когда подгулявшей в деревенском питейном заведении группе переодетых в крестьянскую одежду «пропагандистов», среди которых оказался автор современного гимна Украины Павел Чубинский, селяне от души накостыляли по шеям за богопротивные речи против царя-батюшки, приняв их за провокаторов. Эпизод попал в историю, так как полицейское начальство возмутилось, что «холопы побили панов», и делу был дан ход. Но в процессе разбирательства выяснилась противоправная деятельность самих панов по подстрекательству селян к сепаратизму и Чубинский загремел в ссылку в Архангельск.

В конце XIX в. «украинская идея» расцвела дурным цветом в австро-венгерской Галиции, где началось преследование русинов, сопротивлявшихся украинизации. Человек, открыто заявлявший о своем неприятии украинства и придерживавшийся русской культурной традиции, подвергался всевозможным ущемлениям: он не мог устроиться учителем (в школах и гимназиях могли преподавать только украинцы), получить образование, устроиться на государственную службу, подвергался политическим репрессиям. Получить ссуду в банке мог лишь крестьянин, назвавшийся украинцем. Полиция вела обширную картотеку на неблагонадёжных русских, отмечая в специальной графе, что надлежит с ними сделать в случае войны – кого арестовать, кого всего лишь выслать. Депутат Галицкого сейма Барвинский призывал: *«Каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на русинов-«москвофилов».*

7 февраля 1912 года наместник Королевства Галиции и Ладомерии польский историк права, профессор Михаил Бобжинский (1849—1935) подписал распоряжение местным органам власти: *«Составить и через восемь дней прислать списки находящихся в уезде русских – как „умеренных“ старорусинов, так и русофилов-радикалов»*, а также списки их руководителей с адресами. С использованием этих списков начались аресты «неблагонадёжных» русинов.

Перед началом Первой мировой войны более чем трёхмиллионное русское население Австро-Венгрии разделилось на две части – новообращённых «украинцев» и русинов. Называвшие себя украинцами верой и правдой служили Габсбургам. В Галиции школьная молодёжь под влиянием псевдопатриотической пропаганды вступала в отряды возникшей ещё в начале XX века молодёжной националистической организации скаутского типа «Пласт», основанной в 1911—1912 гг. профессором львовской гимназии А. Тысовским и сыном Ивана Франко преподавателем гимназии Петром Франко, позже во время Первой мировой войны командовавшим сотней украинских сечевых стрельцов в звании поручика австро-венгерской армии. Днём рождения организации, получившей название от казацкого термина «пластун» (разведчик) и являвшейся молодым резервом для националистов, считается 12 апреля 1912 г., когда во Львове была принята первая присяга кружка скаутов-гимназистов.

Созданные австрийскими властями на базе галицких молодёжных военизированных националистических организаций «Сокол» и «Пласт», воинские формирования Легиона украинских сечевых стрельцов приняли присягу на верность Австро-Венгрии и воевали на Восточном фронте против русской армии. В будущем они стали базой кадров для ОУН.

Входившие в Тройственный союз австрийское и германское правительства, заинтересованные в преддверии Первой мировой войны в ослаблении России, вели подстрекательскую политику по усилению националистических движений среди российских подданных и движение украинофилов с антироссийской направленностью всячески поддерживалось ими. При

активном участии австрийской и германской разведок с первых же дней мировой войны был создан Союз освобождения Украины («*Союз визволення України*», СВУ) во главе с видным деятелем галицийского украинофильского движения, политическим эмигрантом Александром Скоропис-Йолтуховским (1880—1950), ранее занимавшимся изданием и переброской в Россию украинской литературы сепаратистского содержания. В руководство также входили Юлиан Меленевский, Владимир Дорошенко, Дмитрий Донцов и др. Союз провозгласил своей целью отделение Украины от России и образование самостоятельного монархического государства под протекторатом Австро-Венгрии и Германии, призывая украинцев выступить на стороне Австрии против России. Предполагалось, что члены СВУ вместе с представителями галицких организаций направятся на малороссийские территории, которые будут в результате боевых действий оккупированы австрийскими войсками, и займутся там работой «по слиянию с русской Украиной».

Современный исследователь из США Марк фон Хаген пишет, что Германия и Австро-Венгрия перед Первой мировой войной активно вмешивались в «местную политику и общественную жизнь» прифронтовых губерний России, финансировали проведение конференций антироссийски настроенных групп украинских националистов и публикацию их материалов. На финансирование СВУ в 1915—1917 гг., по имеющимся данным, германским правительством было потрачено около 1 млн марок, оформленных как государственный долг будущей прогерманской Украины. СВУ пытался без всякого успеха пропагандировать идею независимости Украины во многих европейских столицах, выпустив пафосно названное «Воззвание к общественному мнению Европы», в котором говорилось: *«Только свободная Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма. В это тяжелое по своим последствиям время, когда наша нация по обе стороны границы готовится к последней борьбе с исконным врагом, мы обращаемся с этим возванием ко всему цивилизованному миру. Пусть он поддержит наше правое дело. Мы взываем к нему в твердом убеждении, что украинское дело есть также дело европейской демократии»*. Одновременно СВУ обратилось с воззваниями за международной поддержкой своих устремлений к болгарскому, румынскому и турецкому народам, а также к Швеции. Но Европу в то время это мало интересовало, начиналась мировая война. В то же время подрывная русофобская политика СВУ вызывала противодействие социал-демократических сил предвоенной Европы. Орган заграничной организации Украинской социал-демократической рабочей партии «Боротьба» в открытом письме «к российской социалистической эмиграции» в 1915 году вскрывал агентурный характер и цели СВУ: *«Эта организация, состоящая в большинстве из бывших украинских социалистов, назвавшая себя представительницей российской Украины в Австрии и стремящаяся использовать настоящую войну для создания при помощи воюющих с Россией государств самостоятельной украинской монархической державы, находится на денежном содержании австрийского и немецкого правительств... Руководители союза в начале их деятельности старались скрыть даже перед членами их организаций источник и расходование тех громадных денежных сумм, благодаря которым они, люди без всяких личных средств и жившие перед войной на скромные заработки, вдруг стали во главе большого политического предприятия, издающего несколько органов, массу брошюр и книг на различных языках и содержащего целый штат хорошо оплачиваемых помощников, взятых из среды австрийских украинцев, эмигрировавших из Галиции и Буковины в Вену и охотно согласившихся исполнять при союзе роли администраторов, журналистов, редакторов и дипломатов... «Боротьба» оценивает союз как агентурную организацию правительств центральных государств... питающую надежду на возможность создания центральными государствами «королевства Украины»*. Но в январе 1915 г. австрийское правительство вскрыло факты беззастенчивого прикармани-

вания средств со стороны руководства СВУ и прекратило его финансирование, которое стало заботой только германских властей.

Ещё в 1912 г. руководство трёх украинских партий Галиции (национал-демократы, социал-демократы и радикалы) выразило желание участвовать в военных действиях с Россией на стороне австро-венгерской армии. В августе 1914 года эти три партии создали политическое объединение под названием Главная украинская рада (укр. *Головна Українська Рада*, ГУР), в руководство которой вошли Кость Левицкий, Михаил Павлик и Михаил Ганкевич. В Манифесте ГУР говорилось, что украинский народ принадлежит к тем народам, на которых более всего отразится война и её последствия, что *«войны хочет Царь Российский, самодержавный властелин Империи, которая является историческим врагом Украины»*, что царская империя 300 лет ведёт политику угнетения Украины с целью сделать украинский народ частью русского; что победа России грозит украинскому народу Австрии лишь гнётом, а победа австро-венгерской монархии будет освобождением Украины. Во Львове ГУР создал «Украинскую боевую управу», объявившую набор добровольцев в Легион украинских сечевых стрельцов (УСС). Сформированный из националистов и воспитанников «Пласта» легион напутствовал митрополит униатской церкви, поляк Андрей Шептицкий, выдавая себя за радетеля украинцев: *«В очень важное время ведется война между нашим цесарем и московским царем, – война, справедливая с нашей стороны. Московский царь не мог перенести, что в Австрийской державе мы, украинцы, имеем свободу вероисповедания и политическую волю. Он хочет забрать у нас эту свободу, заковать нас в кандалы. Будьте верны цесарю до последней капли крови»*.

С возникновением в Европе в конце XIX – начале XX столетий двух противостоящих военно-политических блоков (Антанты и австро-германского) власти Германии и Австро-Венгрии рассматривали Россию как вероятного противника в будущей войне и, естественно, уделяли внимание всему, что могло содействовать ослаблению России, в том числе развитию украинского сепаратизма в Российской империи. Тогда и появились у «европейски образованных» немцев Германии и Австро-Венгрии планы использовать «украинскую идею» для своих стратегических целей. В это же время в Австро-Венгрии на этнических русских землях королевства Галиции и Ладомерии (бывшего Русского воеводства Речи Посполитой) возникло движение русского возрождения, за право говорить и писать на русинском языке. Чтобы пресечь распространение русофильских настроений среди населения Галиции, германскими и австро-венгерскими властями большое внимание уделяется «украинской идее» в расчёте на украинофилов как на своих агентов влияния, а в «украинскую идею» привносится откровенный сепаратизм. Задолго до начала боевых действий Первой мировой войны ими была развёрнута идеологическая война против Российской империи и русского народа в Галиции и Малороссии.

Накануне Первой мировой войны большая часть современной территории Украины входила в состав Российской империи. Часть Западной Украины (кроме Волыни), Закарпатье и Буковина находились в составе Австро-Венгерской империи, и граница между двумя государствами проходила в районе стыка регионов Волыни и Прикарпатья и далее по реке Збруч. Власти Австро-Венгрии издавна придерживались «украинофильской» ориентации в своих пограничных с Российской империей областях, очевидно рассчитывая, что Галиция сможет втянуть всю Украину в русло австро-венгерской политики или, по крайней мере, создаст максимальные затруднения для потенциального противника – России.

Планы австро-венгерского правительства строились в расчёте на расширении империи за счёт славянских территорий. Русский дипломат, полковник Генерального штаба, военный атташе посольств в Дании, Швеции, Норвегии и Франции, перешедший на сторону советской власти и ставший высопоставленным военным специалистом Красной армии, граф А. А. Игнатьев в своих мемуарах «Пятьдесят лет в строю» писал об этой опасности: *«Если Австро-Венгрии удастся когда-нибудь прибрать к рукам Сербию и Болгарию, приблизить поляков, естествен-*

ных союзников мадьяров и чехов, – то Вена станет во главе враждебной нам славяно-католической федерации... Польша будет отстроена и втянута в австро-славянскую федерацию, потребует автономии Литва, остальные балтийские провинции, а также Украина».

Собственные интересы относительно украинских земель имела и тогдашняя Германия. С целью ослабить самодержавную Россию путем вытеснения её из Приднепровья и Северного Причерноморья, германский канцлер Отто фон Бисмарк всячески приглашал к сотрудничеству с Берлином и подстрекал к сепаратизму сторонников независимости Украины. Бисмарку приписывается высказывание: *«Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени».*

Один из следующих германских канцлеров Бернхард фон Бюлов, развивая идеи Бисмарка, заявлял в 1906 году: *«Россию можно низвести до уровня второстепенной державы лишь в случае её социального разложения либо в случае утраты ею Украины».* Это реализовал в 2014 г. Госдеп США.

В Министерстве иностранных дел Германии был организован специальный информационно-аналитический отдел по проблемам Малороссии. При германском генеральном штабе был образован «Отдел по освобождению Украины» во главе с польским графом Богданом Гуттен-Чапски, который координировал деятельность организованных при помощи Германии сепаратистских организаций Галиции. «Украинская идея» получила практическое воплощение в планах генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии с идеей использовать сепаратистские настроения в украинофильских кругах либеральной интеллигенции царской России как идеологический инструмент для морального разложения и ослабления потенциала Российской империи.

В конце XIX в. началось объединение украинских националистов в политические союзы и партии. В 1890 году в Галиции Иваном Франко и Михаилом Павликом была создана Русско-украинская радикальная партия. В 1891 году Б. Гринченко вместе с В. Боровиком, И. Липой и Н. Михновским основывает в Киеве «Братство тарасовцев», первую организацию, провозгласившую своей целью создание независимой Украины. В 1900 году в Харькове на съезде националистических студенческих групп была создана Революционная украинская партия (РУП), программа которой включала в основном социал-демократические преобразования, но также требования автономии и национального самоуправления. Первичные организации («громады») имелись в некоторых губернских городах Малороссии и Заграничный отдел во Львове (руководители В. Антонович, А. Скоропись-Йолтуховский и др.) В 1902 году в результате внутренних противоречий из РУП выделяется националистическая Украинская народная партия, основанная Н. Михновским и братьями В. и Н. Шермет, в основу которой были положены радикально-националистические идеи. Программа партии, сформулированная Михновским в «Десяти заповедях УНП», была ксенофобской: *«Украина для украинцев», «москальи, поляки, венгры, румыны и евреи – это враги нашего народа», «не бери жену из чужаков»* и др. подобные заповеди.

В 1912 году во Львове на съезде спонсируемого австрийским правительством Украинского студенческого союза Галиции было принято решение об организации военной подготовки украинской молодёжи. Накануне войны в Галиции была учреждена уже упоминавшаяся *Украинская боевая управа* (укр. *Українська боева управа*) (руководители К. Трильовский и Т. Рожанковский), провозгласившая формирование Легиона украинских сечевых стрельцов для австрийской армии. Финансируемый и заботливо взращиваемый австрийскими властями

украинский национализм начал оформляться как политическая доктрина и приобретать необходимый идеологический и организационный опыт.

Одним из активных деятелей украинского национализма в начале XX века был выходец из семьи русского торговца сельхозмашинами в Мелитополе, в молодости член Украинской социал-демократической партии (1905—1907), публицист, печатавшийся с критикой «буржуазного национализма» под псевдонимом «Дм. Закопанець», будущий идеолог украинского интегрального национализма Дмитрий Донцов (1883—1973). Донцов взял за основу принципы, сформулированные в начале XX в. французскими реакционными националистами монархического толка публицистом Шарлем Моррасом и писателем Морисом Барресом, которые позже были изложены им в программной работе «Национализм» (1926). Характерными чертами интегрального национализма являются национальная исключительность, агрессивный национацентризм, призыв к решительной бескомпромиссной борьбе, монополизация всех сторон жизни нации, крайняя нетерпимость к инакомыслию, готовность считать врагом любого, кто не разделяет их взглядов. Эта идеология смыкается с тоталитаризмом и фашизмом. Перед Первой мировой войной Донцов переезжает во Львов, переходит на позиции радикального украинского национализма и становится в Галиции видным деятелем националистического движения. В 1913 г., выступая во Львове на Втором украинском студенческом съезде с докладом «Современное положение нации и наши задачи», Дмитрий Донцов заявил, что в грядущей войне следует ориентироваться на Германию и Австрию и что не стать на сторону врагов России будет *«преступлением перед нацией и будущим»*. Донцов провозглашал, в частности: *«... Актуален не лозунг самостоятельности. Актуальным, более реальным и быстрее достижимым является лозунг отделения от России, уничтожения всякого объединения с нею, – политический сепаратизм»*.

В связи с наступлением русских войск в Галиции, вместе с другими членами руководства СВУ Донцов переехал в Вену. В конце 1914 года он вышел из СВУ и оказался в Берлине, где возглавил Украинскую информационную службу (УИС). В Берлине Донцов издал брошюру на немецком языке «Украинское государство и война против России», в которой доказывал, что Россию нельзя остановить на пути к всемирному господству иначе, как разделив её. Отделяемые от Московской империи территории должны представлять собой достаточно сильные автономные единицы, способные сдерживать российскую экспансию. Такая, как Украина с населением в 30 миллионов, по мнению Донцова, – самая подходящая территория для Германии и Австрии, которая даст им возможность навсегда избавиться от панславистской угрозы. Для этого нужно оказать покровительство этому новому государству и окончательно обеспечить политическое равновесие в Европе. Как это в обычае у предателей своего народа, опять ставка делалась на иностранные военные силы! В 1918 г. Донцов в Киеве возглавлял Бюро прессы и Украинское телеграфное агентство при гетманском правительстве П. Скоропадского. В 1919 году примкнул к Директории, а в 1922 г. получил разрешение Польши на переезд во Львов, где проживал до сентября 1939 года. Донцов переводит на украинский язык книгу Гитлера «Майн Кампф», а в 1926 году под влиянием германских фашистских идей сам пишет нечто подобное и публикует работу «Национализм». В ней он определяет основные цели и идеи интегрального национализма и утверждает, что во главе нации должен стоять особый слой «лучших людей», задачей которых является применение «творческого насилия» над основной массой народа, а вражда наций между собой естественна и в итоге должна привести к победе «сильных» наций над «слабыми». Ксенофобские звериные принципы интегрального национализма Донцова аналогичны человеконенавистнической расовой теории германского нацизма, откуда он и черпал свои идеи. По мнению Донцова, во главе нации должен находиться вождь, возглавляющий правящую касту (элиту), которая управляет массой, или чернью. Члены правящей касты *«не знают ни милосердия, ни человечности в отношении лич-*

ности». По Донцову националисты должны руководствоваться принципами насилия сильного над слабым, превосходства физической силы перед знанием, расизма и фанатизма, ненависти и беспощадности к врагам нации. Исследователи идей Донцова отмечали его пропаганду насилия и аморальности. В книге «Дух нашей старины» Донцов призывал к ненависти и недоверию к своим соратникам и даже членам семьи, требовал вносить «раздор в родной дом», Впоследствии взгляды Донцова легли в основу идеологической платформы ОУН. С началом Великой Отечественной войны Донцов находится в Берлине, затем в Риге, в 1943—1944 гг. сотрудничает с немцами во Львове, а в 1945 г. скрывается в американской зоне оккупации. Советские власти внесли Донцова в список военных преступников и требовали его выдачи. После 1945 г. Донцов переезжает в Великобританию, а вскоре после этого в США. С 1947 года и до смерти прожил в Канаде, где активно сотрудничал с украиноязычными националистическими изданиями и преподавал литературу в Монреальском университете.

Украинские националисты после революций 1917 г. и во время гражданской войны в России приняли активное участие в попытках создать Украинское государство, враждуя между собой в сменявших друг друга Центральной раде, правительстве гетмана Скоропадского и в Директории. По этому поводу Орест Субтельный писал: *«Постоянные крушения попыток украинцев достичь самостоятельности – один из ключевых аспектов их исторического опыта»*. [32] Хорошо известно, что эти попытки закончились поражением из-за недоверия народа Малороссии к сборищам интеллигентов-самозванцев, озабоченных выпячиванием своей личной «выдающейся роли» в украинском движении и готовых предать кого угодно. В этом отношении характерно мнение о Д. Донцове его коллеги по службе у гетмана Скоропадского, историка, происходившего из старинной польской дворянской семьи, Вацлава Липинского (1882—1931): *«...предал своих состоятельных родителей, стал социальным революционером. Затем изменил московским революционерам и пошел к украинским эсдекам, принял кличку „Ржавый Гвоздь“. Потом предал эсдеков и... стал крикливым самостийником... В начале войны предал „Союз освобождения Украины“...пропагандировал присоединение Украины к Австрии... Затем изменил Австрии. Воспользовавшись революционной метелью, перевернулся в гетманца, стал начальником пресбюро, в котором не занимался ничем, кроме интриг. Затем подлым образом изменил гетману, написал на него пасквиль, за который получил выгодную должность в швейцарской миссии Директории, где занимался в основном интригами против своих товарищей»*. К этой характеристике иуды не нужны никакие комментарии.

Кроме Донцова «революционная метель» увлекла и других наших «героев». Один из будущих руководителей ОУН Евгений Коновалец, полковник корпуса «украинских сечевых стрельцов», воевавший против русской армии на стороне Австро-Венгрии в Первой мировой войне, во время Гражданской войны командовал ими и в армии Директории. В 1920 г. с привлечением офицерских кадров «сечевых стрельцов», он создал в Галиции Украинскую военную организацию (УВО). УВО с самого начала сотрудничала с немецкой разведкой, которая обеспечивала финансирование. Коновалец ещё в 1921 году дал руководителю абвера полковнику Гемппу официальное обязательство передать свою организацию в полное распоряжение немецкой военной разведки. В 1923 году были организованы курсы разведчиков абвера для украинских националистов в Мюнхене, а затем в Данциге.

Окончательное размежевание населения Галиции и открытый террор против карпато-русского населения происходит в 1914 г., когда с началом войны начинается поощряемая властями русско-украинская резня, в результате которой погибло несколько десятков тысяч русинов. Все, кто осмеливался называться русским, или кого подозревали в симпатиях к России, становились жертвами погромщиков-украинцев, которых не случайно называли «мазепинцами» по имени предателя своего народа гетмана Мазепы.

Галицкий литературовед, историк, русофил Юлиан Яворский (1873—1837) так описывал в своих воспоминаниях то ужасное время: *«Пошел подлинный живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти, вражде. То целой гремящей облавой, то тихо, выборочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне. Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то и просто того, кто был лишь отмечен мазепинцами как „руссофил“: Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистных им „русских“ попов, доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли».*

Многие русины были отправлены в первые в Европе концентрационные лагеря смерти. Более 20 тысяч русинов, заподозренных в симпатиях к России, прошли через концентрационный лагерь Талергоф, из них три тысячи погибли. Несколько тысяч русинов было отправлено в концлагерь Терезин. Об этом политолог Андрей Ваджра говорит: *«Причем отправляли на основе доносов, прежде всего, новоиспеченных „свидомых украинцев“.* Именно последние были главной движущей силой массового террора австрийцев. В то время человека могли повесить на ближайшем дереве, забить до смерти или расстрелять лишь только за то, что он русский!»

Жертв было бы гораздо больше, но в 1914 г. в результате успешного наступления русская армия заняла большую часть Галиции. При отступлении в 1915 г. с русской армией ушло и множество русинов, опасавшихся мести австрийцев и украинцев. И их опасения подтвердились. По подозрению в пособничестве русской армии казнили священников, женщин и стариков, толпами вешали крестьян. После войны выжившие узники австрийских концлагерей стали выпускать во Львове «Талергофский Альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914 – 1917 гг.», где были собраны свидетельства геноцида карпатских русинов. В первом выпуске Альманаха писалось: *«С первых же сполохов бури [Первой мировой войны], заранее обреченная на гибель, вся верная национальным заветам, сознательная часть местного русского населения была сразу же объявлена вне всякого закона и щита, а вслед за этим и подвергнута тут же беспощадной травле и бойне... Все наличные средства и силы государственной охраны и власти, вся наружная и тайная полиция, кадровая и полевая свора жандармов, и даже отдельные воинские части и посты, дружно двинулись теперь против этих ненавистных и опасных «тварей»... А за их грозными и удобными спинами и штыками привольно и безудержно засуетился также, захлебываясь от торжествующей злобы, вражды и хулы, и всякий уж частный австрофильский накипень и сброд, с окаянным братом-изувером – Каином несчастного народа – во главе.....свой же, единокровный брат, вскормленный и натравленный Австрией «украинский» ренегат... возвел все эти гнусные и подлые наветы, надругательства и козни над собственным народом до высшей, чудовищной степени и меры, облек их в настоящую систему и норму, вложил в них всю свою пронырливость, настойчивость и силу, весь свой злобный, предательский яд... досыта, волю – доносами, травлей, разбоем – над ним надругался, где мог... Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то просто кто лишь был вымечен как «руссофил».* По оценкам некоторых исследователей так было уничтожено до 200 тысяч мирных людей.

Росло влияние украинских националистов в межвоенное время и в Закарпатье. Руководимые греко-католическим священником Августином Волошиным (1874—1945), украинофилы основали общество «Просвита». Украинские националисты из ОУН не оставили без внимания Закарпатье и стремились распространить свои идеи среди местной молодёжи. Ими

были организованы отряды скаутской организации «Пласт» в количестве 3 тыс. человек. Оуновцы особенно старались привлечь в свои ряды гимназистов и студентов университетов. Из их числа была создана военная организация «Карпатская Сечь», вскоре насчитывавшая 5 тыс. бойцов. Впоследствии многие из них стали боевиками ОУН. Когда после Мюнхенского пакта к нацистской Германии отошли населённые немцами чехословацкие Судеты, лидеры закарпатских политических партий объединились и также выступили с требованием автономии. Закарпатье объявило самоуправление и премьер-министром автономной Подкарпатской Руси 26 октября 1938 года был назначен Волошин. Опираясь на свою партию «Украинское национальное объединение» (УНО), а также созданный немецкими колонистами местный филиал НСДАП (нацистская партия Германии), Волошин установил в Закарпатье авторитарный националистический режим и в марте 1939 г. объявил чисто символическую независимость края под названием Карпатская Украина. Это квазигосударство просуществовало всего 3 дня, с 15 до 18 марта 1939 г., когда венгерские войска профашистского диктатора Хорти уже начали оккупацию Закарпатья с согласия Гитлера. Волошин пытался жаловаться фюреру, а после нападения Германии на СССР в письме к Гитлеру предлагал себя на должность президента оккупированной немцами Украины. В мае 1945 г. арестован советской военной контрразведкой и вскоре умер в тюрьме.

После освобождения Закарпатской Руси от немецких захватчиков 18 ноября 1944 года в Мукачеве состоялся Православный съезд русинов Закарпатья. Его делегатами были 23 православных священника, известные учёные и общественные деятели Георгий Геровский и Пётр Линтур. Съезд принял обращение к Сталину, в котором просил принять Карпатскую Русь в состав СССР как Карпато-Русскую Советскую республику и высказался *«решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР»*. 29 июня 1945г. был заключён договор между СССР и Чехословакией о Закарпатской Руси и русинах. При этом Правительством СССР была проигнорирована просьба общественно-религиозной делегации русинов о принятии в состав Союза Подкарпатской Руси как субъекта федерации и под именем «Закарпатская Украина» она была включена в состав Украинской ССР. Во времена СССР русины официально рассматривались властями как этнографическая группа украинцев. Это дало повод украинским националистам сочинить очередной миф, что, русинов вообще нет – это просто *«старое самоназвание всех украинцев»*. Сегодня русинов официально не существует, так как советская власть поголовно превратила их в украинцев, чего не удавалось даже австро-венгерской монархии.

В результате этого все русины в одночасье стали украинцами, которых заставили учить украинский язык. Спрашивать мнение населения по этому вопросу в СССР было не принято. Между тем сами русины до сих пор упорно не желают признавать себя украинцами. В июне 1999 г. в Ужгороде состоялся 5-й Всемирный конгресс русинов, потребовавший от киевского правительства признать русинов, численность которых на Украине – 978 тысяч (1991), равноправным этносом, открыть русинские школы, кафедру русинского языка при Ужгородском университете. Правительство Украины отмолчалось.

Ещё в декабре 1991 г. в Закарпатье был проведен местный референдум о предоставлении краю статуса автономии. «За» проголосовало 78% населения, но Киев к тому времени был во власти торжествующих русофобов-самостийников, которые, не обращая внимание на волеизъявление народа, торжественно объявили, что будут строить «европейскую демократию».

К чему привело «строительство демократии», наглядно видно по состоянию украинской экономики, которое постоянно ухудшалось при националистических правителях страны, по плачевной социально-политической обстановке, по ужасающей коррупции государственных чиновников, а главное – по общей бандеризации внутренней и внешней политики. В результате страна в 2014 г. потеряла свой суверенитет, попала под внешнее управление США с местной диктатурой нацизма бандеровского толка, и неудержимо скатывается в пропасть общегосудар-

ственного краха. В нынешнем виде при правительстве Порошенко Украина, обслуживающая геополитические интересы США, является ультранационалистической, человеконенавистнической, фашистской страной, которая не имеет права на своё существование в современном мире.

С окончанием Гражданской войны и созданием Украинской Советской Социалистической республики большевики ударными темпами продолжили начатый австрийцами в Галиции интенсивный процесс создания украинской нации путём организованной со всей революционной решительностью большевицким правительством с активным участием националистов тотальной кампании «украинизации», объявленной на VII конференции КП (б) У в 1923 г. Она состояла в директивном внедрении новосозданного украинского языка во все сферы жизнедеятельности республики, начиная со школьного образования, хотя имелись многочисленные факты сопротивления украинизации. Украинизировалось всё – от вывесок до прессы. Это была самая масштабная в истории человечества насильственная кампания по изменению этнической принадлежности населения. Все обязаны были изучать украинский язык, за незнание которого могли уволить с работы. В украинцы записывали, не спрашивая согласия. В школах украинский язык заставляли учить в обязательном порядке, при этом русские школы переводили на обучение на украинском языке. Преподавателей украинского языка было недостаточно и поэтому их привлекали из националистов Западной Украины, вошедшей в состав Польши по Рижскому мирному договору 1921г.

Местные русские газеты на Украине были закрыты и началось распространение периодических изданий только на украинском языке даже в тех областях, где украинцев отродясь не водилось. Под угрозой увольнения с работы всех заставляли учить украинский язык, но поскольку лексика и грамматика его не были ещё окончательно созданы, какому языку учили будущих украинцев – сказать трудно. Сергей Родин по этому поводу пишет: *«После разгрома денкинцев и установления в городе Советской власти в гимназию пришел приказ украинизироваться. Родительский комитет высказался единогласно против украинизации. Члены комитета указали на то, что они считают русский язык своим и что даже нет учебников, написанных на „украинском“ языке. Вскоре был прислан ящик с учебниками, напечатанными в Австрии для галицких школ»*. [41] Можно представить, какой «украинский язык» и какую историю должны были осваивать ученики по австрийским учебникам!

Осенью 1920 года нормативными актами УССР было введено обязательное изучение украинского языка в учреждениях по подготовке работников просвещения и в школах. В каждом губернском городе было предусмотрено создание вечерних школ для обучения украинскому языку советских служащих. Летом 1923 г. были изданы два постановления, одно из которых предусматривало, что вновь поступающие на государственную службу должны изучить украинский язык в течение 6 месяцев, а те, кто уже находится на госслужбе – в течение 1 года.

Историк и политический деятель, член Центральной Рады Дмитрий Дорошенко (1882—1951), имея ввиду успехи советской власти в «украинизации» 1920-х годов, писал в своих воспоминаниях: *«Теперь понятие нации безмерно расширилось, и собственно сама нация украинская только теперь начала формироваться и выкристаллизовываться»*. В этих словах звучит признание, что реально украинская нация начала складываться только после революции 1917 года стараниями большевиков, которые приложили к этому делу всю свою революционную страсть, настойчивость и марксистскую волю. Но даже в наше время бывший президент Украины Л. Кучма, доказывая, что «украинцы искони были отдельным народом от русского», в то же время признаёт: *«процессы «консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения»* и даже *«мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие»*. [10]

Какая может быть «консолидация» между националистическими батальонами Правого сектора, сформированными из бандеровцев Галиции, и уничтожаемым ими населением Дон-

басса? Да и разве поймёшь, кто ты действительно есть при такой фальшивой историографии! Разве можно современному националисту-бандеровцу из Правого сектора втолковать, что малороссийские крестьяне всего-то 100 с небольшим лет назад считали себя русскими и удивлялись, почему это городские паны, вырядившиеся в селянскую одежду и распивающие горилку в сельском шинке, называют их украинцами. Ведь они ничего не украли!

Иосиф Сталин в 1921 г. на X съезде РКП (б) о национальном вопросе высказался предельно откровенно: *«Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»*. В постановлении в январе 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата» указывалось: *«сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия»*. В решении Луганского исполкома объявлялось: *«Подтвердить сотрудникам, что неаккуратное посещение курсов и нежелание изучать украинский язык влечет за собой их увольнение со службы»*. Президиум Сталинского [совр. г. Донецк] исполкома принял решение *«привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации»*. В 1931 году Наркомпрос УССР предписал всем поступающим в вузы подавать письменные работы на украинском языке, а также ввёл обязательное изучение украинского языка для студентов. Всё это дало основание князю А. М. Волконскому в предисловии к очерку А. В. Стороженко «Украинское движение» назвать кампанию советской власти по созданию украинского народа *«большевистской беспощадно-насильственной украинизацией в Малороссии»*.

Наиболее влиятельные деятели европейской революционной социал-демократии, резко критиковали национальную политику русских большевиков. Так Роза Люксембург (1871—1919) обвиняла их в создании искусственного «украинского народа» и сознательном расчленении России: *«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко... И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за „право на самоопределение вплоть“ и т. д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем, не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции!»*

Но украинизация продолжалась ударными темпами. Самая агрессивная фаза советской украинизации проходила под руководством главы Советской Украины Лазаря Кагановича. В результате этой жёсткой политики большевиков миллионы русских в Украине были превращены в украинцев, несмотря на сопротивление украинизации на местах. Простой русский народ на Украине, как мог сопротивлялся навязыванию сверху непонятного для них украинского языка и названия «украинец». Об этом свидетельствовал нарком просвещения УССР с 1922 г. Владимир Затонский (1878—1938): *«Широкие украинские массы относились с... презрением к Украине... Не только рабочие, но и крестьяне, украинские крестьяне не терпели тогда «украинцев»... крестьяне писали нам: мы все чувствуем себя русскими и ненавидим немцев и украинцев и просим РСФСР, чтобы она присоединила нас к себе»*. Несмотря на это сопро-

тивление и откровенный саботаж решений партии и правительства, таким способом из русского населения Малороссии был искусственно создан украинский народ. Михаил Смолин обоснованно отметил: *«Именно большевики создали массового «украинца».*

Украинский политолог и публицист Андрей Ваджра говорит: *«Украина» это сузубо советский проект. Если бы не железная воля большевистской партии, ни «Украины», ни «украинцев» просто не было. Все эти годы Украина существовала за счет безумного и бездумного потребления тех материальных ресурсов, которые ей достались от Советского Союза и не полностью разорванных «союзных» связей с РФ».*

То же касается и Белоруссии, белорусов и белорусского языка. Украинцев и белорусов просто не существовало, пока их не стали искусственно создавать. Понятия «Малая Русь», «Белая Русь», «Червонная Русь» обозначали лишь географические и исторические регионы. В Галицкой Руси жили галичане, на Волыни волыняне, на Смоленщине смоляне, в Белой Руси белорусы, но все они до недавнего времени считали себя русскими, такими же, как и в Московском царстве, которые делились на вятичей, новгородцев, суздальцев или ярославцев. Уже упоминавшийся русский религиозный философ Николай Онуфриевич Лосский (1870—1965) в очерке «Украинский и белорусский сепаратизм» писал: *«...называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно сознавать себя русским, гражданином России. Распространенные на западе Руси диалекты использовались только в устной речи. На мове можно было общаться на бытовые темы да песни петь. А писать на ней нужды не было никакой, ибо в делопроизводстве использовался литературный русский язык. На русском языке велось обучение в гимназиях и университетах. Не потому, что правительство не любило белорусов и белорусский язык, а потому что никакого белорусского языка не существовало».* Это же мнение Н. Лосского справедливо и для украинцев и украинского языка.

Как постепенно происходило создание искусственной украинской нации описывает доктор исторических наук, член-корреспондент НАН Украины Алексей Петрович Толочко (род. 1963), один из профессиональных украинских историков, которые не поддерживают веру в непогрешимость постулатов историографии Украины, принятых в капитальном труде «отца нации» М. С. Грушевского «История Украины-Руси», придерживаются классической историографии и даже осторожно (что очень предусмотрительно при поощряемой правительством бандеровской идеологии на Украине после 2014 г.) высказывают своё отрицательное отношение к этому труду. В аннотации к работе профессора А. П. Толочко «Киевская Русь и Малороссия в XIX в.» указано: *«На рубеже XVIII – XIX вв. мало кому пришло бы в голову, что такие разные регионы, как „казацкая“ Малороссия, „запорожская“ и „татарская“ Новороссия, „польские“ Волынь и Подолье и „австрийская“ Галиция имеют общую историю и заселены одним народом. Напротив, по все стороны „культурных границ“ считали, что на этом пространстве произошли (и продолжают происходить) разные истории. Пространство, которое сегодня называют Украиной, еще только предстояло „вообразить“ из разнородных элементов».* [17]

И её сначала так умозрительно и представляли в виде «воображаемой географии» в головах украинофилов-интеллектуалов на протяжении практически всего XIX века и только в начале XX в. после революции 1917 г. и Гражданской войны эти представления, пройдя этап декларативных провозглашений никем не избранных, враждовавших между собой и не имевших власти в стране украинских правительств (Центральная Рада, УНР, Украинская Держава Скоропадского, петлюровская Директория) в конце концов усилиями большевиков приобрели реальную форму государства в виде Украинской ССР.

Теперь можно суммировать изложенные факты.

Главная идея «украинства» состояла в антирусской направленности. Украинцы – это не нация, образовавшаяся в результате естественного этногенеза, а так называемое «украинское движение» никогда не являлось этническим, это продукт политического проекта, сначала австро-венгерского правительства на территории Галиции, а в последние годы – инструмент западных (главным образом американских) так называемых «демократий» и планов их спецслужб по удушению России и разобщению русского мира.

Это становится ясным, если понять, что «украинство» присуще не всему народу Украины, а лишь националистам-галичанам, использующим презрительный термин «малороссы» (или «сходняки») для остальных своих сограждан, которых они считают «недоукраинцами». Следует отметить, что в украинском Майдане и «революции достоинства» 2014 г., направленных против России, под нажимом США (из лакейской «солидарности») приняли участие и правительства европейских стран даже в ущерб своим национальным интересам, что до их сознания с трудом начало доходить лишь спустя два года.

Украинцы, сначала как политическая партия, а не этническая общность, появляются на исторической сцене только в 90-х годах XIX в. в Австро-Венгрии. Затем постепенно понятие «украинец» из чисто политического начинает превращаться в признак этнической самоидентификации. Причиной появления термина «украинский народ» стала политическая конъюнктура, а именно необходимость противостояния России и русскому влиянию. Поэтому русофобия есть главная черта украинца с самого зарождения украинства. Открытая демонстрация ненависти к русским необходима самим украинским националистам для осознания себя неким сообществом, которое им нужно сплотить против врага с помощью ненависти, как новичков в банде преступников «повязывают кровью».

Украинские националисты-отщепенцы вновь в XXI в. пытаются разрушить тысячелетнее общерусское национальное единство, в упорной борьбе завоёванное нашими предками, столетиями собиравшими Русскую землю в мощное Русское государство. Под псевдопатриотизмом своих лозунгов «украинство» галичан демонстрирует приверженность к западничеству, видя свой привычный идеал в польско-католическом мировоззрении, и стремлении к европейской, прежде всего польской культуре, католической церкви и немецкой государственности. Поэтому по своей сути «украинство» является дезинтегрирующим явлением православной цивилизации в целом, это национальная болезнь. В результате таких же инспирированных извне процессов в своё время появились хорваты и косовары – этнические сербы, предавшие православие и ставшие мусульманами-манкуртами. Такими же предателями своих предков и своих этнических русских корней являются воинствующие украинские националисты. Народная мудрость говорит, что народ, который не хранит верность своим предкам, обречён на вымирание. Украина с националистами у власти, презревшими свои этнические русские корни и открыто глумящимися над памятью своих отцов и дедов, боровшихся с фашистской чумой, обречена и её крах предсказуем, исходя из реального глубокого политического, экономического и социального кризиса после событий 2014—2017 гг.

Пропитанное преклонением перед «западной демократией», население бывшей Галиции, стремящееся вопреки экономической целесообразности в Евросоюз, противостоит желанию остальной (во всяком случае Юго-Восточной) Украины не рвать связи с Россией. Это не способствует общеукраинской консолидации, являющейся необходимым условием успешного развития общества и сохранения государства. Главная вина за это лежит на националистах, представляющих собой небольшой процент населения страны, но взявших на себя право диктовать всей стране свои идеи, не содержащие созидательных планов, а направленные лишь на отрицание и разрушение, к тому же приправленные неонацизмом, неприемлемым для подавляющего большинства населения.

В своё время общественный деятель Галиции И. И. Терех (1880—1942) в своей статье «Украинизация Галичины», написанной сразу после присоединения западнорусских земель к СССР в 1939 г., отмечал: *«Весь трагизм галицких „украинцев“ состоит в том, что они хотят присоединить „Великую Украину“, 35 миллионов, к маленькой „Западной Украине“... – 4 миллиона, то есть, выражаясь образно, хотят пришить кожных к гудзику (пуговице)»*. После евromайдана 2014 г. это маниакальное стремление галичан привело страну к трагедии общенациональной.

Заканчивая эту главу, можно подвести итоги и определить время первых попыток внедрить украинский язык в директивном порядке в Галиции в 1892 г., когда он начал официально насаждаться небольшой партией русинов-ренегатов, своего рода политической сектой. Ранее этого существовали лишь различные системы фонетического правописания, которые чуть ли не всякий украинофил выдумывал для себя сам. Широкого хождения они не имели, тем более, не получили официального признания.

Параллельно постепенно зарождался украинский национализм и началом его проявления следует считать русинские погромы в Галиции в 1914—1915 гг., затем последовало создание Организации Украинских националистов (ОУН) в 1929 г. и её преступления в период перед, во время Второй мировой войны и после неё.

Государство Украина было создано после гражданской войны в России в 1920—1922 гг. Украина в современных границах была скроена как лоскутное одеяло из разнородных кусков коммунистическими правителями Советского Союза и к ней затем были присоединены даже те земли, которые никогда в истории не считались малороссийскими (Южная Бессарабия, Закарпатье и Крым).

Впервые о появлении украинского народа было сделано заявление в политических целях депутатами Галицкого сейма в 1890 г., а затем в результате политической кампании властей было задекларировано в Австро-Венгрии в 1915 г. Но этот «народ» в то время состоял из небольшой кучки политических авантюристов и русинов-отступников в качестве новообращённых «украинцев». В то время в австро-венгерской Галиции большинство населения (до 80%) было русинское крестьянство. До этого наука в просвещённой Европе не знала такого этноса и не обратила внимание на это сообщение. Реально украинская нация начала создаваться усилиями советской власти во время насильственной «украинизации» русского населения Малороссии, но её консолидация, не завершённая до настоящего времени, вряд ли может рассматриваться реальной даже в перспективе из-за разной ментальности групп населения. Одновременно происходило становление современного украинского литературного языка, который директивно внедрялся в Украинской ССР советской властью в ходе «украинизации».

Вот так кучка авантюристов-украинофилов и маргинальная группа русинов, принявших по политическим мотивам «украинскую идею», после того, как в Галиции австро-венгерские власти в конце XIX в. начали из них выводить украинцев-мутантов как цыплят в инкубаторе, через несколько десятков лет превратилась в отдельную галицко-украинскую нацию, позиционирующую себя в качестве «передового революционного отряда». Она противопоставляет себя остальным жителям Украины, которых презрительно называет «сходняками» и «упряжным скотом». Галицкие националисты реально заявили о себе во время «оранжевой революции» 2004 г., в результате которой при поддержке Запада президентом Украины стал ставленник Госдепартамента США Виктор Ющенко. В результате так называемой «революции достоинства» 2014 г. к власти пришли галицкие националисты – последователи бандеровщины. То, что в этом участвовало не всё население Украины, а только её «революционная» галицкая часть, а большинство жителей остальной Украины не разделяют националистической идеологии «революционеров», свидетельствует о расколе населения на относительно неболь-

шую часть воинствующих национал-фашистов, исповедующих бандеровскую идею «унитарной Украины», и остальных граждан Украины, не желающих иметь с ними ничего общего и жить вместе с ними в одной стране.

Таким образом создание украинского народа происходило в несколько этапов, но не завершено до сих пор. Вначале украинцев начали выводить в Галиции в конце XIX в. австро-венгерские власти. Миллионы русских в Украинской ССР превратили в украинцев в процессе советской украинизации в 20—30-е годы большевики. Роль советской власти в завершающем этапе процесса создания «украинца» огромна. А в XXI в. националисты-бандеровцы вновь пытаются перекрестить в украинцев русское население страны, волею судеб оказавшееся после развала СССР в роли нацменьшинства в независимой Украине с националистическим правительством, декларирующим своей целью создание унитарного государства «только для украинцев». Они осуществляют геноцид миллионов русских, грубое подавление их права на родной язык и национальное самовыражение, не упуская случая продемонстрировать свою враждебность к России. Оголтелая русофобия и враждебность к России составляют главный стержень внутренней и внешней политики националистического правительства Украины XXI в., находящейся с 2014 г. под внешним управлением и исполняющей волю своих заокеанских хозяев.

* * *

Продолжение раздела 1.

Стр. 38. 2. *Титульный лист летописи Самийла Величко. 1720 г. Летопись начинается словами: «Сказание о войне казацкой...». А дальше определена основная тема (Освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого)...*

Недосказанность или намеренное умолчание – это характерный приём фальсификаторов истории. В данном случае на титульном листе летописи легко читаются русские слова «Сказание о войне казаков с поляками», а дальше идут слова о страданиях «от ига лядского» и помощи русского царя Алексея Михайловича. (См. Приложение 2). Но вместо исторической правды целью современных украинизаторов является формирование у школьников, даже младшего возраста, сознания, что «Украина – не Россия», и всё используется для такого, пока ещё мягкого идеологического воздействия. Здесь даже для характеристики войны применяется нейтральное определение «освободительная», но вместо недописанной фразы «против польского ига» подразумевается «против московского царства» (вероятно, предполагается, что это на уроке разъяснит учитель).

Стр. 47. *«Название Украина впервые употреблено в летописи под 1187 г. по отношению к Киевщине, Переяславщине и Черниговщине. Оно происходит от слова страна, что значило родной край, страна, земля».*

Происхождение названия «Украина» до сих пор вызывает споры, в основном связанные с тенденциозным подходом к определению его этимологии. Упомянутая в учебнике летопись 1187 года – это Ипатьевская летопись, в которой упоминание этого названия приведено как «оукрайна» и связано с оплакиванием гибели переяславского князя Владимира Глебовича жителями окраинной территории Переяславского княжества, так называемой Посульской линии укреплений против набегов кочевников на границе с Диким Полем: «о нем же оукрайна много постана». Во-первых, распространение этого названия на Киевщину, Переяславщину и Черниговщину является произвольным и используется только «украинствующими» авторами.

Во-вторых, это же название используется в русских письменных источниках в значении «пограничные земли» без привязки к какому-либо региону, а также к районам, лежащим

далеко от границ современной Украины (например, «псковская оукраина», или совсем уж далёкая восточно-сибирская «даурская оукраина» и т.п.) Слово «оукраина» в значении «окраина» встречается в старинных хрониках довольно часто. Отбросить «О» и переделать первую букву на заглавную – дело пустяшное. Но это подлог!

В третьих, когда Южная Русь в составе Великого княжества Литовского в XVI в. вошла в Речь Посполитую, это же название использовали поляки для обозначения своих окраинных территорий. Польский историк Самуил Гронский писал: *«Латинское *margo* (граница, рубеж) по-польски *kraj*, отсюда Украина – как бы область, расположенная у края (польского) королевства»*. Такой смысл названия подтверждается тем, что «украинниками» или «украинцами» называли и служилую польскую шляхту королевских административных органов на этих территориях.

Наконец, можно привести, как еще одно свидетельство, генеральную карту 1648 г. французского инженера Гийома Левассера де Боплана (1595—1673), выполненную по заказу короля Владислава IV и названную *«Общий план безлюдных земель, обычно называемых Украиной, прилегающих к густо заселенным провинциям»*. И хотя во времена Богдана Хмельницкого название «Украина» использовалось в рукописных источниках, разговорной речи и устном народном творчестве, оно не имело этнического оттенка, не распространялось на все южно-русские земли и не стало названием государства, а лишь географическим понятием, относящимся к территориям, подконтрольным Войску Запорожскому. В официальной переписке Б. Хмельницкого и последующих гетманов эти земли назывались «малороссийскими» или «украинскими». Отсюда становится ясно, что этимология этого названия от украинского «країна» в смысле «страна», является позднейшей националистической спекуляцией и сознательным мифотворчеством, проникшим в школьные учебники по воле украинских властей, озабоченных насаждением в украинском обществе ксенофобских настроений, культивируемых в антисоветских и русофобских кругах украинской эмиграции.

Стр. 115. *«Притеснения церкви, судопроизводства, образования, языка ощущало все украинское население»*. *«...украинцы и в дальнейшем оставались на собственной земле бесправными»*.

Речь идет о XVI – XVII вв. под властью Польши. В те времена понятия «украинского населения» не существовало. Южно-русские земли Великого княжества Литовского, вошедшие в состав Речи Посполитой, были заселены православным этническим русским населением, которое называло себя русичами или русинами, а представители местной русской знати, перешедшей в католичество и претендовавшей на равное положение с поляками, именовали себя «русской шляхтой».

Стр. 115. *«Историки называют эту войну Национально-освободительной. Возглавил Национально-освободительную войну Богдан Хмельницкий»*.

Если какие историки и называют так, то «прогнущиеся» под националистов. По поводу определения «национально-освободительный» на этой странице и далее в тексте учебника см. мнение профессора Натальи Яковенко в комментарии к стр. 38.

Стр. 118. *«Казацкое государство – Гетманщина, созданная в результате Национально-освободительной войны, – просуществовало больше 100 лет. В 1760—1780 гг. российские цари (тогда Гетманщина подпала под власть России) ликвидировали гетманство, а казацкие полки превратили в полки российской армии»*.

Автор учебника этими строками внедряет в детское сознание школьников, что после восстания Богдана Хмельницкого 1648 г. Гетманщина существовала как самостоятельное казацкое государство до 1760 г., пока не «попала под власть России». Современные украинские

историки, идя в русле государственной националистической идеологии, насаждают неприязнь своих граждан к «поработившей» их России и трактуют Гетманщину как государство украинского народа. Это наглая ложь в первую очередь потому, что украинского народа ещё вообще не было как такового, а отдельные признаки устройства гетманского управления (как, например, наличие клейнодов разного состава и достоинства) были просто символами гетманской власти и не служат свидетельством государства. Украинское казацкое государство – это националистический миф.

На самом деле после Переяславской рады 1654 г. Войско Запорожское, присягнув на верность русскому царю Алексею Михайловичу, фактически находилось под юрисдикцией Российского государства и было отдельной провинцией Малороссией, которая сначала управлялась совместно гетманом и царскими воеводами, а позже Малороссийской коллегией вплоть до отмены института гетманов Войска Запорожского указом Екатерины II в 1764 г., а затем была разделена на малороссийские губернии.

Против стремления современных «украинствующих» историков представить государственный характер «казацкой державы Богдана Хмельницкого» и идеализировать её также, как и самого Хмельницкого – символического «борца за свободу Украины», выступает профессор Киево-Могилянской академии Наталия Яковенко. Она считает, что это была *«сословная военная диктатура», представляющая собой вооружённое казачество в качестве политического ядра – «казацкого народа»*. (Н. Яковенко. «Между правдой и славой. К юбилею Богдана Хмельницкого».)

На самом деле признаки государственности Войска Запорожского существовали только в виде гетманской булавы и наличия казачьей старшины. Обоснование ряда историков якобы непрерывности политической истории на территории Гетманщины не выдерживает критики в связи с отсутствием правящей династии. Выборность гетманов аналогична выборности главаря банды, как очередного лидера военной диктатуры. О таком же характере Гетманщины ещё в XIX в. писала русский историк Александра Яковлевна Ефименко (1848—1918): *«Малороссия после своего освобождения от Польши представляла по типу своей социальной организации военный лагерь на демократической подкладке»*. [57]

Надо также учитывать, что на это время приходится период гражданской войны (т. н. Руины) 1657—1687 гг. О функционировании государства во время всеобщей смуты, гражданской войны, когда казацкие полки разных гетманов воевали друг с другом, говорить вообще не имеет смысла.

Это же замечание относится к встречающимся и далее выражениям «украинское казацкое государство». С учетом ранее высказанных соображений это банальная фальсификация.

Идеализация «казацкой державы» из казацких летописей и документов войсковых писарей усилиями романтиков-укаинофилов плавно перекочевала в кабинеты учёных историков.

Стр. 133. «В начале 19 в. в той части Украины, которая находилась в составе Российской империи, высших учебных заведений не было».

Справедливости ради надо уточнить, что Харьковский университет не является первым высшим учебным заведением на входивших в состав Российской империи землях Малороссии. В Киеве при Киево-Печерском монастыре с конца XV в. существовали духовные школы. При кружке Киевского Божественного братства в 1615 г. образовалась Братская духовная школа, первыми ректорами которой были Иов Борецкий (1615—1618) и Мелетий Смотрицкий (1619—1620). На её основе архимандритом Петром Могилой в 1631 г. была основана школа Киево-Печерской лавры, которая в 1632 г. переросла в Киево-Братскую коллегию при материальной поддержке и под покровительством гетмана Петра Сагайдачного. Она и стала высшим учебным заведением с продолжительностью обучения до 12 лет. В коллегии изучались церковнославянский, русский (с 1651), греческий, польский языки, а основным языком обучения был

латинский. Здесь преподавались элементарная теория музыки и пение, катехизис, арифметика, риторика, богословие.

С 1658 г. в честь киевского митрополита Петра Могилы коллегия стала называться Киево-Могилянской академией.

Стр. 133. *«Новое учебное заведение стало центром украинской культуры. Оно сплотило вокруг себя деятелей украинской литературы, истории и народоведения. Именно в Харькове возник первый кружок ученых и художников, которые целенаправленно принялись изучать культуру и историю украинского народа. При университете работали типография и книжный магазин, издавались газеты и журналы. Так, с 1816 по 1819 г. выходил первый в Украине литературно-художественный и научный журнал «Украинский вестник».*

Снова недосказанность и замалчивание, которое предполагает иллюзию широкого полномасштабного развития украинской культуры и украинского языка. Ведь «Украинский вестник» выходил преимущественно на русском языке, в том числе статьи ректора университета П. Гулака-Артемовского и исторические обзоры Г. Квитки-Основьяненко. Только отдельные фольклорные произведения, собранные украинофилами, печатались на малороссийском народном диалекте русского языка. Об этом вспоминал сам Н. Костомаров, описывая своё стремление познакомиться с самим народом и собрать этнографический материал: *«С этой целью я стал делать этнографические экскурсии из Харькова по соседним селам, по шинкам, которые в то время были настоящими народными клубами. Я слушал речь и разговоры, записывал слова и выражения, вмешивался в беседы, расспрашивал о народном житье-бытье, записывал сообщаемые мне сведения, и заставлял петь для себя песни. На все это я не жалел денег, и если не давал их прямо в руки, то кормил и поил своих собеседников».*

Для меня, прожившего 36 лет в Харькове и бывавшего в местных сёлах, легко себе представить какой именно «украинский язык» изучал в то время Костомаров в «соседних сёлах по шинкам». Пантелеймон Кулиш тоже был не в восторге от такой «кабацкой украинской» речи. Хотя и подвергшееся большевистской насильственной «украинизации» 1920-х годов, в Харьковской области во второй половине XX в. сельское население всё равно разговаривало на местном слободском суржике с примесью украинских слов, основой лексики которого являлся русский язык. И даже сейчас это не украинский язык, а южное наречие русского языка. А в времена Костомарова единого алфавита и правописания украинского языка не существовало вообще и каждый украинофил писал, и вещал как ему хотелось. Именно в Харькове возник первый кружок учёных и художников, которые принялись целенаправленно изучать этнографию, культуру и историю малороссийского народа. Но это не было проявление национализма, а увлечение интеллектуалов – любителей малороссийской этнографии.

А Пантелеймон Кулиш (1819—1897), впоследствии автор «кулишовки», откровенно признаётся, как он доработывал народные сказания и песни бандуристов: *«не опасаясь исказить ее [думу] неудачными вставками, дополнил здесь лучшими местами из списка г. Неговскаго».*

Стр. 138. *«Вскоре положение в Украине обострилось из-за войны с правительством большевиков, которые пришли к власти в России».*

Речь идет о времени после большевицкой революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. Эти широко распространённые среди украинских историков и от них попавшие в школьные учебники домыслы о подавлении в 1917—1920 годах украинской свободы Россией и что «русский империализм» уничтожил Украинскую народную республику, являются фальшивкой. Основой этих взглядов является оценка революционной ситуации с точки зрения украинских националистов-радикалов, подчёркивающих национальные аспекты исторического процесса, как

благоприятного момента для осуществления своих сепаратистских планов. Как происходили события на Украине в период после революции и во время Гражданской войны описывается в главе «Гражданская война на Украине в 1917—1920 гг.»

Гражданская война на Украине в 1917—1920 гг.

Проект Украина это что-то вроде мебельного набора «Сделай сам», но как не собирай, всё время гроб получается.

Андрей Ваджра

Историк-националист Ярослав Грицак так характеризовал различие между стремлениями украинских политиков и народных масс в 1917—1920-е годы: *«украинское движение переживало роздвоенность между антироссийской – антисоветской ориентацией его политической верхушки и антинемецкими настроениями большинства украинского населения»*. Грицак ограничился антинемецкими настроениями, но украинское население хотело свободы от царизма и помещиков, оно хотело землю и мир. А это всё обещали большевики, которые в конце концов одержали победу в гражданской войне, выгнав из страны националистов, белогвардейцев и интервентов Антанты.

Поэтому выдумки о подавлении в 1917—1920 годах украинской свободы Россией являются фальшивкой. В украинской историографии события на Украине в этот период именуется «Украинской национально-демократической революцией». Такая интерпретация происходивших на территории Украины событий, связанных с революциями 1917 года и Гражданской войной, как обособленной «Украинской революции», основанная на представлении, что украинская национальная революция развивалась параллельно российскому революционному процессу и, в отличие от него, выдвигала на первый план не социальные, а национально-освободительные цели, что национальные интересы украинского народа имели основополагающее значение в историческом процессе того времени на Украине, сформировалась в 1920-е годы в среде украинских политических эмигрантов (приверженцев Центральной Рады, Скоропадского, петлюровцев, белоэмигрантов и других противников советской власти). В первую очередь, в мемуарах самих участников революционных событий, которые, естественно, не могли быть беспристрастными в оценке этих событий и своей роли в них. Это нашло отражение также в мемуарах украинских политических деятелей, занявшихся в эмиграции историческим анализом попыток реализации своих планов, программ и личных амбиций. Современный украинский историк, до марта 2014 г. директор Украинского института национальной памяти, член-корреспондент НАН Украины, лауреат международной премии им. Винниченко профессор В. Ф. Солдатенко (род. 1946) признаёт, что *«украинские историки и публицисты в диаспоре далеко не всегда удерживались на позициях объективности и всё больше впадали в крайности, субъективизм, что, естественно, не умножало научности их трудов, делало их уязвимыми и малопригодными»*. (Доклад на международном семинаре. 2008г.)

В основу изложенной ими в книгах и статьях концепции была положена трактовка происходивших событий как исключительно национальной революции, главной целью которой должно было стать возрождение национального независимого украинского государства, якобы существовавшего при Богдане Хмельницком (или даже раньше!) и поработённого Московским царством. Это отрицает историк Н. Д. Полонская-Василенко (1884—1973), во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками работавшая в Киевской городской управе и бежавшая с отступающими немцами в 1943 г. в Германию, которая отмечала, что в первые послереволюционные месяцы *«устремления украинских деятелей всех партий ограничивались автономией Украины в федеративной Российской державе. Про самостоятельность, про создание независимого государства думали только единицы»*.

Но в независимой Украине именно такая концепция украинской историографии стала преобладающей в среде учёных-историков при официальной государственной поддержке

со стороны националистического руководства страны. При этом в общественном мнении усиленно культивируется представление, что «украинская революция» была подавлена российскими большевиками.

Однако невозможно отделить логику и события революции в отдельных регионах Российской империи (при наличии определённых местных особенностей) от единого целостного революционного процесса, характер которого определялся не национальными особенностями, которые он принимал в отдельных регионах, а исключительно общими закономерностями социально-политической обстановки тех лет.

Фальшивый характер обвинений России в намеренном удушении украинской свободы признаёт и президент Л. Кучма в книге «Украина – не Россия», который пишет, что это был *«единный революционный процесс, затронувший все национальности Российской империи»*. [10] Мало кто из исследователей этого периода истории считает, что поражение украинского национального движения в 1917—1920 гг. произошло просто из-за того, что оно было слабым, не охватывало широкие массы крестьянского населения Малороссии, а ограничивалось избранной интеллигентской средой. Историк и политический деятель, член Центральной Рады Дмитрий Дорошенко (1882—1951) писал в своих воспоминаниях: *«Нас, сознательных украинцев, было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та „кружковщина“, сектантская узость и замкнутость»*.

Об отсутствии поддержки сепаратизма кучки малороссийских националистов со стороны народа писал в 1906 г. киевский социал-демократ П. Тучапский: *«Жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно... Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование»*.

И нравится кому-то это или нет, но после революции 1917 г. и гражданской войны история большинства народов бывшей Российской империи (кроме Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии и Польши) пошла по социалистическому пути, на который их увлекли большевики. Что из этого получилось – другой вопрос.

После бурной революционной эйфории 1917 г. последовала кровавая и беспощадная гражданская война, сопровождавшаяся жестоким террором и зверствами, с помощью которых многочисленные претенденты на власть в бывшей Российской империи решали, какая партия победит и чьё правительство будет править страной. Не обошла эта доля и Украину. Этот период на Украине был связан с рядом острых конфликтов в борьбе за власть и национально-государственное устройство между различными политическими, национальными и социальными группами на территории Украины (а главным образом в столичном Киеве), ставших следствием Февральской и Октябрьской революций 1917 года в Российской империи, её распада и выхода из Первой мировой войны, а также вспыхнувшей на её территории Гражданской войны. Эта борьба завершилась установлением советской власти и образованием Украинской ССР на большей части территории современной Украины (кроме Западной Украины, территория которой была разделена между Польшей, Чехословакией и Румынией).

Если более подробно рассмотреть ситуацию на Украине в 1917—1920 гг., то документы говорят о том, что после февральской буржуазной революции в Петрограде к власти пришло Временное правительство Керенского, а в Киеве представители городских учреждений сформировали Исполнительный комитет, как местный орган Временного правительства. Номинальную власть временного правительства в городах Украины представляли губернские комиссары, а фактической властью являлись советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В Киеве леворадикальные силы образовали Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов, а сторонники украинских либералов, социал-демократов и украинофилов в марте 1917 г. создали буржуазную «Центральную Раду». По свидетельству членов Рады выборы в Центральную Раду не проводились, самозванно организованная группа интеллектуалов формировала Раду по принципу случайной кооптации на основании командировочных удостоверений или частных обращений к известным деятелям. Инициативная группа Товарищества украинских прогрессистов (ТУП) считала, что именно их организация должна стать ядром Центральной Рады, но после возражения социал-демократов решено было формировать состав Рады на коалиционной основе. В организации и работе Центральной Рады активное участие принимали Сергей Ефремов, Дмитрий Дорошенко, Владимир Винниченко и Симон Петлюра. Председателем Рады стал вернувшийся из ссылки Михаил Грушевский. Члены Рады в выступлениях требовали автономии Украины. 16 мая в Петроград по требованию Керенского, обеспокоенного сепаратистскими настроениями в Киеве, была направлена делегация во главе с Владимиром Винниченко для переговоров с Временным правительством о признании Центральной Рады высшим органом власти на Украине и предоставлении Украине автономии в составе федеративной России, о создании украинской армии и украинизации государственного управления и образования. Временное правительство опубликовало сообщение, что *«отрицательное решение по вопросу об автономии Украины принято правительством единогласно»*, и что *«вопрос о национальных войсках вносится на рассмотрение Временного правительства»*. Такое решение не удовлетворило стремившуюся опередить события Центральную Раду и 10 (23) июня 1917 г. она обнародовала Первый Универсал, провозгласивший Украинскую Народную Республику и объявивший в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России, в то же время призывая поддержать Временное правительство.

Временное правительство затем согласилось, что основные проблемы, стоящие перед страной, могут обсуждаться и решаться только Учредительным собранием. Центральная Рада 3 (16) июля провозгласила Второй Универсал, в котором подтверждалось, что она выступает решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания, а Генеральный секретариат является «органом Временного правительства». Однако руководители Центральной Рады начали настаивать на своих требованиях по автономизации.

Несмотря на кажущуюся поддержку отдельных, на скорую руку собранных, «всеукраинских» солдатских или крестьянских съездов и «национальных» конгрессов, вдохновлённая ими Центральная рада реально представляла из себя небольшую группу мелкобуржуазных националистов-самовыдвиженцев, обладавших реальной властью только в Киеве и его пригородах. Значительная часть городского населения Украины, составлявшее значительные этнические группы русских, евреев и представителей других национальных меньшинств, не признавала ни Центральную Раду, ни власть вскоре образованного Генерального Секретариата во главе с Винниченко. А массы крестьян Малороссии, считавших себя южнорусским народом, связывали буржуазную революцию с надеждами избавления от экономического гнёта помещиков и не думали, и не мечтали стать «украинцами».

Очень скоро обнаружилась вообще неспособность Центральной Рады быть руководящей силой общества при решении насущных вопросов обеспечения законности и порядка, снабжения городов, восстановления железнодорожного сообщения, распределения земли среди крестьян и пр. В Украине началась анархия и безвластие, усугубившиеся массовым наплывом сотен тысяч вооружённых и озлобленных солдат из деморализованных юго-западных фронтов русской армии. По словам видного члена Центральной Рады Дмитрия Дорошенко, в 1917 г. *«во всех крупных центрах власть правительства Центральной рады существовала к концу года лишь номинально»*. А журналист газеты «Киевская мысль» С. Сумский в своей книге

«Одиннадцать переворотов» писал: *«Рада, лишённая опоры в широких слоях населения, была уже властью призрачной».*

Необходимо отметить, что весной 1917 года события на Украине в основном развивались в русле общероссийской революции. Высшим органом власти обновлённой демократической России считалось Временное правительство, которому официально подчинялись гражданские и военные власти. В Киеве оно было представлено губернским комиссариатом. Что касается Центральной рады, то она позиционировала себя как территориальный орган, проводящий на Украине революционную политику Временного правительства.

Непоследовательная политика Центральной Рады летом 1917 г. вызвала недовольство только что сформированного полка, ожидавшего отправки на русско-германский фронт, солдаты которого потребовали переформирования его в отдельный украинский полк имени гетмана Полуботка и после отказа командования подняли бунт, обвиняя Центральную Раду в равнодушии к нуждам солдат и угодничестве перед Временным правительством. В ночь на 5 (18) июля солдаты разоружили юнкеров и комендатуру Киева, захватили интендантские склады и ряд других городских учреждений. Лишь угроза вооружённого столкновения с другими войсками, получившими приказ подавить мятеж, вынудили полуботковцев вернуться в казармы, сдать захваченное имущество и отправиться на фронт.

В течение лета продолжалось напряжение между Центральной Радой и Временным правительством по вопросам организации Всероссийского учредительного собрания и деталям автономизации. При этом сама Центральная рада в этот период являлась не полноценным государственным органом, а лишь своеобразной общественной организацией, которая игнорировалась государственными учреждениями Временного правительства, её деятельность не финансировалась, а налоги, как и прежде, шли в российскую казну. Попытки Центральной Рады и Генерального секретариата заявить о своих правах на автономию вызвали негодование в Петрограде. Временное правительство, ссылаясь на отсутствие официального постановления об учреждении Центральной рады, приняло решение считать саму Центральную раду и её Генеральный секретариат «несуществующими». В Киеве по распоряжению Верховного прокурора Временного правительства П. Малянтовича должно было быть возбуждено уголовное преследование членов Центральной Рады за сепаратизм. Их спасла от суда Октябрьская революция.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде произошло большевицкое вооружённое восстание, в результате чего Временное правительство было свергнуто. Призывы киевских большевиков на совместном заседании исполкомов советов рабочих и солдатских депутатов поднять восстание и захватить власть успеха не имели. После октябрьской революции Центральная Рада высказалась против большевицкого восстания в Петрограде и призвала *«упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине».* 7 (20) ноября по решению Малой рады в чрезвычайном порядке был принят Третий Универсал, в котором провозглашалось создание Украинской Народной Республики при федеративной связи с Российской республикой. Но Центральная Рада отказывалась признавать большевицкое правительство в Петрограде. Более того, войска Центральной Рады стали препятствовать передвижению большевицких частей для борьбы с Калединым на Дону, блокируя ж.д. сообщение.

26 ноября (9 декабря) Совнарком РСФСР выступил с обращением ко всему населению *«О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой»:* *«В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских депутатов советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники – казачьи генералы*

предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук советов, землю из рук крестьян и заставить солдат и матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания... Буржуазная Центральная Рада Украинской Республики, ведущая борьбу против украинских советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления Калединского мятежа».

Отказ руководства УНР признавать советское правительство привёл к тому, что между Совнаркомом и Генеральным секретариатом наметился серьёзный конфликт. В период с 4 по 11 (17—24) декабря по приказу Петлюры и командующего Украинским фронтом генерала Щербачёва войска, верные Центральной раде, захватили штабы Румынского и Юго-Западного фронтов, армий, вплоть до полков, произвели аресты членов Военно-революционных комитетов и комиссаров-большевиков, при этом некоторых из них расстреляли. За этим последовало разоружение румынами тех частей, в которых было сильно влияние большевиков.

2 (15) декабря калединские войска после ожесточённых боёв с ростовской Красной гвардией и отрядом черноморских матросов выбили их из города и разгромили ростовский Совет, что открывало дорогу для дальнейшего наступления калединских сил в глубь Донецкого бассейна и далее на север.

6 (19) декабря 1917 г. СНК РСФСР образовал Южный революционный фронт по борьбе с контрреволюцией. Наркомом Крыленко командующим войсками фронта был назначен В. А. Антонов-Овсеенко. Петлюра, со своей стороны, 5 (18) декабря приказал украинскому комиссару Северного фронта *«никаких распоряжений прапорищика Крыленко, ни его комиссаров, ни большевистских комитетов не выполнять. Все украинцы Северного фронта подчинены Вам и Войсковой фронтовой раде».*

В течение нескольких дней советской стороной предпринимались попытки наладить контакты с украинским руководством и разъяснить свою позицию: советское правительство готово признать УНР и не вмешиваться в её самоопределение, но поддержка Центральной радой калединской контрреволюции, создание препятствий для продвижения советских войск на Дон были абсолютно неприемлемы.

Нарком военных дел СНК Крыленко направил директиву Военно-революционному комитету Юго-Западного фронта, армейским Советам и комиссарам армий Юго-Западного и Румынского фронтов: *«Ввиду обострения отношений с Украинской народной республикой, не остановившейся перед разоружением наших полков в Киеве, захватом имущества, систематической дезорганизацией фронта, прошу принять экстренно меры к приостановке украинизации, в случае необходимости – обезоружения враждебно настроенных частей и к немедленному снаряжению войск для обеспечения тыловых учреждений фронта. Я не остановлюсь перед самыми решительными мерами для охраны целостности фронта и защиты интересов рабочих и крестьян и солдат вверенной мне армии на Юго-Западном и Румынском фронтах».*

В связи со складывающейся безотлагательной ситуацией, 4 (17) декабря 1917 г. Совнарком в ответ на явно недружественные действия Центральной Рады отправил в Киев подготовленный комиссией в составе Ленина, Троцкого и Сталина «Манифест к украинскому народу» с ультимативными требованиями к Центральной раде, которым подтвердил *«право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России»*, и заявлял о безусловном признании всего, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, и о признании УНР и её права *«совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними»*. С другой стороны, в «Манифесте» заявлялось о непризнании Украинской Центральной Рады из-за её *«двусмысленной, буржуазной политики»* – подавления Советов, дезорганизации

фронта несанкционированным перемещением украинизированных частей и поддержки кадетско-калединского заговора. В документе содержалось требование к Украинской Центральной Раде прекратить дезорганизацию единого общего фронта и пропустить через подконтрольную ей территорию войсковые части, уходящие с фронта на Дон, Урал, в другие регионы России, прекратить разоружение советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине, а также *«оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием»*. Совнарком заявлял, что в случае неполучения удовлетворительного ответа на предъявленные требования в течение сорока восьми часов он будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине. Генеральный секретариат в тот же день подготовил свой ответ, который заканчивался словами: *«Если народные комиссары Великороссии... принудят Генеральный секретариат принять их вызов, то Генеральный секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам»*. Фактически это было равносильно объявлению войны.

В тот же день 4 (17) декабря в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов, в работе которого приняли участие более 2 тысяч делегатов. У большевиков ещё оставалась надежда на мирный переход власти в их руки через вотум недоверия Центральной Раде. Но украинские деятели путём манипулирования квотами делегирования обеспечили на съезде подавляющее большинство своих представителей и большевики оказались в меньшинстве. В результате съезд поддержал Центральную Раду, а большевики вышли из неё и попытались поднять в Киеве под руководством киевского комитета РСДРП (б) во главе с Л. Пятаковым, старшим братом Георгия Пятакова, позже секретаря ЦК КПУ (1918), большевицкое восстание, пресеченное войсками Рады, вдвое превосходившими по численности большевизированные части гарнизона. Через несколько дней, 11—12 (24—25) декабря в Харькове состоялся альтернативный киевскому 1-й Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил Украину Республикой Советов и объявил *«решительную борьбу гибельной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной Рады, обратив все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии»*. 19 декабря 1917 (1 января 1918) года Совет народных комиссаров РСФСР признал Народный секретариат Украинской народной республики советов (УНРС) единственным законным правительством Украины.

Как реакция на попытки Центральной Рады сговориться с поднявшим белогвардейский мятеж на Дону войсковым атаманом Калединым о совместной борьбе с большевиками, В. Ленин и Л. Троцкий от имени Советского правительства России направили Центральной Раде телеграмму, в которой указывалось, что *«прикрываясь национальными фразами, она ведет неопределенную буржуазную политику, которая давно уже определяется непризнанием... Советов и советской власти в Украине»*. Телеграмма ставила Центральную Раду перед выбором: или поддержать борьбу российских большевиков против Каледина и вернуть оружие разоружённым частям, или она будет признана незаконной. В ответ Центральная Рада 12 (25) января 1918 года своим IV Универсалом провозгласила полную независимость УНР от России. В январе 1918 г. делегация УНР во главе с В. Голубовичем самостоятельно участвовала в переговорах о Брест-Литовском мирном договоре наравне с делегацией большевиков во главе с Л. Троцким и вела сепаратные переговоры с представителями Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия).

В это время в руководстве Центральной Рады назревал скандал. Премьер УНР В. К. Винниченко считал, что в конфликте с Совнаркомом виновен Петлюра и что его отставка позволит избежать войны. В киевских газетах была опубликована статья Сталина «К украинцам тыла и фронта», в которой автор прямо указывал на Петлюру как на главного виновника конфликта между УНР и Советской Россией. На заседании правительства УНР 15 (28) декабря 1917 г.

выяснилось, что Украина не готова дать отпор наступлению советских войск. 18 (31) декабря решением Центральной Рады Петлюра был отправлен в отставку, назначенный вместо него экономист Николай Порш был абсолютно не компетентным в военных делах. Затеянная им реорганизация армии деморализовала войска УНР.

Совнарком РСФСР признал советское правительство Украины, которое 4 (17) января 1918 г. приняло решение о наступлении на войска Центральной рады. Винниченко не верил в реальность начавшейся полномасштабной войны и предлагал потребовать от СНК РСФСР прекратить военные действия и отозвать войска.

Тем временем в Киеве большевики, эсэры и рабочие завода «Арсенал» 16 (29) января 1918 г. подняли восстание против Центральной Рады, а в это время продолжалось наступление советских войск из Харькова на Киев. Это была не агрессия России, как твердят украинские националисты, а начало полномасштабной гражданской войны, которая охватила всю территорию бывшей царской России, в которой революционные массы рабочих, солдат и крестьян всех национальностей воевали за свою свободу и идеалы большевицкой революции против враждебных им таких же рабочих, солдат и крестьян, боровшихся против большевиков. Весь народ тогда делился на красных (за большевиков и советскую власть) и остальных – белых, зелёных и пр. (против большевиков) без различия по национальностям.

После блокирования узловых ж.д станций, чтобы не допустить сношения Центральной Рады с Добровольческой армией на Дону, войска Антонова-Овсеенко начали наступление на белых от Харькова и в течение января установили советскую власть в большинстве крупных городов восточной Украины (Екатеринославе, Таганроге, Мариуполе, Одессе).

Наступление советских войск на войска Центральной Рады развивалось в направлении от Харькова на Полтаву при дальнейшем движении на Киев. 6 (19) января 1918 г. Полтава была взята войсками большевиков под командованием начальника штаба Южной группы войск М. Муравьёва, который располагал войсками численностью около семи тысяч пехоты, 26 пушками, 3 броневиками и 2 бронепоездами. Другая группа советских войск заняла в начале января 1918 г. Сумы и Конотоп, а 14 (27) января 1918 года после двухдневных боёв взяла станцию Бахмач. Наступление советских войск по направлению к Нежину на Киев прикрывала небольшая группа украинских войск у ст. Круты. Туда из Киева Центральная Рада направила свои последние резервы – только что мобилизованных необстрелянных студентов и гимназистов. Там 16 (29) января 1918 г. и состоялся бой под Крутами, получивший широкую известность в украинской историографии своими мифами и преувеличенными оценками с чудовищным искажением реальных событий. Этому частному бою, рядовому столкновению в общей военной кампании, украинские историки приписывают громадное значение, выставляя его как пример героизма украинской молодёжи, сложившей свои головы во имя независимости Украины. Бой закончился разгромом украинских частей и бессмысленной гибелью необученной молодёжи, посланной Центральной Радой на убой.

Вот как описывал эти события бывший член Центральной Рады УНР Дмитрий Дорошенко в своих воспоминаниях «Война и революция на Украине»: *«Когда со стороны Бахмача и Чернигова двинулись на Киев большевистские эшелоны, правительство не могло послать для отпора ни единой воинской части. Тогда собрали наскоро отряд из студентов и гимназистов старших классов и бросили их – буквально на убой – навстречу прекрасно вооружённым и многочисленным силам большевиков. Несчастную молодежь довели до станции Круты и высадили здесь на „позиции“. В то время, когда юноши (в большинстве никогда не державшие в руках ружья) бесстрашно выступили против надвигавшихся большевистских отрядов, начальство их, группа офицеров, осталась в поезде и устроила здесь попойку в вагонах; большевики без труда разбили отряд молодежи и погнали его к станции. Увидев опасность, нахо-*

дивившиеся в поезде поспешили дать сигнал к отъезду, не оставшись ни минуты, чтобы захватить с собой бегущих... Путь на Киев был теперь совершенно открыт».

Сами лидеры Центральной Рады, во главе с Грушевским, Петлюрой и Голубовичем так же подло поступили, как и бросившие своих солдат под Крутами офицеры. Убегая от большевиков в январе 1918 г., они не оповестили о необходимости эвакуации рядовых членов Рады и других политических деятелей. Об этом пишет в своих воспоминаниях их соратник Д. Дорошенко. Он боялся, что большевики расстреляют всех оставшихся в городе националистов, включая его самого. Большевики не расстреляли, но факт позорного поведения верхушки Центральной Рады налицо. Так поступают только трусы и предатели! Даже Гитлер не бросил Берлин при крахе своего рейха. А вот деятели Центральной Рады – бросили и подло сбежали. А перед этим послали на убой несчастных студентов, чтобы те прикрывали у станции Круты их позорное бегство. Склонность к предательству со стороны вождей украинских националистов – их отличительная черта.

После возвращения с помощью немецких оккупационных войск Центральной Рады в Киев был и создан миф о сотнях погибших героев, которым прикрывалась некомпетентность и преступное равнодушие руководства Центральной Рады к судьбе посланной на смерть молодёжи. Так писала об этом одна из киевских газет 16 марта 1918 г. в статье «Трагедия в Крутах»: *«Мы хотим обратить внимание общества и украинской власти на ту страшную трагедию, которая произошла около ст. Круты во время приближения большевиков к Киеву. В Крутах погиб цвет украинской учащейся молодёжи. Погибло несколько сотен лучшей интеллигенции – юношей – энтузиастов украинской национальной идеи. Такая утрата для культурной нации была бы тяжёлой; для нашего народа она неизмерима. Виновата в этой трагедии вся система нелепости, всё наше правительство, которое после блестящего социального законодательства, после полугодового администрирования оказалось оставленным народом и армией, и в таком безнадёжном положении решило защититься от хорошо вооружённой большевистской армии несколькими сотнями учащейся молодёжи. Вооружив на скорую руку эти жертвы правительственной легкомысленности, без всякой военной подготовки отправили их в Круты...»*

После заупокойной службы 19 марта 1918 г. состоялись многолюдные похороны в присутствии родных, студентов, гимназистов, солдат и духовенства. С проникновенной траурной речью обратился к собравшимся Михаил Грушевский, скорбя о «сотнях погубленных жизней». В братскую могилу на Аскольдовом кладбище, по данным тогдашней прессы, было опущено 17 гробов. Именно перед траурной церемонией были обнародованы сведения о «сотнях погибших», которые так и не были документально подтверждены. Но этот миф послужил моральным оправданием для инициаторов этой авантюры. Не очень удивлюсь, если со временем станет известно о ведущей роли в этом председателя Центральной Рады Грушевского, который на похоронах семнадцати жертв весьма убедительно изображал сочувствие родным и близким «сотен погибших». Это вполне вписывается в нелестную характеристику жизненного стиля «отца нации», данную его соратниками.

25 августа 2006 года «Мемориал памяти героев Крут» на железнодорожной станции Круты был официально открыт президентом Украины Виктором Ющенко. В его состав входит монумент, символическая могила-курган, часовня, озеро в форме креста, а также музейная экспозиция, расположенная в старинных железнодорожных вагонах.

Вот что пишет доктор исторических наук Валерий Солдатенко: *«В новейшей Украине стало уже обычаем в конце января каждого года привлекать общественное внимание к эпизоду, случившемуся в разгар революционного перелома, – бою под Крутами... Приобретая определённую инерционную самодостаточность, в украинской историографии событие под Крутами получило гипертрофированные оценки, обросло мифами, стало приравняться к известному подвигу спартанцев под Фермопилами, а погибшими все чаще стали называть*

всех 300 юношей, из них 250 студентов и гимназистов. В отсутствие других ярких примеров проявления национального самосознания и жертвенности, к этому событию всё активнее обращаются, реализуя воспитательные мероприятия, особенно в среде молодёжи». Кстати, численность «сотен героической молодёжи» примерно составляла 120 чел. (четыре взвода по 28—30 солдат). Это указано на стр. 136 учебника 11 класса (см. раздел 6).

В январе 1918 г. для обороны Киева Украинская рада располагала не более 1200 солдат надёжных войск, остальные сохраняли нейтралитет либо проявляли враждебность Раде. Тем временем в Киеве 16 января (29 января) 1918 г. большевики, эсэры и рабочие завода «Арсенал» подняли восстание против Центральной Рады, к которому присоединились рабочие других предприятий и часть солдат местного гарнизона. Против них выступило несколько разрозненных частей Центральной Рады, а большинство войск киевского гарнизона сохраняли нейтралитет. В Киеве в это время находилось до 20 тысяч солдат и офицеров бывшей Русской армии, которые остались сторонними наблюдателями. 22 января восстание было подавлено после кровопролитного штурма завода «Арсенал». Через несколько дней в Киев вошли красные отряды под командованием Муравьёва, состоявшие из украинских красногвардейцев, остатков царской армии и отряда матросов-выходцев из Украины. Это была не агрессия России, а начало полномасштабной гражданской войны, которая охватила всю территорию бывшей царской России. А бой под Крутами был мелким эпизодом гражданской войны между вооружённым народом, сражавшимся под разными знамёнами.

В день подавления большевистского восстания на заводе «Арсенал», 22 января (4 февраля) 1918 г. войска Муравьёва подошли к городу и закрепились в Дарнице. 27 января (9 февраля) Киев был взят, а накануне по соглашению о перемирии правительство УНР и трёхтысячный отряд гайдамаков ушли из Киева по Житомирскому шоссе. Войска Муравьёва и другие революционные отряды начали преследование войск Рады, чтобы не допустить закрепления отступающих в Житомире, после чего их остатки собрались в районе небольшого посёлка Сарны на р. Случ.

27 января (9 февраля) 1918 года делегация Центральной рады подписала сепаратный мирный договор с блоком Центральных держав и обратилась к Германии и Австрии с просьбой направить на Украину свои войска для защиты своей власти. Вся территории Украины переходила под юрисдикцию германских и австро-венгерских войск. Во исполнение этого договора большевики были обязаны освободить территорию Украины. В феврале на территорию Украины вступили немецкие и австро-венгерские войска. К концу апреля территория УНР оказалась под контролем немецкой и австро-венгерской армий. Генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн в Киеве возглавил администрацию большинства оккупированных областей Украины, за исключением частей Волынской, Подольской, Херсонской и Екатеринославской губерний, оказавшихся под управлением австро-венгерской военной администрации.

1 марта 1918 года передовые отряды армии УНР – гайдамаков, сечевых стрельцов и запорожцев, под командованием Симона Петлюры вступили в Киев, оккупированный немцами. В Харьков, занятый немцами 7—8 апреля, вместе с ними вступил Запорожский корпус под командованием полковника УНР П. Болбочана. Начальником оккупационного гарнизона в Харькове был назначен генерал Менгельбир.

9 марта в Киев вернулись Рада Народных Министров и Центральная Рада. В столице их встретили сдержанно. 12 марта весь состав кабинета подал в отставку. Новый состав не улучшил ситуации, потому что его члены подбирались келейно по партийному признаку, и «компетентных специалистов в нём насчитывалось не более трёх». К концу марта 1918 г. германское и австро-венгерское командование и иностранные дипломаты убедились в бесперспективности сотрудничества с Центральной Радой, сборищем краснобаев и болтунов.

В период конфликта между СНК Советской России и Центральной Радой в противовес призрачной власти Центральной Рады, не имевшей поддержки широких народных масс, на юге

России появились региональные советские республики. На IV областном съезде советов рабочих депутатов Дон-Кривбасса (27—30 января 1918) в Харькове было провозглашено создание Донецко-Криворожской Советской Республики и присоединение её к Советской России. Территориально ДКСР охватывала современные Сумскую, Харьковскую, Донецкую области, частично Екатеринославскую, Херсонскую губернии и Область Войска Донского. Столицей новообразованной республики стал Харьков. После появления в Харькове немцев правительство Донецко-Криворожской советской республики эвакуировалось в Луганск, а затем в Таганрог.

На части Херсонской и Бессарабской губерний с января по март 1918 г. существовала Одесская народная республика. 19 марта 1918 года состоялся 2-й Всеукраинский съезд Советов в Екатеринославе. Съезд постановил объединить все советские образования на территории Украины в единую Украинскую Советскую Республику в составе Российской советской республики, которая создавалась как федерация Советских национальных республик. При этом ряд представителей Донецко-Криворожской республики (большевики, часть левых эсеров и несколько социал-демократов) сначала не хотели даже признавать, что относятся к Украине, считая свой край исключительно частью России. К маю в связи с оккупацией большей части Украины германскими войсками Украинская Советская Республика прекратила существование.

23 апреля трёхсторонняя комиссия подготовила хозяйственный договор между УНР, Германией и Австро-Венгрией. УНР обязалась поставить Центральным державам 60 млн пудов зерна, 400 млн штук яиц, другую сельскохозяйственную продукцию. Впоследствии в Германию даже вывозились эшелоны украинского чернозёма. Командование немецких и австро-венгерских войск, декларировавшее своё невмешательство во внутренние дела УНР, было разочаровано неспособностью правительства УНР обеспечить вывоз продовольствия в Германию и Австро-Венгрию. 25 апреля по приказу фельдмаршала Г. Эйхгорна в УНР были введены немецкие военно-полевые суды. Центральная Рада выразила протест. 28 апреля немецкий военный патруль захватил здание, где заседала Центральная Рада, арестовал несколько членов Центральной Рады и закрыл заседание. Участник этого заседания Центральной Рады Алексей Гольденвейзер так описал разгон Рады немецким патрулём: *«...с лестницы донёсся шум, дверь в зал растворилась, и... немецкие солдаты... тотчас вошли в зал. Какой-то фельдфебель подскочил к председательскому креслу и на ломаном русском языке крикнул: «По распоряжению германского командования, объявляю всех присутствующих арестованными. Руки вверх!»* Всем депутатам было предложено, предварительно пройдя унизи-тельную процедуру личного обыска, перейти в соседнюю комнату, где они просидели около часа, а затем *«кто-то грубым и насмешливым тоном крикнул нам: «Вон! Расходись по домам!»* 29 апреля практически устранённая от власти Центральная Рада утвердила «Статут о государственном устройстве, правах и вольностях УНР», уже к тому времени не существовавшей даже формально. В тот же день на Всеукраинском съезде хлеборобов, который собрал около 6,5 тысяч делегатов, Павел Скоропадский (1873—1945), бывший генерал-лейтенант царской армии, флигель-адъютант царского двора и крупный землевладелец, был провозглашён гетманом Украины. Государственный переворот с утверждением власти режима Гетманата, поддержанный немецкой военной администрацией, совершился почти бескровно. Страна была переименована в Украинскую Державу.

Перед марионеточным правительством Скоропадского германское оккупационное командование основной задачей поставило обеспечение бесперебойного снабжения продовольственными и другими стратегическими товарами (фураж, уголь) германскую армию и репарационные поставки их в Германию (вплоть до вывозки украинского чернозёма). При Скоропадском были отменены достигнутые в ходе революционного процесса социальные пре-

образования. По всей стране отмечались факты сопротивления селян, недовольных оккупационными порядками. 3 июня 1918 года по призыву украинских эсеров вспыхнуло восстание в Звенигородском и Таращанском уездах Киевской губернии, подавленное карательными отрядами гетмана и оккупационными войсками. 30 июля 1918 года командующий немецкими оккупационными войсками в Украине генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн был убит в Киеве эсером Б. М. Донским, бросившим бомбу.

Режим Скоропадского был скомпрометирован зависимостью от немцев, стремившихся к экономическому грабежу Украины. Гетман был тесно связан с имущими классами, стремившимися повернуть вспять перемены, принесённые революцией. Киевское чиновничество не скрывало своей неприязни к украинской государственности и высказывало желание восстановить единую неделимую Россию.

Всё это привело к ослаблению из без того шаткого положения гетмана, власть которого держалась лишь на немецких штыках. Недовольство населения, главным образом крестьян, вылилось в организацию сельских отрядов самообороны, крестьянских армий и крупных вооружённых бандитских формирований. Всё это привело к анархии, хаосу и общей дестабилизации обстановки в стране, контроль над которой гетман был не в силах установить. Генерал Деникин в своих воспоминаниях описал так ситуацию в 1918 г. на Украине: *«Украинский хаос как можно лучше характеризуется состоянием дел в несчастном Екатеринославе (совр. Днепрпетровск). О нём сообщалось в середине ноября следующее: Город разделён на пять районов. В верхней части расположились добровольческие дружины, в районе городской думы – еврейская самооборона, далее – кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город в кольце большевиков и махновцев».*

И Деникин, и реалистически мыслящий заместитель Грушевского в Центральной Раде В. Винниченко (в отличие от честолюбивого председателя, способного только барственно покраснеть перед депутатами и обожавшего в окружении высших офицеров армии покрасоваться своей окладистой бородой перед шеренгами солдат) лишь в эмиграции ясно поняли, что создание реального государства на Украине возможно было только с введением единовластия, путём подавления всякого сопротивления и консолидации украинского общества вокруг понятной народу идеи, каковой ни Рада, ни Грушевский, ни Петлюра не могли предложить, а украинский национализм, исповедуемый кучкой самозванцев, простому русскому народу был неинтересен. Народ пошёл за большевиками, предложившими мир, свободу от помещиков и землю.

Осенью 1918 г. после поражения Германии в мировой войне начался вывод немецких войск с Украины, и Скоропадский фактически не мог уже рассчитывать на немецкие штыки. В этих условиях гетман Скоропадский 14 ноября 1918 г. назначил новый кабинет, почти полностью состоящий из русских монархистов, и провозгласил Акт Федерации, по которому обязался объединить Украину с будущим небольшевистским российским государством в федерацию. Но это ему было не суждено осуществить. Позже в своих воспоминаниях П. Скоропадский, когда уже не надо было демонстрировать «свидомые» настроения, так объяснял его разногласия со сторонниками самостийности: *«Разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию; у меня этой ненависти нет. Во всем этом гнете, который был так резко проявлен Россией по отношению ко всему украинскому, нельзя обвинять русский народ; это была система правления; народ в этом не принимал никакого участия».*

Слабостью правительства Скоропадского воспользовались бывшие деятели Центральной Рады, которые в Белой Церкви в ноябре 1918 г. образовали Директорию вновь объявленной Украинской народной республики во главе с В. Винниченко, наиболее влиятельным деятелем которой в дальнейшем стал Симон Петлюра. Уже 14 декабря 1918 года войска Директории,

на сторону которой перешли воинские части Скоропадского (сечевые стрельцы Евгена Коновальца и Андрея Мельника, а также сформированная австро-венгерской армией «Сержупанная дивизия»), заняли Киев. Скоропадский бросил своё правительство и позорно бежал с немцами из Киева, переодетый раненым немецким офицером.

Политика взявшей власть в Киеве Директории отличалась своей непоследовательностью и отсутствием единой программы. То она пыталась копировать систему советов большевиков, то использовала органы администрации, оставшиеся от Скоропадского. Похоже, что лидеры Директории не знали, что им делать и чем заниматься. В основном они дискутировали по политическим вопросам, не уделяя внимания насущным проблемам. Симон Петлюра, как военный министр, полностью утратил контроль за армией. Крестьянская армия УНР, собранная в конце 1918 года для ликвидации режима Скоропадского, вскоре разбежалась по домам. В январе 1919 года Днепровская повстанческая дивизия атамана Зелёного, бравшая Киев с петлюровцами, перешла на сторону советской власти. В связи с разногласиями среди членов Директории, её председатель В. Винниченко подал в отставку. С февраля 1919 года фактическим руководителем Директории становится Петлюра. Вскоре Петлюра утратил контроль и над Запорожским корпусом Болбочана. В начале 1919 года армия УНР, потеряв большую часть своих формирований, по боеспособности не представляла в военном отношении какого-нибудь значения. Правительство Директории, понимавшее своё шаткое положение и, готовое в любой момент «дать дёру», размещалось в штабных железнодорожных вагонах и не обладало никакой реальной властью в стране. В то время была популярна шутка: «В вагоне Директория, под вагоном территория». Винниченко позже вспоминал: *«Все наши широкие массы солдат не оказывали большевистским отрядам никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, почти все рабочие каждого города были за них, в селах сельская беднота явно была большевистской, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас».*

В это время на арену гражданской войны вступил ещё один участник: началась интервенция войск Антанты. Ещё в декабре 1917 года Великобритания и Франция разделили территорию России, через которую проходили фронты Первой мировой войны, на сферы влияния. Юг России отошёл к Франции. 2 декабря 1918 г. в Одессе появился первый французский военный корабль, а 15 декабря началась высадка 15-тысячного десанта англо-французских войск. 18 декабря белогвардейские отряды при поддержке французских войск вступили в бой с украинским гарнизоном в Одессе и заставили его покинуть город. Союзники оказывали военную помощь Добровольческой армии Деникина, занявшей к тому времени территорию Кубани, Ставрополя и Северного Кавказа. В январе – начале февраля 1919 года войска Антанты заняли Николаев и Херсон, но в марте под давлением частей Красной армии, которые состояли преимущественно из перешедших на сторону большевиков повстанческих отрядов атамана Григорьева, союзники оставили Херсон и Николаев, а в начале апреля 1919 года были эвакуированы все войска Антанты из Одессы.

С лета 1918 г. активизировались действия против большевиков донских бело-казаков и белогвардейцев, вставших под знамя Добровольческой армии и Донского Войска. Против них действовал Южный фронт красновардейцев под командованием Антонова-Овсеенко.

В такой сложной и непредсказуемой ситуации петлюровское правительство установило контакт с националистическим правительством Западно-Украинской Народной Республики, провозглашенной 3 ноября 1918 г. во Львове Украинским национальным советом на землях бывшей австро-венгерской Галиции. Но уже 6 ноября восставшие поляки контролировали более половины города, а 21 ноября подошедшие регулярные части польской армии полностью захватили Львов. Правительство ЗУНР (Государственный секретариат во главе с К. Левицким) сначала рассчитывало на автономию в составе Австро-Венгрии, а когда та распалась, только что образованное правительство ЗУНР под ударами польской армии бежало в Станислав (ныне

Ивано-Франковск). Тем временем Румыния оккупировала Буковину, а чехословацкие части заняли территорию Закарпатья. К июню 1919 г. Галицкая армия ЗУНР полностью потеряла контроль над территорией республики и 50 тысяч бойцов были вынуждены перейти через р. Збруч на территорию УНР. Правительства обеих украинских республик были на грани катастрофы, и оба надеялись друг на друга.

1 декабря 1918 года делегаты Западно-Украинской Народной Республики и Украинской Народной Республики подписали в Фастове договор об объединении обоих украинских правительств. 22 января 1919 года в Киеве состоялось провозглашение Акта о формальном объединении УНР и ЗУНР на федеративных началах (так называемый Акт Злуки). Эта дата с большим энтузиазмом празднуется сегодня в Украине, как слияние в единой Соборной Украинской Народной Республике двух по сути самозванных Директории УНР и Национального совета (Державного секретариата) ЗУНР. Их никто не избирал, как и Центральную Раду. Попытки их хотя бы формально узаконить посредством каких-то временных, собранных на скорую руку и недееспособных «Трудового Конгресса» для УНР или «Украинского Народного Совета» для ЗУНР, не были доведены до конца в условиях военных действий. Оба правительства потеряли свои территории и висели на волоске.

Правительство ЗУНР, потеряв всю свою территорию, представляло собой группу изгоев с министерскими портфелями, но без народа и без страны, рассчитывавших на военную помощь Петлюры. Директория УНР с Петлюрой во главе сидела в Киеве в вагонах поезда, готовая в любой момент дать сигнал к отъезду, в ожидании наступления или большевиков, или Деникинской Добровольческой армии, или войск Антанты, высадивших в декабре 1918 г. десант в Одессе, и с небоеспособным сбродом вместо армии рассчитывала на помощь Галицкой армии. Поэтому правительства только что объединившихся «государств» стремились надуть друг друга.

В конце 1918 г. рабоче-крестьянское правительство Украины, учитывая сложную военно-политическую обстановку, предложило Директории союз с целью объединения усилий для противодействия десанту Антанты и белогвардейцам формируемой на Дону Добровольческой армии генерала Деникина. Директория не согласилась на мирные предложения и объединение с Временным рабоче-крестьянским правительством Украины во главе с Г. Пятаковым и 16 января 1919 года с перепугу объявила войну Советской России. В январе 1919 г. началось наступление войск большевиков на Директорию силами двух украинских повстанческих дивизий, сформированных ранее для борьбы против режима Скоропадского. В январе-апреле 1919 года основные вооружённые силы Директории были разгромлены украинскими советскими войсками. 5 февраля советские части вошли в Киев, а в марте 1919 г. выгнанный большевиками из Киева Петлюра, прижатый к реке Збруч, начал переговоры с польским правительством, которому в обмен на военную помощь против Советов обещал отдать Галицию и Волынь (т.е. продавал полякам население ЗУНР). Со своей стороны командующий Галицкой армией генерал Мирон Тарнавский начал переговоры о переходе на сторону белогвардейских Вооружённых сил Юга России с главнокомандующим генерал-лейтенантом Антоном Деникиным, который не признавал независимости Украины и УНР, а воевал за неделимую Россию. По этим соглашениям (Зятковские соглашения, ноябрь 1919 г.) командующий Галицкой армии генерал-четарь Мирон Тарнавский передавал армию ЗУНР в полном составе в подчинение Добровольческой армии и таким образом предал своих партнёров в УНР, которые вскоре предали ЗУНР, заключив петлюровский договор с поляками. Таким образом оба украинских «правительства» в склонности к взаимному предательству стоили друг друга. Поэтому День Злуки на самом деле является днём национального позора, хотя и празднуется в совре-

менной националистической Украине с большой помпой. Это у националистов такая традиция праздновать позорные поражения за неимением побед!

Но на этом дело не закончилось. Прибывшие 7 ноября 1919 г. в ставку Галицкой армии представители ВСЮР узнали, что подписанный в Зятковцах генералом Тарнавским договор руководством ЗУНР и УНР не признаётся. На следующий день на совещании главного атамана УНР Симона Петлюры, президента ЗУНР Евгения Петрушевича и других высших политических руководителей обеих республик было решено предать военно-полевому суду Тарнавского и других участников переговоров с Добровольческой армией.

Но через 2 дня части Добровольческой армии нанесли удар на Жмеринку и прервали связь правительства ЗУНР в Каменце-Подольском с петлюровской армией. Петлюра при этом сообщил новому командующему Галицкой армии генералу Осипу Микитке, что в отместку за договор ГА с ВСЮР он заключил перемирие с поляками. Взбешённый Петрушевич потребовал отстранить Петлюру от руководства УНР и разрешил командованию ГА продолжать переговоры с Добровольческой армией. Петлюровцы восприняли заключение галичанами соглашения с белыми как акт национальной измены.

Полевой суд над Тарнавским и его соучастниками 13 ноября закончился частичным оправданием подсудимых, а уже 17 ноября 1919 г. делегация ГА подписала аналогичный первому договор с командующим Одесского белогвардейского гарнизона генералом Николаем Шиллингом, наотрез отказавшимся вести переговоры с петлюровцами. 16 ноября польские войска согласно договору с Петлюрой подошли к крепости Каменец-Подольский и Петрушевич во главе правительства ЗУНР под охраной сотни стрельцов бежал в Румынию, а затем в Вену.

Описание последовательного хода событий Гражданской войны, которое мы прервали отступлением, связанным с Актом Злуки, продолжаем с марта 1919 г., когда потерявший контроль над ситуацией Петлюра начал переговоры с польским правительством Пилсудского о помощи против Красной армии и в конце концов бежал в Варшаву. К маю 1919 года почти вся территория Украины в границах бывшей Российской империи контролировалась войсками Красной армии. Но окончательно добить петлюровские войска Красной армии помешало наступление белой армии Деникина.

Политика военного коммунизма и особенно продразвёрстка, начатая большевиками, в скором времени вызвала массовое недовольство крестьян. Весной 1919 г. всю Украину охватили крестьянские волнения, поддержанные партизанскими отрядами Никифора Григорьева и анархиста Нестора Махно. Одновременно перед большевиками стояла нелёгкая задача сдерживать белые армии ВСЮР, которые к февралю 1919 г. разгромили на Северном Кавказе 90-тысячную 11-ю армию РККА и в мае 1919 г. стали захватывать юг России в ходе борьбы против Южного фронта Красной армии. Они прорвали фронт красных и перешли в наступление, нанося главный удар на Харьков. В мае-июне белыми был полностью занят Донбасс и Крым. Нависла угроза взятия Харькова, где в марте состоялся Третий Всеукраинский съезд Советов, на котором было провозглашено создание Украинской советской социалистической республики (УССР) как самостоятельного государства. Председателем ЦИК УССР был избран Григорий Петровский, председателем СНК УССР – Христиан Раковский.

В июне Добровольческой армией были взяты Екатеринослав и Харьков. Дальнейшее основное наступление белых планировалось на Москву. В то же время южная группировка войск ВСЮР продолжала наступать в направлении Херсона, Николаева и Одессы, которую белые взяли в августе 1919 г. Общее катастрофическое положение советской власти усугубляло восстание Чехословацкого корпуса в Поволжье и на Урале – вооружённое выступление

бывших пленных австро-венгерской армии в мае – августе 1918 года, а в Сибири – наступление армии Колчака.

Добровольческая армия превосходила по составу Красную армию и над советской властью нависла угроза военного поражения на всех фронтах гражданской войны. Войска белых к осени 1919 г. составляли около 270 тысяч штыков (600 орудий, 38 танков, 72 самолёта). Пяти-тысячной группе белых войск генерала Николая Бредова была поставлена задача взять Киев. 18 (31) августа группа войск Бредова, продвигаясь с юга вдоль берега Днепра, достигла Киева, выбила из города части остатки Красной армии и вытеснила вошедшие в Киев одновременно с частями ВСЮР объединённые остатки Галицкой армии и армии УНР. Конфликт в Киеве привёл к объявлению 11 (24) сентября 1919 г. Директорией войны белогвардейцам ВСЮР, которые нанесли ряд ощутимых поражений петлюровской и галицийской армиям, в результате чего они утратили всякую боеспособность. Петлюровское руководство Директории, отказавшееся договариваться с белыми, бросило свой правительственный поезд на станции Гречаны (у г. Проскуров, совр. Хмельницкий) в конце ноября, и перешло на нелегальное положение. Армия УНР перестала существовать, а её остатки пытались пробиваться на юг через белогвардейские тылы.

Военные победы Добровольческой армии в ходе её наступления в 1919 г. привели к тому, что к ноябрю 1919 года большая часть территории Украины в границах бывшей Российской империи контролировалась силами белого движения. В мае-июне ими был занят Донбасс, Екатеринослав, Харьков. Войска Деникина рвались к Москве, 6 октября они взяли Воронеж, 13 октября – Орёл и угрожали Туле. Большевики были близки к поражению.

Летом 1919 г. на юге Украины активизировалась крестьянская армия Нестора Махно, заключившего военное соглашение с Красной армией по совместной борьбе с войсками белогвардейцев. В середине июля Махно возглавил Реввоенсовет армии Украины. Это способствовало перелому в гражданской войне и успеху Красной армии, усиленной переброшенной с польского фронта латышской стрелковой дивизией. Поздней осенью 1919 г. началось контрнаступление Красной армии на орловско-курском направлении, начавшей теснить белых. Начавшееся в октябре-ноябре 1919 года наступление большевиков развивалось стремительно. В конце ноября-начале декабря 1919 года войска РККА, преследуя отступающие части Деникина, вошли с севера на территорию Украины. 12 декабря 1919 года советские войска взяли Харьков, 14 декабря ими был взят Киев.

Зимой 1919/20 года деникинские войска оставили Донбасс, Ростов-на-Дону. В феврале – марте 1920 года они понесли поражение в битве за Кубань, после чего казачьи части Кубанской армии разложились окончательно и стали массово сдаваться в плен красным или переходить на сторону «зелёных», что повлекло за собой развал фронта белых и отступление Белой армии к Новороссийску. Остатки белых армий весной 1920 года, были эвакуированы из Новороссийска в Крым, где были сформированы в апреле в Русскую армию под командованием генерал-лейтенанта Петра Врангеля. Генерал Деникин ушёл в отставку и покинул Россию.

Среди частей Галицкой армии, оставшихся на юге Украины, солдаты открыто высказывались о необходимости мира между ЗУНР и Россией. В середине января 1920 года в Виннице, в месте расположения руководства Галицкой армии, произошло восстание революционного комитета, который выступил за сотрудничество УГА с большевиками. Комитет наладил связи с местными большевиками и в марте 1920 года из бывшей Украинской Галицкой армии были сформированы три самостоятельные бригады, которые вошли в состав Красной армии. Восточная Украина почти полностью перешла под контроль большевиков к концу декабря 1919 года, центральная и правобережная Украина были заняты в начале 1920 года. Осенью 1920 года Красная армия ворвалась в Крым. Под её ударами белая армия и множество гражданских беженцев на кораблях Черноморского флота с крымского побережья отплыли в Кон-

стантинополь. Общая численность покинувших Крым белых составила около 150 тысяч человек.

В начале 1920 г. согласно договору Петлюры с Польшей польские войска оккупировали Галицию и Волынь и угрожали Советской Украине. После длительных безуспешных дипломатических усилий большевиков польско-петлюровские войска 5—6 марта 1920 года перешли в наступление, взяв Мозырь и Калинковичи и отрезав железнодорожное сообщение с Украиной, куда массово перебрасывались большевицкие войска.

17 апреля 1920 года Юзефом Пилсудским был утверждён план наступления на Украине, конечной целью которого было занятие Киева. 6 мая 1920 года польские войска вступили в Киев, а 8—9 мая захватили плацдарм на левом берегу Днепра.

2—3 июня 1920 года началось наступление советских войск с продвижением в тыл польским войскам из района Белой Церкви, а также форсирование Днепра у Киева. 12 июня большевики взяли Киев. Активно развивая наступление, войска Юго-Западного фронта к 10 июля вышли на рубеж Сарны – Ровно – Проскуров – Каменец-Подольский, а к августу достигли Вислы. На подступах к Варшаве советские войска были остановлены и разбиты, после чего поляки к 18 августа 1920 года перешли в ответное контр наступление на всём протяжении фронта. Во второй половине сентября 1920 года советские войска, отступая, отошли за пограничную реку Збруч. 18 марта 1921 года был подписан Рижский мирный договор, согласно которому была завершена советско-польская война, а граница между УССР и Польшей была установлена по реке Збруч. На этом в основном закончилась гражданская война на Украине.

Таким образом период 1917—1920 гг. на территории современной Украины был острой борьбой за власть с калейдоскопической сменой национально ориентированных самозванных правительств при вооружённых конфликтах между различными политическими, национальными и социальными группами, ставших результатом Февральской и Октябрьской революций 1917 года в Российской империи, а также вспыхнувшей на её территории Гражданской войны. На Украине свирепствовала безграничная анархия, жесточайшее гражданское противостояние и безвластие. Почти одновременно действовали шесть армий, принадлежавших разным силам: украинская, большевицкая, белая, польская, войска Антанты и повстанческие крестьянские формирования разной численности и ориентации, включая анархистов и мелкие бандитские шайки деклассированных элементов. Менее чем за год Киев переходил из рук в руки пять раз. Города и целые районы были отрезаны друг от друга многочисленными фронтами. Голодающие города опустели, их жители рассеялись по деревням в поисках продуктов. Сёла в буквальном смысле слова забаррикадировались от непрошенных гостей. Тут и там появлялись вооружённые банды и целые никому не подчинявшиеся крестьянские армии со своими атаманами-батками типа Григорьева около Херсона или Нестора Махно в районе Гуляй-Поле, которые поддерживали то одних, то других. Все эти события братоубийственной войны завершились установлением советской власти и образованием Украинской ССР на большей части территории современной Украины.

Учёный, критик, публицист и историк Михаил Драгоманов (1841—1895) в своих воспоминаниях, возможно, с запоздалым сожалением признавался: *«Мы, украинские демократы, были искренне и безоглядно влюблены в московскую демократию. Мы твердо ей верили. Верили, что ее идеалы, идеи, интересы тождественны с нашими. Таким образом российская демократическая революция является также и украинской, и поэтому украинцы должны ее защищать. Любое отделение Украины от демократической России считали мы бессмысленным, предательским, губительным для самой же Украины. Лозунг украинской государственной независимости мы единодушно и с возмущением отвергали, отрицали».*

Драгоманову противоречат другие националисты в эмиграции, которые считали причиной неудачи попыток создать Украинскую народную республику в 1917—1919 гг. предательство украинских демократов, ориентировавшихся на действия российских революционеров: *«Катастрофа 1917—1922 годов была наказанием Украины за то, что ее национальные вожди отrekliсь от украинских национальных интересов»*. Это справедливо в отношении буржуазных Центральной Рады и Директории, чьи лозунги о национальной автономии были продиктованы главным образом стремлением их оторванных от народа мелко-буржуазных лидеров к личной власти и не имели ничего общего с национальными интересами подавляющей массы крестьянского населения, считавшего себя единым народом с русскими остальной России и не ведавшими, что их называют почему-то украинцами. Ну что могло быть общего у «отца нации» Михаила Грушевского или других его соратников по Раде или Директории и селянина любой на выбор малороссийской волости? Не было никакой связи с кучкой интеллигентских деятелей и у всего народа Малороссии. Симон Петлюра в своих эмигрантских воспоминаниях, когда уже не надо было кривить душой и проявлять «национальное сознание руководителя украинского народа», путая народ и «национально сведомое общество», откровенно писал: *«В идеалах и практических постулатах украинского общества, начиная с Кирилло-Мефодиевского братства и вплоть до наших дней, национальное развитие части украинского народа, вошедшей в состав России, всегда мыслилось в пределах последней и в тесном союзе с народом, населяющим ее»*.

Фактически такой же гражданской войной, аналогичной гражданской войне в России после революции 1917 г., является так называемая Антитеррористическая операция на Донбассе 2014—2016 гг., вопреки трактовке узурпировавшего власть в начале 2014 г. националистического галицкого меньшинства, которое рассматривает ополченцев Донбасса бандитами и недочеловеками. В то же время, даже при поверхностном сравнении, бросается в глаза характерное отличие в вовлечённых в военные действия социальных групп населения. Во время гражданской войны начала XX в. против основной массы населения, поддерживавшей советскую власть, воевали сравнительно небольшие группы населения Российской империи, стремившиеся сохранить монархический или буржуазный строй в России – белогвардейцы, белое движение. В то время на Украине на социальную революцию наложились лозунги национальной автономии и самостоятельности, выдвигавшиеся одержимыми «украинской идеей» буржуазными националистами, не имевшими поддержки у народных масс. В начале XXI в. против не желавшей терять связи с Россией основной массы населения Украины действовали заранее подготовленные и поддержанные западными антироссийскими политическими кругами агрессивные националистические отряды последователей бандеровской идеологии, установившие по сути националистическую диктатуру в стране. Прикрываясь лживыми ультрапатриотическими лозунгами, они служили орудием заокеанских хозяев по «сдерживанию» возрождавшейся и всё более восстанавливавшей свой статус мировой державы Российской Федерации. Современная гражданская война на Донбассе, являясь показателем национально-политического противостояния среди населения самой Украины, служит просто инструментом давления на Россию Запада, использующего народ Украины как разменную монету в многовековом стремлении англо-саксов подавить Россию и завладеть её громадной территорией и природными богатствами. Все остальные призывы (часто высосанные из пальца и иногда граничащие с истерикой) западных политиков и СМИ к «демократизации, свободе слова и борьбе за права человека» в России, служат просто дымовой завесой и прикрытием этой главной цели.

* * *

Продолжение раздела 1.

Стр. 139. *«Грушевский уже 27 марта прибыл в Киев, и с его прибытием украинское движение в Киеве сразу ощутило опытную и авторитетную руку своего рулевого. Никто в тот момент не подходил больше для роли национального вождя, чем Грушевский, никто даже и сравниться не мог с ним по авторитету и тому уважению, которым окружало его все украинское общество». (Дмитрий Дорошенко).*

Михаил Сергеевич Грушевский (1866—1934) – украинский историк, политический деятель, один из лидеров украинского национального движения, завоевавший себе среди украинских националистов репутацию «отца нации» своим многотомным трудом «История Украины-Руси», где были заложены основы сфальсифицированной истории Украины и который послужил важной вехой в истории украинского сепаратизма в XX веке. При этом тот, кто читал этот труд в оригинале на украинском языке, которым Грушевский, по собственному признанию, владел плохо, не мог не отметить, что язык его произведения выглядит как намеренное издевательство над украинским языком. Форменная белиберда! (по отзыву современника). Спрашивается, зачем писать научный «эпохальный» труд на языке, которого не знаешь?

Киевский историк, славист, археограф А. В. Стороженко считал, что заказчиком трудов Грушевского в период его деятельности на посту профессора Львовского университета были власти Австро-Венгрии. Вена тогда очень нуждалась в идеологах, способных противостоять набиравшему силу движению русофилов и заложить «научные основы» истории ещё только создаваемого украинского народа. И его заказчики не приняли бы историю Украины, написанную на русском. Вот и пришлось Грушевскому как умел выкручиваться. Бывший заместитель Михаила Сергеевича по Центральной раде Сергей Ефремов, просто за голову хватался, жалуясь на *«безмежну нудоту, яка охоплює, коли читаєш його праці. Фактів наверхало силу силенну, а серед них жодної Аріадниної нитки.. До того ж розволіклість, переживування десятками разів (буквально!) одного і того самого»* (рус. «безграничную скукоту, которая охватывает, когда читаешь его труды. Фактов накрутил множество, а среди них ни одной ариадниной нити... К тому же разбросанность, пережевывание десятками раз (буквально!) одного и того же».)

Грушевский всю свою жизнь был не очень разборчив в средствах, обладая манией величия, стремлением к славе и не страдая от скромности. В возрасте 28 лет тщеславный молодой историк, спекулируя на враждебных отношениях к России австрийских властей, предлагает им свои услуги и получает кафедру истории в Львовском университете, где в 1904 г. ему сооружается прижизненный бронзовый бюст. Он принимается за наукообразное обоснование бредовой исторической концепции первородности «украинства», необходимой австрийцам в их идеологическом противостоянии Российской империи. Вся эта концепция сводилась в сущности к трём голословным утверждениям:

– Украинцы ведут своё происхождение от древних укров и под именем антов существовали ещё в VI веке нашей эры.

– Варяжского пришествия в Киев не было.

– В старину украинцы назывались «руськими», а Украина – Русью, но во времена политического упадка это имя «было присвоено великороссийским народом», который не имел отношения к древней Руси, а появился на исторической сцене гораздо позже. Грушевский обнаружил «украинские племена» и «украинских князей» в те времена, когда ни русских, ни австрийцев ещё и на свете не существовало. Вот откуда пошли сказки про «египетские похождения казаков под руководством славного гетмана Александра Македонченко»!

Выполняя этот щедро оплачиваемый австрийцами политический заказ, «корифей украинства» нагло использовал наработки своего учителя В. Антоновича и анонимную «Историю Русов». Этот, приписываемый то архиепископу Конисскому, то Григорию Полетике труд, многие профессиональные историки характеризовали как прекрасное художественное произведение или политический памфлет, имеющий мало общего с историческими фактами, т.е. баналь-

ный художественный вымысел. Грушевский добавил к этой основе свои придумки истории «древних украинцев» и, в надежде выцыганить у австрийцев побольше денег, «разбавил» свой труд до 8 томов.

Используя щедрое австрийское финансирование, он без стеснения увеличивал своё материальное благосостояние, приобретая особняки и доходные дома во Львове и Киеве. Не случайно в 1914 г. М. Грушевский, сохранявший связи с австрийскими властями, был арестован в Киеве царской охранкой по обвинению в австрофильстве и за участие в создании легиона украинских сечевых стрельцов для австрийской армии был сослан в Симбирск. В 1917 г. Грушевский был избран председателем Центральной Рады. После поражения Директории в марте 1919 г. Грушевский бежал в Австрию под крылышко своих хозяев. Но он всегда следовал политической конъюнктуре и, когда послевоенная лишившаяся имперского достоинства Австрия потеряла интерес к Грушевскому, по окончании Гражданской войны он позорно запросился в Россию, раскаиваясь в своих прежних заблуждениях, лакейски признавая ошибки и заверяя в любви. Советская власть, стремившаяся расколоть враждебную себе украинскую эмиграцию, поманила бывшего «отца нации», сыграв на его тщеславии и корыстолюбии. После нескольких обращений Грушевского к украинскому советскому правительству, в которых он осуждал свою контрреволюционную деятельность, ВУЦИК в 1924 году разрешил ему вернуться на Родину для научной работы и предложил занять пост президента Всеукраинской академии наук. Ключнув на это предложение и возвратившись в Советскую Украину, Грушевский предал своих бывших друзей по украинской державной идеологии, для которых стал политическим трупом, как охарактеризовал этот шаг экс-председателя Центральной Рады бывший министр УНР Никита Шаповал. С тех пор украинские националисты считали его подлым предателем национальной украинской идеи. После назначения завкафедрой украинской истории в ВУАН он трудоустроил туда свою жену и племянника. Будучи непомерно тщеславным, договаривался с руководством страны с каким пафосом и размахом отпраздновать 40-летие своей научной деятельности. Неприглядные поступки Грушевского и его сомнительные личные качества отмечали многие его современники.

Известный историк Сергей Ефремов писал в своем дневнике о закулисных интригах Грушевского в ВУАН: *«Клубок гадюк какой-то завелся. Клоака вонючая, которая отравляет вокруг себя воздух».*

В. Винниченко о научной работе своего коллеги в дневнике записал: *«Написать 8 томов истории Украины – вещь, разумеется, важная. Правда, ни ничуть не гениальная, даже не талантливая. Читать ее можно в наказание..».* А о самом Грушевском отозвался откровенно: *«Завистливый, нечестный старичок».*

Украинский поэт Александр Олесь аналогично охарактеризовал личность М. Грушевского: *«Лукавий, хитрый був дідок».*

Современный украинский публицист, дочь известного писателя и правозащитника Александра Бердника (1926—2003), Мирослава Бердник называет М. Грушевского мифотворцем и интриганом. [12]

После ареста в 1931г. М. Грушевский в ГПУ признался в антисоветской деятельности Украинского национального центра и, как его идейный вождь, сдал всех участников, которые были репрессированы. Сам «корифей» отделался лёгким испугом и отличился способностью перешагивать через трупы. В конце 1930-х годов его антирусские псевдоисторические труды, написанные по заказу венского двора, были изъяты из обращения. Грушевский не знал, что в XXI в. продолжатели исторических фантазий автора «Истории Украины-Руси» отряхнут с них пыль и доведут до абсурда, приписав «древним укрпам» все достижения человечества, вплоть до создания египетских пирамид и изобретения колеса.

Имя Грушевского стало снова восстанавливаться в сомнительном пантеоне «героев украинской нации» с возрождением национализма в независимой Украине. С фактами необъектив-

ной идеализации и неумеренного восхваления так называемых «борцов за украинскую идею» нам ещё предстоит не раз столкнуться в учебниках и дальше.

Стр. 140. *«...Старик с большой серебряной бородой – живой символ несокрушимой воли украинского народа к национальному возрождению, профессор М. Грушевский шел в первых рядах манифестантов».*

Какой же это старик? «Живому символу несокрушимой воли» было всего 51 год. А «несокрушимая воля» использовалась главным образом для приспособленчества и личного обогащения молодого тщеславного и циничного бородача.

Стр. 145. *«Сколько времени прошло от создания Украинской Центральной Рады и объединения ЗУНР и УНР в одно государство?»*

И здесь выдается желаемое за действительное. Ни о каком государстве в этот период не может быть речи. Провозглашение государства может служить фактом его основания только, если государство начало свое функционирование как реальный организм. Центральная Рада УНР не обладала всей полнотой власти на Украине, находившейся в хаосе продолжавшейся гражданской войны. По словам главы Генерального секретариата Дмитрия Дорошенко, в 1917 г. *«во всех крупных центрах власть правительства Центральной рады существовала к концу года лишь номинально».* В конце апреля 1918 года Центральная рада была разогнана немецкими оккупационными властями, а власть перешла в результате государственного переворота к немецкому ставленнику гетману П. П. Скоропадскому.

Точно так и формальное провозглашение объединения УНР и ЗУНР (так называемый Акт Злуки) не может рассматриваться как создание государства. Это была просто политическая декларация, и не более того. Помпезное празднование «Акта Злуки» в современной Украине не соответствует значению самого договора между самозванными правительствами УНР и ЗУНР, руководители каждого из которых пытались обмануть друг друга. Подробнее см. главу «Гражданская война на Украине в 1917—1920 гг.»

Стр. 146. *«Почему голод 30-х годов в Украине называют словом „голодомор“?»*

Это название придумано в независимой Украине для квалификации голода 1932—1933 гг. как «геноцида украинского народа большевиками», с переносом вины на русский народ или «российский империализм» согласно идеологии украинского национализма. Подробнее см. главу «О голодоморе».

О голодоморе

*Ложь успеваает обойти полмира,
пока правда надевает штаны.*

Уинстон Черчилль

Вокруг страшной трагедии – голода в Советском Союзе в 1930-х годах на Украине не прекращаются политические спекуляции. Украинские националисты яростно доказывают, что это был геноцид украинского народа. Истреблять работников снабжавших страну хлебом – такую чушь могли выдумать только люди со злыми намерениями, поскольку рабочих рук в стране тогда не хватало. Это наглое враньё, имеющее единственную цель: возбудить ненависть к советской власти для успеха десоветизации современной Украины и усиления антироссийских настроений в националистических кругах украинского общества. О том, что голод был устроен намеренно, как спланированный геноцид украинского народа, документальные свидетельства отсутствуют, а о предпринимаемых мерах по спасению голодающего населения – имеются многочисленные.

Сергей Аксёненко в книге «Украинский национализм», описывая обвинения националистов в намеренном характере голода, замечал: *«Сталин был прагматиком. Мог ли этот человек в напряжённый период индустриализации всерьёз желать того, чтобы было уничтожено население региона, где производится большая часть продовольствия страны? Чтобы Украина стала безлюдной?... Может Сталин хотел уничтожить украинцев и „быстренько“ заселить освободившиеся территории новыми хлеборобами?... а кем Сталин хотел заселить, освободившиеся от украинцев, территории? Кем – русскими, грузинами, евреями, казахами?... националисты намекают на то, что это русские... но такого количества людей, чтобы заселить новые территории, в стране просто не было. Рабочих рук и без того катастрофически не хватало».* И Аксёненко на простых примерах показал, что у руководства СССР не было никаких причин устраивать геноцид украинского народа. Более того, спасать от голода стали в первую очередь украинцев. Сталин писал Л. Кагановичу в пик голода в августе 1932 г.: *«Как видно из материалов, о сокращении плана хлебазаготовок будут говорить с ЦК не только украинцы, но и северо-кавказцы, Средняя Волга, Западная Сибирь, Казахстан и Башкирия. Советую удовлетворить пока только украинцев, сократив им план на 30 миллионов и лишь, в крайнем случае, на 35—40 миллионов. Что касается остальных, разговор с ними отложите на самый конец августа».* В других письмах Сталин давал указание: *«...Нужно взять лишь пострадавшие колхозы, скосив им в среднем 50% плана. Индивидуалам скосить лишь 1/3 или даже 1/4 плана... Ввиду тяжелого положения на Украине считаем совершенно необходимым срочное привлечение войск, как к уборочной, так и пропашной работе».* [9]

Если замена развёрстки продналогом в начале 1920-х годов в своё время способствовала заинтересованности крестьян в результатах своего труда и, как результат, вызвала увеличение сельско-хозяйственного производства, то директивное сворачивание НЭП и курс большевиков на коллективизацию к концу десятилетия привели к обратному эффекту, к существенному уменьшению объёма государственных закупок сельско-хозяйственной продукции, что усугубилось снижением урожайности из-за неблагоприятных пару лет погодных условий.

В XX веке в России голодные годы, вызванные периодическими неблагоприятными погодными условиями, приходились на 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911 и 1913 гг. Они объяснялись кроме неурожая также низким общим уровнем продовольственной безопасности, сильно зависящим от урожайности зерновых культур. Неустойчивость русских урожаев – прежде всего результат неблагоприятных климатических условий. При этом наиболее плодородные районы отличаются особой неравномерностью осадков. К этому добавилась общая эко-

номическая разруха и убыль мужского населения на селе в результате Первой мировой и в ходе Гражданской войны.

На нехватку зерна повлиял и недостаток тягловой силы для посевных работ в результате реквизиции и гибели лошадей во время Гражданской войны, а отсутствие транспорта для перевозки собранного зерна в приспособленные хранилища приводило к большим потерям зерна при хранении. Всё это вместе с засухой в южных районах привело к тому, что сбор зерна в 1931 г. сократился в целом на 30%, в том числе примерно на 9% на Украине, на 10% на Северном Кавказе, на 27% в Казахстане, на 40% в Поволжье и на 50% в Приуралье.

В связи с тем, что в 1927 г. произошло резкое снижение объёма хлебозаготовок, на XV съезде ВКП (б), проходившем со 2 по 19 декабря 1927 года, было принято решение о проведении коллективизации сельскохозяйственного производства в СССР – ликвидации единоличных крестьянских хозяйств и объединении их в коллективные хозяйства (колхозы). Коллективизация сопровождалась кампанией против «кулацких элементов», сопротивлявшихся обобществлению единоличных хозяйств. В начале процесса коллективизации распространились слухи о том, что крестьяне придерживают хлеб, желая взвинтить цены на сельхозпродукцию, что подтверждалось завышенными цифрами статистики, свидетельствующими о наличии у крестьян припрятанных запасов зерна. Кроме того в 1926—1927 гг. группа ответственных работников партийного аппарата ВКП (б), так называемая «левая оппозиция», затем «объединённая оппозиция» во главе с Львом Троцким (Лейба Бронштейн) и позже присоединившимися Григорием Зиновьевым (Овсей-Гершен Аронович Радомысльский) и Львом Каменевым (Розенфельд) требовала обратить внимание на кулацкую опасность и ввести для зажиточных крестьян принудительное изъятие хлеба по твёрдым ценам. На практике это привело к значительному увеличению масштабов изъятия излишков хлеба и усилению репрессий не только против крепких «кулацких» хозяйств, но и против середняков, что выполнялось местными органами власти на основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Эта кампания была названа «раскулачиванием» и сопровождалась «перегибами», политическими репрессиями, кровавыми расправами с несогласными, принудительным выселением целых семей в отдалённые районы Сибири, кулацкими бунтами и крестьянскими восстаниями. Принудительная коллективизация привела к массовому сопротивлению крестьянства. В одном только марте 1930 года ОГПУ насчитало 6.500 бунтов, восемьсот из которых было подавлено с применением оружия. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14 тысячах выступлений против коллективизации. В ответ власти применили жёсткие меры подавления и усилили репрессии. Согласно приказу ОГПУ №44.21 от 6 февраля 1930 года, началась операция по «изъятию» 60 тысяч кулаков «первой категории». Всего за 1930—1931 годы, как указано в справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, было отправлено на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. За 1932—1940 годы в спецпоселения прибыло ещё 489 822 раскулаченных.

В 1931 году в пяти регионах СССР – Западной Сибири, Казахстане, на Урале, на Средней и Нижней Волге и на Украине – был неурожай вследствие засухи, что значительно сократило хлебные ресурсы страны. Некомпетентная политика в сельском хозяйстве сделала положение критическим. В 1932 году последовал ещё больший спад производства продуктов питания, прежде всего за счёт основных хлебопроизводящих районов СССР – зерновых районов УССР и Кубани. К началу осени 1932 года страна испытывала трудности с обеспечением городского населения продовольствием. К началу весны 1933 года голодали Западная Сибирь, Казахстан, Урал, Средняя и Нижняя Волга, Центрально-Чернозёмный Округ, Украина и Северный Кавказ.

В результате коллективизации и раскулачивания резко упало сельско-хозяйственное производство, а насильственная экспроприация запасов зерновых под видом «изъятия излишков»

привела к тому, что в 1932—1933 гг. в зерносеющих районах страны (Украина, Среднее Поволжье, Кубань, Северный Кавказ, Белоруссия, Южный Урал, Западная Сибирь и Казахстан) разразился массовый голод, который унёс жизни миллионов советских граждан (по разным оценкам, от четырёх до восьми миллионов человек). В независимой Украине это было названо «голодомором» и трактуется как искусственно созданный советской властью голод с целью намеренного уничтожения украинского народа (геноцида).

Однако имеющиеся документы опровергают намеренный характер действий советского руководства по целенаправленному уничтожению украинского населения. Так, 2 марта 1930 года Сталин опубликовал в «Правде» статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», в которой он возлагал ответственность на чрезмерно ретивых исполнителей. А начиная с лета 1932 года, государство выделило голодающим районам обширную помощь в виде так называемых «продовольственных ссуд» и «семенных ссуд», планы хлебозаготовок неоднократно снижались, но даже в сниженном виде были сорваны. В архивах находится шифротелеграмма секретаря Днепропетровского обкома Менделя Хатаевича от 27 июня 1933 года, с просьбой выделить области дополнительно 50 тыс. пудов хлеба, с резолюцией Сталина: «Надо дать. И. Ст.»

В публикациях, изданных непосредственно сразу после произошедшего, основными причинами возникновения массового голода указываются: конфискация всех продуктов питания у крестьян; повторный значительный неурожай; катастрофическое положение сельского хозяйства; отсутствие полной объективной и своевременной информации о состоянии дел на местах; несостоятельность системы планирования, учёта и контроля; неэффективность системы снабжения и распределения. Эти объективные причины не предполагали какого-либо намеренного плана по уничтожению именно населения Украины, а влияли абсолютно одинаково на все пострадавшие от голода регионы страны, приведя повсеместно к значительным человеческим жертвам.

Количество крестьян, погибших от голода на Украине, по данным энциклопедии «Британника», составило от 4 до 5 млн, а всего в СССР в этот период от голода умерло от 6 до 8 млн человек. Энциклопедия Брокгауза приводит цифры жертв голода от 4 до 7 миллионов человек. Исследователь Н. Ивницкий указывает, что, помимо Украины, голод имел место также на Северном Кавказе, в Поволжье, Центрально-Чернозёмной области, Урале, Сибири. Л. Кучма в книге «Украина – не Россия» свидетельствует: *«Так было во всех хлебосеющих районах СССР»*. Л. Кучма без надрыва враждебности к русским взвешенно и откровенно описывает реальные события голодомора 1932—1933 гг. и на Украине, и в центральных областях России, и в Поволжье, одинаково страдавших от общего несчастья, по всей стране вызванного силовой конфискацией хлебопродуктов, организованном местными советскими и партийными органами и проводившейся местными заготовителями и их активными помощниками на местах. Тяжёлый голод имел место в Казахстане и многие местные жители были вынуждены массово откочевать на сопредельные территории. Писатель Михаил Шолохов напрямую обращался к Сталину с просьбой помочь продовольствием голодающим Северо-Кавказского края и Молотову было дано указание оказать помощь. При этом Сталин в ответном письме писателю признавал, что *«иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма»*.

Об успехах коллективизации и раскулачивания секретарь ЦК КП (б) Украины Станислав Косиор в декабре 1932 г. докладывал Сталину, упоминая и о негативных моментах этой кампании. Политбюро ЦК ВКП (б) 4 июля 1933 г. приняло постановление, признавшее «перегибы» в ходе коллективизации. Один из наиболее ретивых исполнителей, Пашинский, был исключён из партии и приговорён к расстрелу. В том же году, несмотря на людские потери от голода, снижение престижа крестьянского труда, массовую миграцию сельского населения в города, в том числе и в связи с трудовыми потребностями начинавшейся индустриализации страны в первой

пятилетке, в результате коллективизации посевные площади увеличились и, хотя объём сельскохозяйственной продукции снизился, но продовольственное обеспечение населения в целом к 1933 г. выправилось и последствия голода были преодолены, когда погодные условия благоприятствовали и удалось собрать неплохой урожай хлеба.

На XVII съезде ВКП (б) (1934) руководители УССР выступили с резкой критикой своих методов руководства республикой, «подменной эффективного управления голым администрированием и репрессивными методами», утрате контроля над ситуацией на местах, перекосе в сторону технических культур и несоблюдении базовых принципов ведения сельского хозяйства, приведших к значительному снижению урожайности. Сталин писал в шифровке Кагановичу и Молотову 2 июля 1932 г. о неудовлетворительной деятельности украинских руководителей: *«Чубарь своей разложённостью и оппортунистическим нутром и Косиор... преступно-легкомысленным отношением к делу – загубят в конце Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам. У меня создалось впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих, – и Чубаря и Косиора»*. К руководству СССР и лично к Сталину во всяком случае не может относиться обвинение в преднамеренной организации голода, выдвинутое Верховной радой в 2006 г. Да и остальных указанных при этом советских и партийных руководителей СССР и УССР могут обвинять в сознательном планировании голода только украинские националисты. Документы свидетельствуют, что в связи со сложной ситуацией в сельском хозяйстве УССР, запланированные в 1931 году заготовки по крестьянскому сектору в размере 434 млн пудов были снижены до 356 млн пудов (5831,3 тыс. тонн). На совещании Политбюро КП (б) Украины 6 июля 1932 года, все члены Политбюро, включая Скрыпника, высказались за снижение плана хлебозаготовок, ссылаясь на недосев зерновых на 2,2 млн га и гибель озимых на 0,8 млн га. И 21 июля было выполнено перераспределение плана хлебозаготовок по предложению Любченко и Чубаря со уменьшением по единоличным хозяйствам. А 25 июля Сталин направляет Молотову и Кагановичу телеграмму о необходимости дополнительного снижения плана хлебозаготовок для наиболее пострадавшего от неурожая Правобережья УССР на 30—40 млн пудов. 29 октября 1932 года выходит Постановление Политбюро ЦК ВКП (б), в котором указывалось: *«Согласиться с предложением т. Молотова и ЦК КП (б) Украины о дополнительном снижении плана хлебозаготовок по Украине на 70 млн пудов»*. (Википедия. Голод на Украине (1932—1933). Эти данные, разоблачающие беспардонное враньё обличителей в голодоморе руководства страны, никогда не приводились в украинских публикациях.

Во время каждой годовщины голода 1930-х годов (как будто можно определить чёткую дату его начала!) украинские телеканалы показывают кинохронику с худыми детьми и бесильно лежащими на дорогах голодающими. И этими постановочными съёмками пытаются доказать зрителям, что это было снято в 1930-е годы, когда реально киносъёмки могли выполняться только профессиональными журналистами, да и то только с ведома и по заданию государственных органов информации. Даже фотоаппараты у простого населения в то время были фантастикой. Поэтому обилие кинокадров при крайне ограниченном количестве фотодокументов (большинство сомнительного происхождения) свидетельствует о намеренной фальсификации и злостной спекуляции на людском несчастье, не брезгуя подлогом и ложью.

Необходимо отметить, что в те же годы голод был не только на Украине и других, указанных выше регионах Советского Союза, но и в других странах. Голодало население Западной Украины в составе Польши, о чём в то время писала западная пресса и о чём предпочитают молчать националисты, так как это не вписывается в их идею о «геноциде». Голод 1930-х годов во многих странах был результатом великой депрессии – всемирного экономического кризиса, усугублённого неурожайными годами из-за неблагоприятных погодных условий во многих регионах мира. Причём в США в конце 1920-х годов голодали американские рабочие и без-

работные, которых погибло гораздо больше, чем в Украине. Оттуда и была взята часть фотокино-«доказательств» о голоде на Украине, опубликованных в украинских СМИ.

Таким образом обвинение в целенаправленном голоде только на Украине является фальшивкой, т.е. миф о «голодоморе» 1932—1933 гг. является злостной фальсификацией современных украинских националистов по разжиганию патологической ненависти к России и советской власти. По их версии, начавшей усиленно муссироваться после получения независимости, голодомор 1932—1933 годов был организован Москвой специально, чтобы «подавить волю украинцев к независимости».

В 2006 году, во времена президента Ющенко, Службой безопасности Украины было рассекречено более 5000 страниц государственных архивов о Голодоморе. Однако, реальных документов, удостоверяющих факты массовой смертности населения, найдено не было, несмотря на «усиленные поиски» крайне заинтересованных в этом украинских исследователей, в том числе непосредственно занимавшегося этой темой историка Владимира Вятровича. В украинских архивах практически даже не было найдено бесспорных фотографий голода 1930-х. На Украине не найдено и массовых захоронений умерших от истощения стариков и детей, которые должны были бы быть в случае массовой гибели людей. И в ход пошли спекуляции на эту тему, а также фальсификация документальных свидетельств. Для обоснования факта голодомора украинские власти и ангажированные укро-учёные использовали много фальшивок. Иногда вместо «обнаруженных списков» жертв голодомора публиковались старые списки избирателей тех времён или «воспоминания» пожилых людей, якобы свидетелей, переживших голод в младенческом возрасте, которые не могли вообще помнить то время.

Спекулируя на «голодоморе», националисты утверждают:

– В украинских сёлах люди умирали от голода, а в русских областях крестьяне голода не ощущали. Это враньё. Русские крестьяне, как и казахи, и крестьяне других национальностей в пострадавших от голода регионах СССР также умирали голодной смертью.

– Для предотвращения миграции массы сельского населения в города украинские сёла огораживали колючей проволокой с оцеплением из солдат. Эти сочинённые для большего впечатления мифы являются просто банальной выдумкой.

– У крестьян отбирали паспорта, чтобы не допускать их в города. У крестьян вообще не было паспортов, ни при царизме, ни при советской власти.

За неимением достоверных демографических данных того периода, численность потерь среди украинцев оценивают очень по-разному: от 1,8 млн до 7,5 млн. Среди учёных также нет единого мнения относительно общего числа смертей от голода в СССР в 1932—1933 годах. Некоторые иностранные историки говорят о 5,5—8 миллионах погибших, утверждая, что более половины из них были украинцами.

По оценкам современных демографов из Национального института демографических исследований (франц. INED, Institut national d'études démographiques), вероятный размер сверхсмертности для Украинской ССР в 1933 году составил 2,2 миллиона человек. В публикациях и фильмах североамериканской диаспоры, а также с трибун отдельных украинских политиков озвучиваются цифры в 7, 8, 10 миллионов. Демографы из INED отмечают очевидную завышенность цифр 3,5 и 5 миллионов.

Американский историк Тимоти Снайдер возмущался враньём президента Виктора Ющенко, который в одном из выступлений говорил о *«10 миллионах смертей и втрое завысил количество погибших украинцев»*. По подсчётам Института демографии и социальных исследований Национальной академии наук Украины, жертв голода было 3,2 млн.

Согласно заключению специальной комиссии при ГДРФ от голода в СССР погибло около 7 млн человек. (Википедия)

Доктор исторических наук украинский профессор Станислав Кульчицкий в 1988 г. возглавлял специальную комиссию по расследованию голода 1932—1933 гг. В вышедшем в результате работы комиссии докладе «1933: трагедия голода», опубликованном в марте 1988 года в «Украинском историческом журнале», Кульчицкий писал, что представление об организованном голоде на Украине не только глубоко ошибочное, но и «иррациональное», то есть антинаучное, и что, хотя с продуктами питания в 1932—1933 годах были серьёзные проблемы, но усилиями властей смертность от голода была минимизирована. В докладе говорилось, что осенью 1932 года в Украине было почти 25 тысяч колхозов, которым власть выдвинула завышенные планы хлебозаготовок. Несмотря на это, 1500 коллективных хозяйств сумели выполнить эти планы и не попали под карательные санкции, поэтому смертельного голода на их территориях не было. Как отмечал С. Кульчицкий, *«Едва ли можно утверждать, что в национальной политике в СССР не было ошибок или отклонений. Имели место серьёзнейшие, широкомасштабные и трагические ошибки. Однако, несмотря на это, все попытки выделить страдания украинского народа путём затушевывания или преуменьшения тягот, выпавших на долю других наций (а именно этот способ избирается украинскими националистами, особенно когда речь заходит о русских), несут на себе отпечаток недостатка сознательности со стороны исследователей, а также их очевидной склонности к фальсификации».*

Выводы комиссии снимали с правящей коммунистической партии обвинения в организации голода. После 1991 года Кульчицкий коренным образом изменил направленность своих историко-идеологических работ, став руководителем рабочей группы историков при правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН-УПА. Современные работы С. Кульчицкого преимущественно посвящены попыткам обоснования героизации и реабилитации ОУН-УПА и теории о «голодоморе-геноциде украинского народа». Канадский историк Джон-Пол Химка сказал о нём: *«Кульчицкий облачает в академическую оболочку возжелания и стремления власть имущих».* А академик НАН Украины Пётр Толочко высказался о Кульчицком ещё точнее, что он *«скользит по верхам, обслуживая современную политическую конъюнктуру, живя по принципу: чего угодно? А сегодня „угодно“ провозгласить голодомор геноцидом украинского народа – и он это делает».*

Большинство работ исследователей голодомора написаны в США и Канаде в 1960—1970-е годы украинскими эмигрантами-националистами и основаны на устных рассказах нескольких «чудом выживших очевидцев». Тогда же в печатных трудах украинских эмигрантов впервые и появился термин «голодомор» для голода 1932—1933 гг., который якобы устроили «клятые москали», чтобы уморить несчастных украинцев.

В тот период советские газеты регулярно публиковали списки районов, сёл, колхозов, предприятий или даже отдельных лиц, не выполнявших планов по заготовке продовольствия. Право вносить сёла и коллективы в такой список имели областные комитеты ЦК Компартии Украины по представлению районных и сельских ячеек. Иными словами, формально это была инициатива снизу. А партийное и советское руководство УССР тех времен в основном состояло из лиц коренной национальности. Именно эти люди стояли во главе республики и её областей во время голода.

В 2006 году украинская Верховная рада официально признала голодомор геноцидом украинского народа. Количество погибших от голода на Украине (3 миллиона 941 тысяча человек, неизвестно как подсчитанные научно-демографической экспертизой, проведенной Институтом демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины) легло в обвинительную часть приговора Апелляционного суда г. Киева от 13 января 2010 года по делу в отношении организаторов массового голода 1932—1933 годов в Украинской ССР – Иосифа Сталина и других представителей власти СССР и УССР. Признаны лично виновными в голодоморе были Сталин, Молотов, Каганович, Косиор, Чубарь, Хатаевич, Постышев. Решения принимало руководство партии, их выполняли все уровни партийно-советского аппарата вплоть

до сельских, но эти решения, конечно, не могли содержать каких-то преднамеренных планов по организации голода именно для истребления украинского населения. Это несусветная чушь! А количество жертв, как выразился профессор Кульчицкий, «было взято с потолка».

Организованные украинскими властями «выставки фотодокументов Голодомора» использовали фотографии голода в Поволжье в начале 1920-х годов или в США во время великой депрессии, выдавая их за съёмки на Украине в 1930-х годах. А. Бушков писал, что *«иные снимки «умирающих от голода украинцев» на самом деле запечатлели голодающих Поволжья (1922 г.) и даже... изможденных американских безработных времен Великой депрессии (1929 г.)»* И это не выдумки современных критиков. В 1935 году американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: *«В германской и австрийской прессе развязана голодоморная пропаганда о несчастных жертвах Советского голода. ... некоторые фотографии были сделаны раньше в 1921 году во время голода на Волге. Это излюбленный приём антибольшевистской пропаганды»*. То есть снова разыгрывание «украинской карты» австро-германскими правительственными кругами. Например, фото с выставки СБУ (ноябрь 2006 г.) с надписью «Они собирались в Харьков за хлебом. 1933» сделано в Поволжье в 1921 г.

После обнаружения подлога с фотографиями из Поволжья и Америки остались только фотографии из коллекции кардинала Теодора Инницера, бывшего в 1930-х годах пастырем украинцев-католиков в Австрии, который имел тесные связи с нацистским руководством Германии. Фотографии из коллекции Инницера сделаны австрийским инженером А. Винербергером в Харькове и являются единственными настоящими фотографиями, сделанными в 1932—1933 гг. во время голода. Сейчас его 23 фотографии доступны на сайте госархива Украины (http://www.garethjones.org/soviet_articles/thomas_walker/~muss_russland_hungern.htm) и показывают мёртвых людей на улицах Харькова, что служит доказательством реальности голода. Снимки Винербергера впервые опубликованы в Вене в 1935 г. в книге доктора Эвальда Амменде «Должна ли голодать Россия?». Их оригиналы (около 100 негативов) до сих пор хранятся в Архиве Венской епархии в коллекции кардинала Теодора Инницера. В Украине эти снимки были впервые опубликованы в 2007 г. Все остальные, которые появлялись на организованных СБУ фотовыставках 2006 г. или ранее, являлись обычно фотографиями голода в Поволжье в 1921—1923 гг., принадлежащими, как правило, норвежскому полярному исследователю Фритьофу Нансену, посетившему голодающие районы России по заданию Красного Креста в 1921 году, а другие – фальшивками СБУ.

О мёртвых и умирающих людях в 1931 г. на улицах Харькова и Сталино (бывшая Юзовка, совр. Донецк) сообщал также английский консультант по советской индустриализации Гарет Джонс, контролировавший доставку машин и оборудования на советские стройки. Наиболее часто он бывал на востоке Украины, где английские компании оборудовали угольные шахты и паровозоремонтные депо. В архивах советской разведки он значился как шпион, были зафиксированы несколько его контактов с лидерами троцкистской оппозиции в СССР – с Христианом Раковским, Карлом Радеком.

Странным в фотографиях Винербергера является более всего то, что он единственный человек из сотен иностранцев, посещавших столицу УССР Харьков, кто сфотографировал покойника на улице и которому попались несколько десятков таких покойников, а другим не попалось ни одного. Так не бывает. Скорее всего инженер Винербергер выполнял спецзаказ кардинала Инницера, а фотографии являлись поддельными или постановочными. Иначе о трупах на улицах одного из крупных городов СССР трубил бы весь мир, а журналисты не упустили бы случай сделать фоторепортаж на этой сенсации. Да и Сталин бы не допустил, чтобы столица Украины была усеяна трупами людей. Использование этих фотографий Винербергера как раз дезавуирует утверждение националистов о том, что голодомор был геноцидом украинцев, так как Харьков – это в основном русскоговорящий город с преимущественно русским

населением. А это единственные реальные «свидетельства голодомора», другие давно разоблачены как фальшивки.

В конце 1932 и начале 1933 г. правительство СССР начало кампанию по выявлению вредителей в высшем руководстве сельского хозяйства, в результате 75 человек были осуждены за «левацкие перегибы» заготовительных кампаний 1931 и 1932 годов. 19 марта 1933 года выходит Циркуляр Главного Политического Управления УССР №65/СПО «О мероприятиях в связи с продовольственными затруднениями в некоторых районах», в котором указывалось, что *«ЦК партии вынес ряд решений об оказании немедленной продовольственной помощи нуждающимся...»*

Публикацию материалов с обвинениями руководства СССР и клеветой по поводу голода в стране осуществляла в основном немецкая пресса. 18 августа 1933 выходит немецкая нацистская газета Voelkisher Beobachter с фотографиями кардинала Инницера, иллюстрировавшими якобы продолжающийся голод в СССР. В связи с тем, что в западной прессе набирала обороты информационная истерия по этому поводу, в начале сентября 1933 г. советская сторона организовала ознакомительные поездки для журналистов и известных персон западного мира в регионы, пострадавшие от голода начала 1933 г. Отчеты побывавших там журналистов подтверждали официальную советскую информацию о том, что голода действительно нет и урожай действительно высок.

Тем не менее в конце декабря 1933 г. в Вене под председательством кардинала Теодора Инницера состоялась «Международная и межконфессиональная конференция по вопросу голода в СССР», где в очередной раз было провозглашено о продолжающемся в СССР голоде и звучали фальшивые призывы к оказанию помощи. В то же время в США «делегация украинцев Америки» пыталась добиться направления комиссии в СССР с целью изучения имевшегося в текущий момент голода. Тема намеренно организованного голода ещё долго продолжала использоваться как украинскими эмигрантскими кругами в США и Канаде, так и нацистской Германией. Так, в 1934 и 1935 годах в прессе был инициирован ряд публикаций о голоде в СССР, якобы в то время продолжавшемся.

В 1950—1980 гг. время от времени появлялись западные публикации на тему голодомора, «намеренно организованного Москвой для подавления сопротивления Советско-Русскому угнетению и Русскому империализму» и «унесшего жизнь более 7 миллионов этнических украинцев». Выходили десятки статей в различных изданиях, организовывались симпозиумы, проходили демонстрации под лозунгами, обвиняющими «Кремль в геноциде». 21 марта 1984 года в сенат США был внесён законопроект о создании комиссии по расследованию массового голода на Украине со стороны «империи зла» с финансированием более 3 млн долларов из госбюджета США. Шабаш продолжался!

Между тем Международная комиссия по расследованию голода на Украине – инициированная и фактически финансируемая «Всемирным конгрессом свободных украинцев» (создан в 1960-х годах для формирования «единого антибольшевистского фронта» при поддержке различных спецслужб западных стран), в результате рассмотрения в 1988—1989 гг. материалов и документов пришла к выводу: *«Комиссия на основе представленных доказательств не смогла обнаружить и подтвердить существование плана по организации голода на Украине».*

Казалось бы уже можно было поставить точку и прекратить инсинуации на тему голодомора. Но украинским националистам неймётся и они то и дело оживляют похороненные мифы. Неуклюжие попытки их воскресить показывают всю несостоятельность бредовой теории голодомора, как «геноцида» и политических спекуляций на смертях погибших и страданиях выживших и их потомков. Но украинский национализм не может существовать без идеологической подпитки своих апологетов постоянными антироссийскими акциями, без чего он начинает выдыхаться. В интервью главному редактору «Полярной Звезды» Дмитрию Родину укра-

инский политолог Андрей Ваджра сказал: *«Государственный культ голодомора это духовно-психологическая агония украинства»*. Всё труднее поддерживать старые и придумывать новые ксенофобские мифы, поэтому «украинская идея» постепенно деградирует и теряет в глазах своих сторонников прежнюю привлекательность. А эти мифы рушатся один за другим, оставаясь инструментом националистов-фанатиков.

В отчёте Международной конференции «Историческая и политическая проблема массового голода в СССР 30-х годов» (2008 год, Москва) сказано: *«Мало сказать, что не обнаружен ни один документ, подтверждающий концепцию „голодомор-геноцид“ в Украине или хотя бы намёк в документах на этнические мотивы случившегося, в том числе на Украине. Абсолютно весь массив документов свидетельствует о том, что главным врагом советской власти в то время был враг не по этническому признаку, а по признаку классовому»*.

Наряду с жульническими подлогами с кино- и фотодocumentами на тему о голодоморе исключительно на Украине, тенденциозности «демографических расчётов» количества погибших и замалчивании такого же голода в других районах СССР в 1932—1933 гг., ряд исследователей считают, что на голод в те годы повлияли крайне неблагоприятные объективные условия, совершенно не зависящие от какой-либо злой воли тогдашнего руководства СССР или Украины, обвинённых националистами в создании искусственного голодомора. Эти условия естественного характера, возникшие не сразу, а назревавшие многие годы и даже десятилетия, подробно описаны в работе С. Миронина и С. Покровского «Голодомор? – Предупреждение!». [63] Коротко они сводятся к следующему:

1. Голод, сопровождавшийся болезнями, затронул в основном производящие пшеницу районы и обошёл стороной нечернозёмные области России, в основном специализирующие из зерновых культур на ржи из-за менее благоприятных региональных погодных условий (меньше солнца, больше влажности).

2. Система сельского хозяйства Правобережной Украины XIX в. с сохранившимися в значительной мере крупными латифундиями польских магнатов, применявших научные приёмы в хозяйстве под наблюдением европейских агрономов, но использовавших рабский труд безземельных крепостных крестьян, не способствовала традиционно-наследственной передаче крестьянских навыков рачительного хозяйствования на земле, что привело после отмены в 1861 г. крепостного права к наделению крестьян землёй, которой они не умели правильно распорядиться и обеспечивать сельско-хозяйственное воспроизводство, применяя примитивные приёмы обработки почвы, что без севооборота сильно обедняло даже чернозёмы с падением урожайности главной зерновой культуры южных районов – пшеницы.

3. Такое же примитивное земледелие с массой беглых крестьян с Правобережья стало распространяться и в районах Слобожанщины, чему способствовало массовое оказачивание пришлого населения и миграция коренного крестьянства в более северные русские области. Приёмы рачительного хозяйствования в Малороссии были утрачены.

4. Способствовал экстенсивному земледелию и экспортный пшеничный бум конца XIX века, когда крестьянские хозяйства южных производящих пшеницу районов не уделяли внимания севообороту, стремясь извлечь больше выгоды из отощавшей земли, применяли обмолот зерна в полевых условиях и не строили хозяйственных помещений для его долговременного хранения. Пшеница превратилась в монокультуру при отсутствии средств борьбы с сорняками. Всё это привело к уничтожению на чернозёмном юге России крестьянского уклада жизни и грамотного крестьянствования на фоне массы малоземельных и безлошадных хозяйств на Украине, не располагавших необходимым инвентарём и хозяйственными постройками.

5. Аналогичное положение сложилось и в Области Войска Донского после ликвидации в 1917 г. крупных помещичьих хозяйств и отсутствии навыков товарного производства в казачьих станицах с основной функцией в виде военной службы казаков в русской армии.

6. Это не затронуло традиционных, сложившихся веками приёмов хозяйствования на землях русского крестьянства центральных регионов России, где погодные условия позволяли вместо пшеницы выращивать лишь рожь с сушкой сжатых снопов в овинах и лучшей сохранностью зерна, а также регулярным севооборотом с использованием посевов бобовых или гречихи для борьбы с сорняками и поддержания урожайности полей. А гречиха опыляется только пчёлами и правильное хозяйствование требовало развития пчеловодства с устройствами для содержания ульев в зимний период, т.е. многоотраслевого земледелия.

7. В центральной России земельная реформа 1861 г. привела к разрушению общинного уклада жизни и появлению более слабых молодых хозяйств, где до некоторой степени также утрачивались сохраняемые стариками знания рачительного хозяйствования.

8. Ситуация в конце 1920-х годов осложнилась привычкой защиты от постоянных реквизиций продовольствия и лошадей во время Гражданской войны и последующей революционной продразвёрстки путём повсеместного припрятывания зерна в ямах в земле, где от сырости зерно приходило в негодность с развитием гнилостных процессов с образованием спорыньи и грибковой плесени.

Высокий процент спорыньи в хлебе в прошлом регулярно вызывал массовые отравления, которые списывали на эпидемии, о чём регулярно сообщали дореволюционные газеты. Причём небольшое содержание спорыньи в зерне и муке крестьянами считалось полезным для лучшего сбраживания теста и подъёма квашни. По заключению авторов исследования, наблюдавшийся повсеместно характер состояния опухших трупов умерших людей свидетельствовал не о голодной смерти, а об их отравлении при повышенном содержании спорыньи, что явилось главной причиной смертей крестьянского населения во время голода 1932—1933 гг.

9. Сырую среднюю полосу России ржаная спорынья преследовала постоянно. На более сухом и тёплом юге эпидемии спорыньи (эрготизма) случались реже, но никто не считал до этого спорынью опасной, кроме образованных людей типа земских врачей, которые от невзгод военного времени покинули сельскую местность. Помочь заболевшим было некому. А токсичность спорыньи на пшенице гораздо выше.

10. Для создания условий развития эпидемии эрготизма необходима влажная погода и существенный объём заражённых ею посевных площадей. В 1931—1932 гг. повсеместное засорение земель стало реальностью. Выдались эти года с повышенной против среднего влажностью. А массовый саботаж вступавших в колхозы крестьян привёл к позднему севу, что и дало возможность успешного заражения спорыньей молодых ростков пшеницы. А затем процесс развился в земляных ямах, куда прятали зерно про запас. Алкалоиды спорыньи поражают в первую очередь печень. Она перестаёт вырабатывать белок, который препятствует выходу воды из кровеносных сосудов в брюшину и под кожный покров, способствуя опуханию. В ямах с подопревшим зерном развивались и другие грибки, одним из продуктов жизнедеятельности которых является афлатоксин, поражающий печень и вызывающий нарушение координации движений, судороги конечностей, отёки и водянки. По сообщениям органов ГПУ, нередко были случаи, когда в доме с трупами хозяев находили существенные запасы подпорченного плесенью, но вполне с виду пригодного для питания зерна. Значит, дело было не в голодной смерти, а в отсутствии медицинского обслуживания и широком распространения микотоксикозов (отравлении спорыньей и афлатоксином), о чём свидетельствовали вздутые животы и скрюченные гангренозные конечности трупов.

Далее авторы работы утверждают, что правительство страны в 1932 г. предпринимало усилия именно по борьбе против спорыньи: *«В августе 1932 года Наркомзем выпустил предписание принять срочные меры по борьбе с спорыньей. Это предписание отражало секретные распоряжения и доклады ОГПУ о том, что имеются массовые случаи заражения зерна спо-*

рыньей, сопровождающиеся заболеваниями и смертями среди крестьян, употреблявших зараженное зерно».

А за этим следует главный вывод о причинах голода. Ими было массовое припрятывание зерна крестьянами. Но такая массовая повсеместная кампания по сокрытию зерновых запасов не могла охватить такие громадные пространства без намеренных слухов, распускаемых неким заказчиком. И авторы монографии считают таким заказчиком широко разветвлённое сословие хлебозаготовителей и хлеботорговцев, озабоченных увеличением своих прибылей, значительно упавших после свёртывания НЭП и курса на коллективизацию сельского хозяйства, которое грозило вообще лишить их барышей в связи с прямой сдачей хлеба государству. Они и распространяли провокационные слухи, которые привели к массовому припрятыванию зерна.

Таким образом, миф о том, что голод на Украине в 1932—33 годах был искусственно спровоцирован правительством СССР для намеренного уничтожения украинцев, как о том твердит националистическая пропаганда, является наглой ложью. Используя архивные документы можно убедиться в обратном, что советское правительство и лично Сталин сделали всё возможное в то непростое время, чтобы предотвратить голод на Украине, даже в ущерб другим районам СССР, также пострадавшим от голода. Не имеют под собой никаких оснований обвинения в массовой продаже за рубеж зерна и другого продовольственного сырья для обеспечения индустриализации страны, что якобы вызвало необходимость реквизиции зерна у крестьян. Наоборот, если взять данные по экспорту зерна из СССР в материалах Лондонской конференции 1933 г. стран-экспортёров пшеницы, то окажется, что при установленной норме экспорта в 50 млн бушелей, т.е. 1430 тысяч тн (1 бушель = 28,6 кг), в 1932 году было вывезено лишь 17 млн. бушелей, т.е. 486 тысяч тн., а поставки муки в Палестину, Кипр и др. страны, составлявшие в 1931 г. 714 тонн, в 1932 г. были вообще прекращены на 3 года. В то же время в 1932 г. в связи с неурожаем было закуплено в других странах 138 тысяч тонн зерна и 67 тысяч тонн риса (против импорта в 1931 г. 172 тонн зерна), по сравнению с 1931 годом импорт крупного и мелкого рогатого скота увеличился в 2,4 раза и 3,8 раза соответственно, импорт мяса и мясопродуктов увеличился в 4,8 раза.

Голод 1930-х годов – это великая трагедия советского народа, поэтому очень кощунственными выглядят грязные инсинуации на эту тему, когда эту общегосударственную катастрофу объявляют геноцидом против украинцев, сея рознь между украинским и русским народом, умалчивая, что от голода пострадали не только украинцы, но и русские, казахи и люди многих других национальностей.

* * *

Продолжение раздела 1

Стр. 146. *«Вспоминают ли в вашей семье события Великой Отечественной войны? Нужно ли помнить о трагических страницах истории? Почему? Как надо относиться к людям, которые пережили войну?»*

Значит не всё усвоили школьники из учебников! Скорей всего учителя не обратили их внимания на эти вопросы. А их очень уместно задать современной украинской молодёжи, поддерживающей бесчинства националистов-бандеровцев против ветеранов Великой Отечественной войны, особенно в Западной Украине. Во время всенародных праздников Дня Победы 9 мая молодчики из националистических организаций срывали гергиевские ленточки с ветеранов и осуществляли против них насильственные действия с целью препятствовать посещению ими мемориальных комплексов и возложению цветов к памятникам погибшим советским воинам. Зато указом Порошенко в 2014 г. установлен альтернативный «День памяти и прими-

рения», который будет отмечаться 8 мая, когда будут чествовать бывших полицейев, бандеровских бандитов УПА и эсэсовцев дивизии «Галиция». Это ли ни глумление над памятью погибших советских воинов, надругательство над их могилами и издевательство над немногими ещё живыми ветеранами?

Стр.150. *«В лесах Сумщины и Черниговщины действовали сотни партизанских отрядов, крупные партизанские соединения под командованием Сидора Ковпака, Алексея Федорова и др. На Волыни и в Полесье развернулось широкое повстанческое движение самообороны. Была создана Украинская повстанческая армия (УПА)».*

А вот и первая ложь об УПА. Сначала говорится о партизанском движении против немецких оккупантов, а следом – информация о националистической Украинской Повстанческой Армии, которая якобы тоже боролась с немцами. На самом деле УПА вместе с немцами боролась против советских партизан. Она была создана летом 1943 г. на базе боевиков ОУН и существовавшей на Западной Украине с 1920 г. нелегальной Украинской войсковой организации (УВО), которая с начала 30-х годов входила в состав ОУН как военная резиденатура. Целью УПА являлась вооружённая поддержка немецкой оккупационной армии на территории СССР и борьба с Красной армией путём шпионажа и диверсий. Даже в немецких военных архивах не содержится сведений о вооружённой борьбе УПА с немцами. Всё, что распространяется в националистической литературе на этот счёт, является чистейшим вымыслом. Несколько небольших стычек связано со случайным нападением бандеровцев на немецкие обозы с целью грабежа. Наоборот, до войны руководство УПА старалось скрыть от рядовых боевиков свою тесную связь с германским руководством и немецкими разведслужбами. Бандера понимал, что сотрудничество с нацистами бросает зловещую чёрную тень на «светлые идеалы национализма» и украинский народ может это не принять. Таков удел всех предателей, втихую продающих свою страну за спиной народа, прикрываясь ультра-патриотическими лозунгами. Правду о зверствах УПА читайте в главе «ОУН во Второй мировой войне».

ОУН во Второй мировой войне

*Вы с поганцем своим Бандерою
Мы ж – с Отчизной святой и верою!
Вы скулите, правды не ведая,
Вы – с войною, а мы – с победою!..*

Из ответов Насте Дмитрук.

Для правильной оценки роли украинских националистов в преступлениях против народа Украины полезно рассмотреть истоки и становление ОУН, как инструмента австро-немецких спецслужб, заинтересованных в использовании её для подрывной антисоветской деятельности. Без этого сложно понять то, что происходит в XXI в. на Украине.

Самые ранние предпосылки к украинскому национализму появились в написанном в середине XIX в. Николаем Костомаровым программном документе Кирилло-Мефодиевского братства «Закон Божий. Книга бытия украинского народа», когда такой народ существовал только в головах членов братства, состоявшего к осени 1846 г. из 12 человек и ко времени их ареста находившегося в стадии организации. При общей прогрессивной направленности программы на отмену крепостничества, сословного неравенства и создание конфедеративного панславянского объединения в противовес «онемеченной династии Романовых» и засилью иностранцев в России, кирилло-мефодиевцы выступали за национальную независимость Малороссии, по выражению П. Кулиша, «от владычества Москвы, убивающей народность Украины». Поэт, публицист, философ, член-корреспондент Петербургской академии наук А. С. Хомяков (1804—1860) в письме к Самарину от 30 мая 1847 года писал: «Малороссиян, по-видимому, заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость... Не знаю, до какой степени преступно заблуждение бедных малороссиян, а знаю, что бестолковость их очень ясна».

Учитывая отсутствие реальных противоправных действий «заговорщиков», царская власть постаралась приуменьшить опасность намерений членов Кирилло-Мефодиевского братства, а Третье жандармское управление выдало осуждённому на ссылку по 200 рублей «подъёмных» каждому и компенсации приехавшим в Петербург их родственникам за оплату дорожных расходов в оба конца и даже жалование Костомарова и Кулиша за время заключения. Такие царские жандармы были «кровожадные»!

Украинское националистическое движение, реально проявившееся на территории Западной Украины к началу XX в., в Галиции же и получило естественное развитие, где после завершения гражданской и советско-польской войн воцарилась власть польской администрации, которую коренное русинское население, вынужденное после геноцида в 1914—1915 гг. принять название украинцев, не признавало законной, надеясь на получение автономии, зависившей от решения послов Антанты, заседавших в Версале. Этому способствовало также зарождение фашизма в Западной Европе и развитие «украинской идеи» в трудах эмигрантов-интеллектуалов из Украинского свободного университета в Праге, позже в Мюнхене и в канадской школе украинистики. После 1920 года в зарубежье находилось много украинских политических эмигрантов, воспринявших идеи украинского национализма. В это время наиболее радикальные националистические круги Галиции начали тактику саботажа польских государственных учреждений и террор против польских правительственных чиновников, игнорировавших интересы коренного населения, при декларировании их прав в конституции и на международном уровне. Положение ещё больше обострилось, когда был признан суверенитет Польши над Восточной Галицией.

В 1920-е годы в Западной Украине были распространены просоветские настроения как реакция на поддержку западными государствами польской репрессивной политики. Народ привлекали успехи украинизации и положительные тенденции в общем улучшении социально-экономической жизни в Советской Украине. Параллельно с этим многие образованные галичане проникались воинственной антипольской пропагандой и пополняли радикальную оппозицию, откуда прямая дорога приводила их к вступлению в ряды националистов. Школьная молодёжь под влияние этого вступала в отряды созданной офицерами австро-венгерской армии Романом Сушко и Петром Франко (брат Ивана Франко) ещё в начале XX века молодёжной националистической организации «Пласт» скаутского типа, которая являлась молодым резервом для националистов.

Сразу после начала Первой мировой войны в августе 1914 г. в Вене был создан Союз Освобождения Украины («Союз визволення України», СВУ) во главе которого стояли Скоропис-Йолтуховский, Донцов, Дорошенко, Жук. Члены СВУ на австрийские средства выполняли некоторые агентурные функции, а впоследствии под немецким руководством вели пропаганду и агитацию в лагерях среди военнопленных-украинцев. Редакция органа заграничной организации Украинской социал-демократической рабочей партии «Боротьба» в открытом письме «к российской социалистической эмиграции» в 1915 году прупреждала о продажном характере СВУ и её связях с секретными службами: *«Эта организация, состоящая в большинстве из бывших украинских социалистов, назвавшая себя представительницей российской Украины в Австрии и стремящаяся использовать настоящую войну для создания при помощи воюющих с Россией государств самостоятельной украинской монархической державы, находится на денежном содержании австрийского и немецкого правительств... Руководители союза в начале их деятельности старались скрыть даже перед членами их организаций источник и расходование тех громадных денежных сумм, благодаря которым они, люди без всяких личных средств и жившие перед войной на скромные заработки, вдруг стали во главе большого политического предприятия, издающего несколько органов, массу брошюр и книг на различных языках и содержащего целый штат хорошо оплачиваемых помощников, взятых из среды австрийских украинцев, эмигрировавших из Галиции и Буковины в Вену и охотно согласившихся исполнять при союзе роли администраторов, журналистов, редакторов и дипломатов... «Боротьба» оценивает союз как агентурную организацию правительств центральных государств... питающую надежду на возможность создания центральными государствами «королевства».*

После военного переворота в 1926 г., когда к власти в Польше вернулся маршал Пилсудский, начала проводиться политика польской колонизации захваченных земель, щедро субсидированной польским правительством. По оценке разных источников в период до 1938 г. в Восточную Галицию и Волынь переселилось около 200 тысяч поляков. Началась национальная и религиозная дискриминация русского православного населения при доминировании местного чиновничества и польских националистов. Под разными предлогами закрывались существовавшие ещё с времён Австро-Венгрии русинские школы. Возрастало недовольство, особенно среди молодёжи, не имевшей работы, поскольку небольшое количество мест, предоставляемых государством, неизбежно занимали поляки. Это привело к тому, что радикальные украинские националисты призывали к активному сопротивлению господству поляков. Летом 1930 г. по Галичине прокатилась волна налётов на польские поместья и усадьбы, обычно заканчивавшихся поджогами. В ответ польское правительство обрушило на бунтующие сёла карательные воинские и полицейские подразделения, которыми было разгромлено и ограблено около 800 сельских населённых пунктов, с избиениями протестующих и арестом до 2 тысяч гимназистов, студентов и сельской молодёжи.

Эта внутривнутриполитическая обстановка привела к тому, что в среде радикальных украинских националистов к концу 1920-х годов стала шириться популярность идеи об объединении

усилий в борьбе против польской администрации. Отдельные разбросанные группы националистов в Галичине и среди украинских эмигрантов в Чехословакии стали объединяться. Ещё в 1920 г. в Праге небольшая группа офицеров австро-венгерской армии основала «Украинскую войсковую организацию» (УВО), действовавшую подпольно и ставившую своей целью борьбу против польской оккупации. В создании УВО активное участие принимали известные националисты Евгений Коновалец, Андрей Мельник, Василий Кучабский, Роман Сушко, Емельян Сенник и другие. Курировавшая УВО германская разведка пресекла возникшую было борьбу за руководство организацией и командиром УВО вскоре стал известный деятель украинского националистического движения, бывший прапорщик австро-венгерской армии, полковник «сечевых стрельцов» в армии Центральной Рады, затем казачий атаман при Петлюре, Евгений Коновалец (1891—1938). Первоначально УВО была чисто военной организацией с соответствующей структурой командования. Она при финансовой поддержке эмигрантских украинских политических партий тайно готовила демобилизованных ветеранов в Галичине и интернированных солдат в Чехословакии к антипольскому восстанию, а также проводила операции, направленные на дестабилизацию положения поляков на оккупированных землях. Они включали саботаж и организацию террористических актов в 1921—1922 гг.

С момента организации УВО была под покровительством Галицкого митрополита Андрея Шептицкого, заручившегося благословением Ватикана и имевшего давние связи с германским генералитетом. Именно по его совету Коновалец сразу установил тесные контакты с германской военной разведслужбой, только начавшей заново создаваться Фридрихом Гемппом, бывшим заместителем полковника Вальтера Николаи, начальника разведслужбы вермахта во время Первой мировой войны. Ушедший якобы в отставку Николаи тайно, в обход Версальского договора, занимался восстановлением германской военной контрразведки, которая к 1921 г. организационно оформилась в виде отдела «абвер» в составе военного министерства. Коновалец обязался предоставить в распоряжение абвера всю свою организацию националистов, которые стали проходить обучение диверсионно-разведывательной деятельности в учебных центрах абвера. Евгений Коновалец не брезговал одновременно вступать в связь и с разведками других стран: австрийской, литовской, финской, английской, итальянской, японской, предлагая им свои услуги в организации агентурной и диверсионно-террористической деятельности против СССР.

В 1921 г. Коновалец во Львове начал организацию «повстанческого штаба» под руководством генерала-хорунжего армии УНР Юрия Тютюнника. Из местных боевиков по указанию Симона Петлюры были сформированы две войсковые группы численностью 900—1000 человек под командованием полковника Палия и генерала Янченко, которые в октябре 1921 г. вторглись с двух направлений на территорию Тернопольской области с целью захвата власти в Советской Украине. В состав групп входили начальник разведки УВО Роман Сушко и несколько офицеров польской разведки для организации шпионской и диверсионной сети на советской территории. Правительства Польши и Франции были готовы направить на Украину свои регулярные войска при успехе операции. Об этой операции советской контрразведке стало известно благодаря внедрённому в штаб Тютюнника сотруднику ВЧК Сергея Карина-Даниленко. Вторгшиеся банды националистов были встречены и разгромлены советскими войсками под командованием Виталия Примакова и Григория Котовского, о чём в газете «Пролетарская правда» было написано: *«17 ноября банда Янченко была нашими группами окружена со всех сторон. Рискую быть полностью уничтоженной, банда была вынуждена сложить оружие. Нами захвачен штаб армии, штаб дивизии, 22 пулемета, большой обоз, свыше 250 человек убиты и 517 взяты в плен... Захвачен начальник гражданского управления Куриленко, министр торговли и промышленности Красовский... Часть командного состава, видя свою гибель, застрелилась или подорвалась на гранатах. В числе тех, кто покончил жизнь само-*

убийством, был кандидат в министры внутренних дел М. Белинский. Сам же Тютюнник со своими ближайшими соратниками позорно бежал к своим хозяевам в панскую Польшу.

Бывшего офицера русской императорской армии, атамана «вольного казачества» в армии УНР, Юрия Тютюнника, члена Центральной Рады, через пару лет с помощью упомянутого сотрудника ВЧК удалось выманить на Украину и склонить к сотрудничеству с советской властью, что позволило раскрыть враждебные советской власти планы националистов. Он в своих воспоминаниях писал: *«Национальные герои» типа Петлюры и Левицкого (президента УНР) торговали землями украинской нации, душами миллионов украинских рабочих и крестьян, торговали, скрываясь, как воры от народного глаза и никого не спрашивали. Они же себя считали призванными освободить украинский народ. Вот и «освобождали», отдавая Галичину и Волынь с Холмицкой под господство польского магната».*

В 1920-е годы советская контрразведка сумела обезвредить целую сеть подпольных националистических организаций, созданных петлюровцами с финансированием их польским генштабом. После этой военной авантюры и предпринятых Советской властью дипломатических шагов Польша отказала Петлюре в убежище, он перебрался в Париж, где в 1926 г. был убит Самуилом Шварцбардом, отомстившим бывшему «гетману Украины» за бессмысленные жертвы еврейских погромов в 1918 г.

Деятельность УВО на территории Польши сводилась к актам саботажа (поджоги, повреждение телефонной и телеграфной связи), организации взрывов, «экспроприации» имущества и политическим убийствам. В ноябре 1921 года члены УВО совершили попытку покушения на Ю. Пилсудского. В течение 1922 г. ими было проведено 2300 поджогов поместий, военных складов, правительственных и полицейских помещений, совершено 38 диверсий на железной дороге, около 40 убийств польских полицейских, их агентов, военных и гражданских чиновников польской администрации.

Помимо этого, члены УВО совершали расправы над коммунистами, людьми левых взглядов и вообще простыми жителями, не разделявшими националистической идеологии. Боевики УВО в октябре 1922 г. убили поэта и журналиста Сидора Твердохлиба. Одновременно с этим члены УВО на территории Галиции занимались обычным бандитизмом: грабили почты, кассы и другие учреждения с целью получения денежных средств.

Наладив сеть организаций УВО, состоявшую из организационной, боевой, политической и разведывательной референтур, Коновалец назначил своего заместителя Андрея Мельника руководителем УВО в Галиции и весной 1922 г. выехал в Германию для установления постоянной связи с германской разведкой. Летом 1923 г. Коновальцем было организовано в Праге совещание руководства УВО, на котором, по словам одного из его сподвижников М. Кураха, *«Коновалец сказал, что, находясь в Берлине, он заключил соглашение с германскими правительственными кругами и генеральным штабом германской армии о помощи украинским националистам в осуществлении ими планов по созданию самостоятельного украинского государства... Германия готовится к предстоящей войне с целью сбросить с себя тяжесть Версальского договора и планирует в недалеком будущем агрессию против СССР и Польши... Правительственные круги Германии, завершил Коновалец, согласны оказать помощь украинским националистам, если они примут активное участие на стороне Германии в борьбе с ее врагами».*

В 1923 г. польским органам безопасности удалось арестовать практически всё боевое ядро УВО, но сохранившаяся часть руководства УВО перешла к использованию террористов-одиночек. Глава боевой референтуры УВО в крае Роман Шухевич в 1926 г. совершил убийство во Львове куратора польского школьного образования Я. Собинского. В течение 1928—1929 гг. были произведены нападения на полицейских и взорвано несколько бомб в разных местах. Весной 1930 г. референтуру разведки и связи УВО возглавил Рихард Ярый.

В трофейных немецких документах после Великой Отечественной войны была обнаружена справка 1933 г., в которой приводятся сведения о связи УВО с контрразведкой Германии в 1920-е годы: *«Около 10 лет тому назад было заключено соглашение между прежним начальником контрразведки Германии и нынешним руководителем ОУН полковником Коновальцем. Согласно этому договору, украинская организация получила материальную поддержку, за которую она поставила контрразведке данные о польской армии. Позднее организация взяла на себя также подготовку боевых и диверсионных заданий. Ежемесячные выплаты достигли 9000 рейхсмарок».*

В агентурных донесениях берлинской имперской службы безопасности в августе 1928 г. Евгений Коновалец фигурирует как бывший командир украинского легиона, «зачисленный в чине полковника в германскую армию», который, «вероятнее всего, будет командовать украинскими вооружёнными силами». Ряд других источников сообщал, что Коновалец, будучи официальным агентом-пропагандистом рейхсвера и абвера по украинским вопросам, в 1935—1936 гг. посещал Австрию, Францию, Бельгию, Чехословакию и Японию для установления контактов с официальными кругами этих стран и получения дополнительных средств за предоставление услуг разведывательного характера.

Не остался в стороне от австро-германских планов в отношении Галиции и Малороссии также и Ватикан. Католическая церковь давно мечтала об окатоличивании православного населения России. Галиция виделась Ватикану подходящим стратегическим плацдармом для этого. Папа Лев XIII нашёл достойного кандидата на роль папского резидента в Галиции в лице графа Романа Шептицкого из знаменитого аристократами-священниками семейства Шептицких. И молодой офицер-улан, пожертвовав блестящей карьерой военного, неожиданно для окружающих в конце XIX в. становится монахом. Граф Роман-Мария Александр после долгих переговоров с папскими представителями-иезуитами переходит из католичества в униатство, удостоивается аудиенции у папы, принимает монашеское имя Андрей и, быстро продвигаясь по церковной иерархии от простого монаха к магистру ордена василиан и епископу, становится в 1900 г. предстоятелем Украинской греко-католической церкви и Галицким митрополитом.

В дальнейшем митрополит Андрей Шептицкий (1865—1944) «прославился» организацией шпионской сети в России с помощью ранее завербованного Ватиканом студента духовной академии агента Фёдорова, своим покровительством легиона Украинских сечевых стрельцов в Первую мировую войну и украинских националистов ОУН-УПА во Вторую мировую войну, сотрудничеством с немецкими оккупантами, участием в формировании дивизии СС-«Галичина» и неприглядных поступках, присущих поведению дешёвой проститутки, но не духовному пастырю такого высокого ранга. Незадолго до войны он отправлял заверения своей верности русскому императору Николаю II, затем призывал украинских сечевых стрельцов в бой против русской армии «за святую веру», после взятия Львова русской армией в сентябре 1914 г. и высылки Шептицкого в Россию он снова обращается к царю с верноподданническим посланием, на котором Николай II ставит короткую резолюцию «Аспид». А в 1915 г. в тайнике собора Святого Юра (резиденции Шептицкого во Львове) русской контрразведкой был обнаружен составленный митрополитом секретный план превращения российской Малороссии в австрийскую провинцию «Королевство Украины». Найденные секретные документы безусловно подтверждали *«связь Шептицкого с Берлином и его деятельность в интересах австрийского гентаба».* На докладе об этом двурушничестве Николай II написал, имея в виду Шептицкого: «Какой мерзавец!»

Шептицкий причастен и к призыву массового уничтожения «схизматиков», как он называл православный русский народ. В газете «Мета» (укр. «Цель»), печатном органе созданной им Украинской католической народной партии, в 1932 г. писалось: *«Украинский национализм должен быть готов к любым средствам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физи-*

ческой экстерминации, хотя бы и жертвой миллионов человеческих физических экзистенций». Если туманные латинские термины перевести на обычный язык, то речь идёт о «массовом физическом уничтожении» миллионов «человеческих жизней». Этот «божий пастырь» в ранге митрополита напрочь игнорировал христианский завет о любви к ближнему и заповедь «Не убий!»

Двурушничество присуще этому чудовищному оборотню в митрополичьей мантии, который в 1939 г., не прерывая контактов с ОУН, заверял в своей лояльности И. Сталина, а в первые дни войны направлял приветственные послания Гитлеру. После вступления германской армии во Львов митрополит Андрей Шептицкий приютил в своей резиденции группу абвера и во дворе собора Святого Юры провёл богослужение в честь «непобедимой немецкой армии и её вождя Адольфа Гитлера». А после освобождения Львова от немецких захватчиков снова слал благодарственные письма «великому вождю советского народа Иосифу Сталину».

В завершение характеристики Андрея Шептицкого можно привести мнение царского генерала А. Брусилова об элементарном отсутствии чести у митрополита Шептицкого: *«Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировал против нас... Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслал в Киев в распоряжение главнокомандующего».*

Вообще надо отметить, что Ватикан приветствовал приход в Германии к власти гитлеровского фашизма. В июле 1933 г. в Риме представитель Гитлера министр фон Папен подписал с кардиналом Эудженио Пачелли (в 1939 г. ставшим папой Пием XII) соответствующий договор. Папский посланец кардинал Инницер при встрече с митрополитом Шептицким накануне начала Первой мировой войны сказал: *«Великая Германия приступает к осуществлению взятой на себя святой миссии – уничтожения безбожной России. Фюреру нужна помощь или, может, и жертва со стороны других государств во имя осуществления им большой святой миссии. Такая помощь и жертва была нужна фюреру от Польши... Польша препятствует осуществлению фюрером своих планов по России. И это препятствие фюрер должен снести. Можно считать, что Польша как государство доживает свои последние дни. Для успешного осуществления большой святой миссии фюреру нужно иметь непосредственную границу с Россией. Иначе говоря, мы накануне войны».* Это тот кардинал Инницер, чья коллекция поддельных фотоснимков о Голодоморе легла в основу «доказательств Голодомора» на Украине.

О поддержке греко-католической церковью и её Львовским митрополитом Андреем Шептицким украинских националистов, сотрудничестве с немецкими нацистами, роли униатов в преступной деятельности ОУН и создании эсэсовских подразделений германской армии из украинских националистов говорил на допросе взятый в плен советскими войсками, бывший начальник церковного отдела 4-го управления Главного управления имперской безопасности, штурмбаннфюрер СС Карл Нейгауз: *«После начала Восточного похода и в течение всей войны германские правительственные органы имели тесный контакт и полную поддержку со стороны униатской церкви в Польше и на Украине. Главой этой церкви был львовский архиепископ граф Шептицкий. Он и его церковь являлись передовым отрядом Ватикана на Востоке для осуществления давнишней цели Рима – подчинения себе всей православной церкви... Шептицкий и его ближайшие сотрудники... играли активную роль в создании из украинских националистов дивизии СС «Галиция».*

В 1927—1928 гг. на нескольких конференциях украинских националистов решались вопросы объединения их в единую организацию. В начале 1929 г. на съезде в Вене, названном позже Первым Великим Сбором украинских националистов, была создана единая политическая «Организация украинских националистов» (ОУН) с руководящим органом «Проводом украинских националистов» (ПУН) во главе с Евгеном Коновальцем, ставшим «вождём нации». Т.е. именно члены ОУН считали себя украинской нацией.

Коновалец, постоянно информировавший митрополита Шептицкого о деятельности УВО, так обосновывал необходимость создания политической организации: *«УВО надо превратить в такую организацию, которая будет в состоянии пользоваться в борьбе за массы и для своей политики всеми, а не одним террористическим средством. Украинскую проблему следует брать в целом. В решении этой проблемы ни одно государство не заинтересовано так, как заинтересована Германия... Итак, из этого следует второй вывод, а именно: украинская организация, которая борется за решение украинской проблемы в целом, должна действовать в полном согласии с соответствующими политическими факторами Германии и идти в фарватере ее политики...»*

Молодые энергичные члены разных до этого националистических организаций влились в УВО, которая сохранила несмотря на общее руководство, формальную самостоятельность от ОУН и стала её боевым отрядом. На пражской конференции в 1932 г. УВО вошла в ОУН как референтура по военным делам Краевой Экзекутивы ОУН на западно-украинских землях.

С самого начала Организация украинских националистов, как созданная в основном на базе Украинской войсковой организации (УВО), сохраняла связи и продолжала оставаться в сфере интересов немецкой военной разведки абвер. Сотрудничество украинских националистов со спецслужбами нацистов продолжалось ещё с тех пор, когда были установлены контакты УВО через её германский отдел, руководимый Рихардом Ярым (полное имя Рихард Франц Марьян Яри, бывший офицер австро-венгерской армии, с 1932 г. представитель ОУН при руководстве нацистской НСДАП), с главой штурмовиков Эрнстом Ремом, другими функционерами Рейха и с самим Адольфом Гитлером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.